

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ  
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

# **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

**Научный журнал**

ИЗДАЕТСЯ С НОЯБРЯ 2012 ГОДА

*Выходит два раза в год*

**№ 1 (23) 2024**

Минск  
Международный университет «МИТСО»  
2024

**Учредитель:**

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси  
«Международный университет «МИТСО».  
Адрес редакции: ул. Казинца, 21/3, 220099, г. Минск

**Главный редактор:**

доктор юридических наук,  
профессор Наталья Леонидовна Бондаренко

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1712 от 25.06.2014, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

**Актуальные проблемы гражданского права** : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2024. — 356 с.

Подписано в печать 31.07.2024.

Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,69. Уч.-изд. л. 17,14.

Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано Производственным дочерним унитарным предприятием «Типография Федерации профсоюзов Беларуси». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 26.11.2013 № 2/18. ЛП № 02330/54 от 12.08.2013. Пл. Свободы, 23–103, 220030, г. Минск.

Издание включено в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований (вопросы гражданского права) — приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 9 июня 2016 г. № 158.

Издание индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования — договор на размещение журналов в РИНЦ от 17 декабря 2015 г. № 827-12/2015).

Выходит с 2012 года два раза в год.

## НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Поздняков Владимир Михайлович** — председатель научно-редакционного совета, кандидат технических наук, доцент, ректор Международного университета «МИТСО»;

**Шевцов Юрий Леонидович** — заместитель председателя научно-редакционного совета, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор Международного университета «МИТСО»;

**Бондаренко Наталья Леонидовна** — главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой хозяйственного права Белорусского государственного университета;

**Василевич Григорий Алексеевич** — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета;

**Витушко Владимир Александрович** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь;

**Дадалко Василий Александрович** — доктор экономических наук, профессор, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор Международного университета «МИТСО»;

**Ермолович Владимир Федорович** — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской части Международного университета «МИТСО»;

**Каменков Виктор Сергеевич** — доктор юридических наук, профессор, научный консультант кафедры хозяйственного права Белорусского государственного университета, медиатор, директор Международного научно-образовательного центра медиации, примирения и третейских процедур, национальный корреспондент Беларуси в ЮНСИТРАЛ;

**Мартынченко Игорь Эдуардович** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы;

**Таранова Татьяна Сергеевна** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета;

**Функ Ян Иосифович** — доктор юридических наук, профессор, Председатель Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате.

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Бондаренко Наталья Леонидовна** — главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой хозяйственного права Белорусского государственного университета;

**Гладкая Екатерина Николаевна** — заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент, руководитель центра государственного строительства и права ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»;

**Берестень Владимир Ильич** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного университета «МИТСО»;

**Мартыненко Игорь Эдуардович** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы;

**Дадалко Василий Александрович** — доктор экономических наук, профессор, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор Международного университета «МИТСО»;

**Андрияшко Марина Васильевна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления Барановичского государственного университета;

**Горупа Татьяна Александровна** — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина;

**Комоцкая Ирина Алексеевна** — кандидат юридических наук, доцент;

**Синьков Борис Борисович** — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин и профсоюзной работы Международного университета «МИТСО»;

**Слижевская Оксана Васильевна** — кандидат юридических наук, доцент;

**Халецкая Татьяна Михайловна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь;

**Шаблинская Диана Викторовна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета.

## СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА .....	10
----------------------------------	----

### РАЗДЕЛ I АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Муха Д. В.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО .....	12
---------------------------	----

**Гладкая Е. Н.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ .....	14
---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

**Кочурко Ю. В.**

*(Национальная академия наук Беларуси, г. Минск)*

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ИНДИКАТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....	24
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

**Курилович М. П.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ .....	33
------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

**Слижевская О. В.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

ДОГОВОР СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА КАК ПРАВОВОЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....	50
-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

**Гринько В. В.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ «БАНКОВСКИЙ  
НАДЗОР» И «БАНКОВСКИЙ КОНТРОЛЬ» В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ  
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ..... 59

**Каранчукова В. В.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО  
ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ  
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ..... 71

**Маркевич Д. С., Кочерга О. Р.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ЗА РУБЕЖОМ:  
ОПЫТ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ..... 84

**Якубовский О. А.**

*(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ  
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ  
СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ..... 99

## **РАЗДЕЛ II АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА**

**Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г.**

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ  
СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ  
ДЛЯ ЦИВИЛИСТИКИ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ ..... 109

**Ермолович В. Ф., Волкова Н. А.**

*(Международный университет «МИТСО», г. Минск)*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ  
НА ПРЕДДОГОВОРНОМ И ДОГОВОРНОМ ЭТАПАХ СДЕЛКИ:  
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ ..... 123

**Капитанова А. А.**

*(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск)*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ  
В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ ..... 147

**Пантелеева Н. В.**

*(Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,  
г. Могилев)*

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ  
МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ..... 161

**Рябоволов В. А., Бессарабова В. В.**

*(Национальный центр интеллектуальной собственности  
Республики Беларусь, г. Минск)*

ДОГОВОР ФРАНЧАЙЗИНГА: УСТРАНЕНИЕ  
ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ..... 174

**Самойлов Э. И.**

*(Международный университет «МИТСО», г. Минск)*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА  
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ПРИНЦИПОВ  
РЕАЛИЗАЦИИ КОММЕРЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ..... 187

**Халецкая Т. М.**

*(Институт управленческих кадров Академии управления  
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск)*

ДОМОХОЗЯЙСТВО КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ..... 196

### РАЗДЕЛ III МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Витушко В. А.**

*(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ ... 206

**Гурьева Е. А.**

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)*

СИСТЕМА ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ ..... 229

**Минько Н. С.**

*(Институт правовых исследований Национального центра  
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,  
г. Минск)*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛАЕНС КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА  
ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС:  
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ..... 243

### РАЗДЕЛ IV Трибуна молодого ученого

**Бразевич А. А., Мешкова Н. А.**

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)*

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ  
В СПОРТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ ..... 266

**Брель В. И., Гавриленко А. В.**

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)*

СТРАНОВОЙ МАРКЕТИНГ  
КАК ИНВЕСТИЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ..... 280



**Григорьева В. В.**

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)*

ЛЕГАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ  
ИНВЕСТИЦИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ ..... 294

**Кузьминский А. А., Конаневич Ю. Г.**

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)*

КРИМИНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО  
КАК ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ..... 305

**Малишевский С. Т.**

*(Международный университет «МИТСО», г. Минск)*

ИНСТИТУТ БЕССПОРНОГО ВЗЫСКАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ  
В СИСТЕМЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ  
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ..... 319

**Мокренчук А. Л., Бондаренко Н. Л.**

*(Белорусский государственный университет, г. Минск)*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ ..... 332

**Пахоменко А. И.**

*(Институт управленческих кадров Академии управления  
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск)*

ИГОРНЫЙ БИЗНЕС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:  
ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ..... 343

## КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



### **Уважаемые читатели и авторы журнала, дорогие соратники!**

На протяжении нескольких столетий правоведа и экономисты высказывают обоюдное сожаление об отсутствии тесного взаимодействия правовой и экономической наук, позволяющего рассматривать проблемы в сфере экономики сквозь призму права и наоборот. Разрозненность методологической основы и отсутствие традиции широкого использования принципа междисциплинарности препятствуют осмыслению явлений, социальных феноменов и институтов, находящихся на стыке экономики и права и попадающих в предмет исследования одновременно нескольких наук. Именно такова природа национальной экономической безопасности, вопросы правового обеспечения которой стали тематическим ядром настоящего номера журнала.

Как правило, проблематика национальной экономической безопасности ассоциируется у большинства читателей если не исключительно с экономической наукой, то уж точно с уголовно-правовым циклом отраслей права, но никак не гражданским или хозяйственным правом. Это заблуждение читатели смогут преодолеть, ознакомившись с материалами, представленными научными работниками Института экономики Национальной академии наук Беларуси, в тесном сотрудничестве с которыми подготовлен этот номер журнала.

Авторы статей смогли убедительно доказать, что большинство общественных отношений, складывающихся по поводу обеспечения национальной экономической безопасности, носит

вполне «гражданский», междисциплинарный характер, концентрируя совокупное знание из целого ряда смежных отраслей научного знания. А значит, необходимо приступить к формированию междисциплинарной доктринальной основы, позволяющей выработать единую методологию научных исследований отношений, складывающихся по поводу обеспечения национальной экономической безопасности. Представленный вниманию читателей тематический раздел — первый значительный шаг на пути к решению этой сложнейшей научной задачи.

Научно-редакционный совет журнала и редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы гражданского права» выражают глубокую благодарность директору Института экономики НАН Беларуси, кандидату экономических наук, доценту Денису Викторовичу Мухе за интерес, проявленный к научному сотрудничеству, и высокий профессионализм и желает дальнейших научных достижений всему коллективу Института экономики Национальной академии наук Беларуси, бесспорно, являющемуся ведущим исследовательским центром страны в области экономической науки.

*С уважением,*

**главный редактор журнала, заведующий кафедрой хозяйственного права Белорусского государственного университета доктор юридических наук, профессор Н. Л. Бондаренко**

# РАЗДЕЛ I

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ



**Уважаемые читатели  
и авторы статей научного  
журнала «Актуальные проблемы  
гражданского права»!**

У вас в руках тематический номер, посвященный актуальным проблемам правового обеспечения национальной экономической безопасности.

В Республике Беларусь решению вопросов экономической безопасности уделяется значительное внимание. Об этом свидетельствуют положения Конституции Республики Беларусь, обновленной Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и Концепции правовой политики Республики Беларусь, принятие Закона Республики Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности» и др. Здесь следует отметить, что решение проблем правового обеспечения экономической безопасности невозможно без соответствующего совершенствования правового обеспечения иных видов национальной безопасности (демографической, экологической и прочих).

Современные тенденции показывают, что устойчивое развитие белорусской экономики и обеспечение национальной экономической безопасности во многом возможно с опорой на собственный научно-инновационный потенциал.

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси является сердцем академической экономической науки. На его базе активно работает междисциплинарный научно-исследовательский кластер «Белорусская экономическая школа». Сотрудники Института прилагают немалые усилия для развития научных основ обеспечения экономической безопасности, выступают в качестве независимой экспертной команды при разработке и реализации государственных решений по социально-экономическому развитию Республики Беларусь.

В этот номер вошли труды сотрудников Института экономики, результаты которых направлены на развитие правовых механизмов обеспечения экономической безопасности республики. Каждый из авторов представленных научных работ является экспертом в своей области. По этой причине полученные ими результаты исследований могут быть восприняты практикой и стать основой для дальнейших научных исследований.

Выражаем слова благодарности редакционной коллегии научного журнала «Актуальные проблемы гражданского права» и в отдельности главному редактору — доктору юридических наук, профессору Бондаренко Наталье Леонидовне за предоставленную возможность сотрудникам Института экономики поделиться результатами своих исследований. Надеемся, что они вызовут неподдельный интерес у представителей научного сообщества и практиков.

*С уважением*

**и искренними пожеланиями научного и творческого вдохновения, директор Института экономики НАН Беларуси кандидат экономических наук, доцент Д. В. Муха**

**Е. Н. Гладкая**

руководитель центра государственного строительства и права  
Института экономики Национальной академии наук Беларуси,  
кандидат юридических наук, доцент

## **ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*Аннотация.* В работе предпринята попытка комплексного исследования вопросов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций. Осмыслению подвергнуты сформировавшиеся подходы в законодательстве Республики Беларусь к правовому воздействию на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций предпринимательского и непредпринимательского характера.

Обозначена недостаточность и размытость пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций.

Рассматривая некоммерческие организации в качестве субъектов публично-частного партнерства, имеющих ключевую роль в формировании имиджа Республики Беларусь как социального государства, автор предлагает меры по оптимизации правового воздействия на их хозяйственную деятельность.

*Ключевые слова:* экономическая безопасность, правовое воздействие, пределы правового воздействия, некоммерческие организации, хозяйственная деятельность, социально-ориентированное предпринимательство.

**Введение.** В Республике Беларусь вопросам развития социальной сферы перманентно уделяется значительное внимание, а достигнутые результаты являются предметом гордости. Сильная государственная социальная политика — это своего рода страновой бренд Беларуси. Неслучайным в этой связи видится порядок слов в ст. 1 Конституции Республики Беларусь [1] (далее — Конституция), который указывает на то, что Респуб-

лику Беларусь прежде всего необходимо рассматривать как социальное государство, а уже потом как правовое.

Некоммерческие организации, которые при осуществлении своей деятельности преследуют достижение социальных и иных общественно значимых целей, непосредственно участвуют в формировании имиджа Республики Беларусь как социального государства.

Достижение целей, для которых некоммерческие организации создаются, сопровождается осуществлением ими хозяйственной деятельности как предпринимательского, так и не-предпринимательского характера. Правовой режим такой деятельности имеет свои особенности, связанные с правовым статусом некоммерческих организаций.

Принимая во внимание вышеуказанное, можно заключить, что некоммерческие организации одновременно участвуют в обеспечении социальной и экономической безопасности государства в значении определенной в п. 1 обновленной Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [2]. Вместе с тем их роль в обеспечении экономической безопасности изучена недостаточно. В этой связи исследование пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций как предпринимательского, так и не-предпринимательского характера представляется необходимым и своевременным.

**Основная часть.** Государство как основной регулятор общественных отношений в социальной сфере выступает движущей силой в решении возникающих социальных вопросов. Опорой ему служат частные партнеры — коммерческие организации, созданные в соответствии с законодательством Республики Беларусь, либо индивидуальные предприниматели Республики Беларусь, с которыми заключено соглашение о государственно-частном партнерстве (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» [3] (далее — Закон «О государственно-частном партнерстве»)).

Некоммерческие организации в силу Закона «О государственно-частном партнерстве» не рассматриваются в качестве

частных партнеров, что, по нашему мнению, является законодательным упущением. В результате сформировавшегося подхода институт государственно-частного партнерства, урегулированный нормами Закона «О государственно-частном партнерстве», охватывает лишь часть отношений в сфере публично-частного партнерства (для данного института в национальном праве Республики Беларусь не выработано единообразного понимания — *Прим. автора*).

Представляется, что некоммерческие организации, создаваемые для достижения социальных и иных общественно значимых целей (п. 3 ст. 46 Гражданского кодекса Республики Беларусь [4] (далее — ГК Республики Беларусь)), в силу своего правового статуса и правового режима деятельности даже в большей степени, нежели коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, выступают в роли частных партнеров государства в решении социальных задач (в том числе путем осуществления хозяйственной деятельности (предпринимательского и непредпринимательского характера)). Поясним данный тезис на примере профессиональных союзов.

В соответствии со ст. 27 Закона Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах» [5] (далее — Закон «О профессиональных союзах») профсоюзы в соответствии с их уставными целями и задачами имеют право в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, формировать необходимые фонды солидарности и иные фонды. Следовательно, профессиональные союзы вправе создавать необходимые фонды, например, для участия в правоотношениях, складывающихся по поводу функционирования инновационной инфраструктуры (ст. 25 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-3 «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» [6]), финансирования сферы инноваций и формирования внебюджетных централизованных инвестиционных фондов (Указ Президента Республики Беларусь от 7 августа 2012 г. № 357 «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов» [7]), научной инфраструктуры и проведения научных исследований (ст. 3 и 6 Закона Республики Беларусь



от 21 октября 1996 г. № 708-XIII «О научной деятельности» [8]), функционирования инфраструктуры малого и среднего предпринимательства (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства» [9]) и др. Кроме того:

- на основании норм Указа Президента Республики Беларусь от 6 мая 2010 г. № 240 «Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами» [10] и Закона «О профессиональных союзах» профессиональные союзы являются субъектом общественного контроля;

- в силу ст. 12 Закона «О профессиональных союзах» профессиональные союзы вправе участвовать в качестве полномочных представителей работников в «...приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества, иметь своих представителей в создаваемых комиссиях по приватизации государственного имущества и по преобразованию государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»;

- в соответствии со ст. 64 Кодекса Республики Беларусь о культуре [11] профессиональные союзы могут выступать в роли спонсоров культуры;

- на основании ст. 1 Закона «О государственно-частном партнерстве» профессиональные союзы могут выступать в качестве консультанта проекта государственно-частного партнерства или кредитора частного партнера;

- в соответствии со ст. 1, 7 и 9 Закона Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З «О социальном обслуживании» [12] профессиональные союзы могут выступать в качестве производителя социальных услуг или субъекта, осуществляющего финансирование и (или) оказывающего безвозмездную (спонсорскую) помощь в области социального обслуживания;

- вправе выступать в качестве субъекта правоотношений в области социального предпринимательства и т. д.

В этой связи рациональным полагаем определять смысл и содержание общественных отношений в сфере публично-частного партнерства на основе норм международного правового

акта рекомендательного характера — Модельного закона СНГ «О публично-частном партнерстве» [13]. В соответствии со ст. 1 указанного Модельного закона под публично-частным партнерством следует понимать «юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении ресурсов (денежных средств и иного имущества, профессиональных и иных знаний, опыта, навыков и умений) и распределении рисков (в том числе рисков финансирования, строительства, обеспечения доступности или спроса в отношении объекта публично-частного партнерства или соответствующих публичных услуг и связанных с ними рисков) взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных, муниципальных и иных общественно-значимых задач, находящихся в сфере публичного интереса и контроля». Наряду с этим, в силу ст. 14 Модельного закона СНГ «О публично-частном партнерстве», под частным партнером в рамках публично-частного партнерства следует понимать «индивидуального предпринимателя, национальное юридическое лицо, иностранное юридическое лицо или действующих без образования юридического лица на основании соглашения двух и более юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей (с учетом ограничений, установленных законодательством государства)».

В Республике Беларусь проводится широкомасштабная работа по совершенствованию правового регулирования предпринимательской деятельности. С этой целью был принят Закон Республики Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности» [14] (далее — Закон № 365-З). Несмотря на закрепление новых подходов к правовому регулированию предпринимательской деятельности, в том числе путем изменения состава ее субъектов, Законом № 365-З не затрагиваются вопросы правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, направленной на получение дохода. Наряду с этим законодательством Республики Беларусь только поверхностно определен правовой режим такой деятельности. Дискуссионным, на наш взгляд, является сведение деятельности некоммерческих организаций, направленной на получение дохода, к предприни-

мательской деятельности (п. 3 ст. 46 ГК Республики Беларусь). В данной части отметим следующее: если применительно к хозяйственной деятельности некоммерческих организаций предпринимательского характера в ГК Республики Беларусь сделана попытка установить общие начала для определения ее правового режима, то хозяйственная деятельность некоммерческих организаций, носящая непредпринимательский характер, вообще выпала из области правового регулирования.

Разнообразие организационно-правовых форм некоммерческих организаций, как прямо названных в ГК Республики Беларусь, так и иных, вытекающих из существа законодательства Республики Беларусь (в юридической литературе именуются как нестандартные [15, с. 63–64] (например, научные организации, коллегии адвокатов и прочие)), актуализирует необходимость выработки единых подходов в решении вопроса об определении правового режима доходной деятельности указанных организаций, учитывая их социальную ориентированность. Как представляется, решение обозначенного вопроса лежит в области разработки специализированного Закона Республики Беларуси о некоммерческих организациях, в котором эти самые единые подходы могли бы быть предусмотрены. Пока же вынуждены констатировать, что недостатки правового регулирования в данной части компенсируются некоммерческими организациями на локальном уровне путем издания соответствующих локальных актов (так проявляется вынужденное саморегулирование некоммерческими организациями своей доходной деятельности с целью нивелирования имеющихся пробелов в законодательстве). В данной части также требует решения проблема закрепления в законодательстве Республики Беларусь дублирующих друг друга организационно-правовых форм некоммерческих организаций (в частности, таких как общественная организация, общественное объединение, ассоциация», союз). В основу решения обозначенной проблемы может быть положена авторская концепция, согласно которой общественные объединения и общественные организации предложено рассматривать как общее и частное. В таком случае ассоциации, союзы, религиозные организации, политические партии

и движения следует считать формами общественных организаций [16, с. 15, 17; 17, с. 302–312]. Принятие во внимание предложенного концепта позволит избежать путаницы, существующей в настоящее время в правоприменительной деятельности.

Проблема ненадлежащего правового регулирования хозяйственной деятельности некоммерческих организаций (как предпринимательского, так и непредпринимательского характера) обостряется в контексте развития теории о социально-ориентированном предпринимательстве (некоммерческие организации в зависимости от организационно-правовой формы могут выступать как субъектами вторичного, так и субъектами социального предпринимательства [18, с. 110–124]) и отсутствия комплексных правовых исследований на данную тематику. В целом следует отметить, что общественные отношения с участием некоммерческих организаций достаточно редко выступают предметом правовых исследований. Как представляется, роль некоммерческих организаций в формировании имиджа Республики Беларусь в качестве социального государства недооценена отечественными учеными.

Опираясь на ст. 13 Конституции, в соответствии с положениями которой государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной деятельности, подп. 45.3 п. 45 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 [19], согласно которому взят курс на развитие организационно-правовых форм предпринимательской и иной экономической (хозяйственной) деятельности, а также на основании вышеуказанного мы приходим к выводу о необходимости пересмотра существующих пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций путем выработки конкретных мер по его (имеется в виду правового воздействия) оптимизации. В настоящее время такие пределы носят недостаточный и зачастую размытый характер, что не позволяет некоммерческим организациям в полной мере реализовывать свой потенциал в качестве субъектов социально-ориентированного предпринимательства.

**Заключение.** Таким образом, с целью оптимизации правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций предлагается:

1) пересмотреть перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций для исключения имеющегося дублирования;

2) сформулировать единые подходы к правовому регулированию хозяйственной деятельности некоммерческих организаций, имеющей предпринимательский и, что важно, непредпринимательский характер;

3) рассмотреть возможность разработки проекта Закона Республики Беларусь «О некоммерческих организациях» и отражения в нем уточненных пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций.

### ***Список использованных источников***

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. решением Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. О государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г. № 345-3 ; в ред. от 18 июля 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

5. О профессиональных союзах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 22 апр. 1992 г. № 1605-XII ; в ред. от 19 мая 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-3 : в ред. от 6 янв. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. О порядке формирования и использования средств инновационных фондов [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 авг. 2012 г., № 357 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 07.05.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

8. О научной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 21 окт. 1996 г. № 708-XIII : в ред. от 17 июля 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

9. О поддержке малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-3 : в ред. от 9 янв. 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

10. Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 мая 2010 г., № 240 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

11. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс]: 20 июля 2016 г., № 413-3 : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.07.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

12. О социальном обслуживании [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-3 : в ред. от 30 июня 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

13. О модельном законе «О публично-частном партнерстве» [Электронный ресурс]: постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 28 нояб. 2014 г., № 41-9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

14. Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. № 365-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

15. Конаневич, Ю. Г. Юридические лица : монография / Ю. Г. Конаневич. — Минск : Ковчег, 2018. — 288 с.

16. Гладкая, Е. Н. Правовой статус профессиональных союзов как субъектов гражданского права по законодательству Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Гладкая. — Минск, 2022. — 29 с.

17. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. — Минск : Ковчег, 2022. — 652 с.

18. Гладкая, Е. Н. Признаки вторичного предпринимательства некоммерческих организаций и его место в системе предпринимательства в целом / Е. Н. Гладкая // Актуальные проблемы гражданского права. — 2023. — № 2 (22). — С. 110-124.

19. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

26.04.2024

**E. N. Gladkaya**

Head of the Center for State Construction and Law, PhD in Law,  
Associate Professor

**ECONOMIC ACTIVITY OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS  
IN THE CONTEXT OF LEGAL SUPPORT  
OF NATIONAL ECONOMIC SECURITY**

*Abstract.* The paper attempts to comprehensively study the issues of legal impact on the economic activity of non-profit organizations. The approaches that have been formed in the legislation of the Republic of Belarus to the legal impact on the economic activity of non-profit organizations of an entrepreneurial and non-entrepreneurial nature are analyzed.

The insufficiency and vagueness of the limits of legal impact on the economic activity of non-profit organizations is indicated.

Considering non-profit organizations as subjects of public-private partnerships that play a key role in shaping the image of the Republic of Belarus as a social state, measures are proposed to optimize the legal impact on their economic activity.

*Key words:* economic security, legal impact, limits of legal impact, non-profit organizations, economic activity, socially oriented entrepreneurship.

**Ю. В. Кочурко**

начальник управления научно-организационной  
и правовой работы аппарата Национальной академии  
наук Беларуси, кандидат юридических наук, доцент

## **ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ИНДИКАТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Аннотация.* В статье рассматриваются принципы формирования национальной безопасности, понятие экономической безопасности, правовые индикаторы и механизмы ее правового обеспечения. Автор на основе проведенного анализа нормативных правовых актов Республики Беларусь и научной литературы определены принципы формирования экономической безопасности, раскрыты механизмы правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь и их сущность.

*Ключевые слова:* национальная безопасность, экономическая безопасность, правовые индикаторы, механизмы правового обеспечения экономической безопасности, принципы формирования экономической безопасности.

**Введение.** Обеспечение экономической безопасности государства в последние десятилетия весьма актуально в связи с ускоренными процессами глобализации мировых экономических отношений и интеграции многих государств в различных сферах деятельности. Экономическая безопасность страны отражает способность соответствующих политических, правовых и экономических институтов государства защищать интересы своих субъектов в рамках национальных хозяйственных традиций и ценностей. Как показывает мировой опыт, обеспечение экономической безопасности — это гарантия независимости



страны, условие стабильности и эффективности жизнедеятельности общества, достижения успеха. Поэтому обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов.

Экономическая безопасность — это такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, достаточный экономический потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов, поддержание социально-политической стабильности общества.

Обеспечение безопасности рассматривается как процесс создания условий для стабильного, бескризисного развития личности, общества и государства в соответствии с целями и задачами развития и укрепления прав и свобод личности, суверенитета государства; устранения и предупреждения угроз, условий и других факторов, оказывающих негативное, дестабилизирующее воздействие на развитие нации и государства.

**Основная часть.** В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 [1], обеспечение национальной безопасности представляет собой деятельность субъектов системы обеспечения национальной безопасности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, реализации национальных интересов, созданию необходимых условий для устойчивого развития Республики Беларусь.

Принципами формирования национальной безопасности являются законность, соблюдение конституционных прав и свобод человека; гуманизм и социальная справедливость; гласность; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства, их взаимная ответственность; комплексный подход к решению задач обеспечения национальной безопасности; единство и взаимосвязь видов и направлений обеспечения национальной безопасности; участие в системах международной и региональной коллективной безопасности; разграничение сфер ответственности и полномочий государственных органов в решении задач обеспечения национальной безопасности;

оперативность, своевременность, превентивность и соразмерность мер по нейтрализации источников внутренних угроз и защите от внешних угроз.

Обеспечение национальной безопасности осуществляется по направлениям, выделяемым в соответствии с основными сферами жизнедеятельности личности, общества и государства. Эффективность обеспечения национальной безопасности достигается способностью системы обеспечения национальной безопасности к своевременному выявлению изменений во внутренней и внешней обстановке, формирующих вызовы и угрозы национальной безопасности, своевременному предотвращению либо минимизации последствий кризисных ситуаций в сочетании с целенаправленной деятельностью по защите и реализации национальных интересов.

Основополагающая роль в обеспечении национальной безопасности принадлежит экономической безопасности, которая характеризует состояние экономики, при котором гарантировано обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [2, с. 245].

Важным фактором обеспечения экономической безопасности государства является успешная интеграция страны в глобальное экономическое пространство. При этом защита от угроз экономической безопасности должна обеспечиваться полноценной многовекторной внешнеэкономической политикой, расширением географии экспорта, диверсификацией импорта сырьевых и энергетических ресурсов.

Механизм обеспечения экономической безопасности страны — это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз.

По мнению некоторых ученых-юристов, механизм обеспечения экономической безопасности представляет собой организационно-правовое явление — социально-юридическую систему, которая функционирует в рамках правовой системы общества [3, с. 20].

К механизмам правового обеспечения экономической безопасности можно отнести юридическое прогнозирование, правовой мониторинг, подготовку и экспертизу нормативных правовых актов в данной сфере.

Юридическое прогнозирование в сфере обеспечения экономической безопасности государства заключается в определении качественных и количественных параметров риска возникновения критической ситуации в экономике с позиции права на основе имеющихся представлений об опасностях и правовых характеристиках типичных угроз.

Прогнозирование в сфере обеспечения экономической безопасности государства направлено на научное познание будущего состояния экономической безопасности, условий и факторов, влияющих на его изменение. Соответственно, прогноз как его результат представляет собой научно обоснованное, вероятностное суждение о тенденциях развития угроз экономической безопасности, их детерминантах и последствиях, включающее качественную и количественную оценки предполагаемых изменений состояния всех объектов и субъектов, с выработкой мер по предупреждению угроз.

В обоснование необходимости принятия (издания) нормативного правового акта должна быть включена информация о всестороннем и объективном прогнозе предполагаемых последствий его принятия (издания). Особенностью юридического прогнозирования является то, что выбор и применение избранных правил поведения должны быть эффективными, то есть экономически обоснованными.

Проведение правового мониторинга в сфере обеспечения экономической безопасности обусловлено потребностью совершенствования организации работ в области своевременного выявления и предупреждения угроз путем осуществляемого непрерывно или с заданной периодичностью анализа нормативных правовых актов (их качества, эффективности) в целях контроля над состоянием защищенности критически важных объектов обеспечения экономической безопасности от угроз в виде выявления пробелов, неточностей, ошибок в законодательстве, создающих эти угрозы.

Основная цель мониторинга — оценка эффективности правового регулирования обеспечения экономической безопасности государства и совершенствование (систематизация) законо-

дательства в рассматриваемой сфере. Основные задачи мониторинга — предоставление субъекту обеспечения экономической безопасности объективной информации о тенденциях и потребностях правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере; выявление противоречий, коллизий, дублирования в правовом регулировании, определение эффективности действия правовых норм; обобщение и анализ зарубежного опыта в сфере правового обеспечения экономической безопасности с последующей разработкой предложений по его использованию в законодательстве Республики Беларусь; отслеживание практики реализации нормативного правового акта в ходе обеспечения экономической безопасности.

При подготовке нормативных правовых актов в сфере обеспечения экономической безопасности должна идентифицироваться угроза, негативно отражающаяся на состоянии экономической безопасности, определяться концептуальные варианты решения выявленной проблемы (сохранение действующего нормативного правового акта, внесение в него изменений, признание его утратившим силу, подготовка нового нормативного правового акта).

Проект нормативного правового акта должен пройти комплексную экспертизу: лингвистическую, призванную определить четкость формулировок, исключаящую неоднозначное лингвистическое толкование текста правовой нормы; логико-правовую, направленную на проверку внутренней непротиворечивости содержания оцениваемой правовой нормы (нормативного правового акта), отсутствия пробелов в правовом регулировании, согласованности положений нормы с другими нормами существующей системы права; правовую, направленную на проверку на предмет соответствия норм нормативного правового акта положениям Конституции, международным нормам, а также соответствия данных актов правилам юридической техники; экономическую, криминологическую и иные виды экспертизы, определенные законодательством.

При экспертной оценке проекта нормативного правового акта проверяются полнота перечня возможных угрожающих ситуаций и причин их возникновения; оценка вероятности возникновения угрожающих ситуаций; общий эффект негативного

воздействия экономически небезопасных условий и факторов; специфика угрожающих воздействий; характеристика вреда населению, окружающей среде и объектам производственной и социальной инфраструктуры в результате реализации угроз; сравнительная оценка снижения вероятности возникновения угрожающих ситуаций при предусмотренных проектом мерах по их предупреждению; оценка развития угрожающих ситуаций при вводе в действие предусмотренных проектом мер по их локализации по сравнению с развитием и масштабами угроз экономической безопасности государства при их отсутствии.

Право выступает инструментом правовой регламентации общественных отношений, в рамках которой определяются правовые параметры взаимодействия и посредством реализации права осуществляется управление и координируется деятельность субъектов, воздействующих на те или иные экономические объекты и процессы, устанавливается контроль за названными отношениями.

Индикаторы экономической безопасности — наиболее значимые параметры, характеризующие состояние экономической системы страны, ее устойчивость и мобильность.

Полагаю, что к правовым индикаторам экономической безопасности следует относить не конкретные показатели или параметры, которые характерны в целом для оценки экономической безопасности, а степень полноты правового регулирования данной сферы правоотношений, наличие нормативных правовых актов, регламентирующих обеспечение экономической безопасности.

**Заключение.** 1. Экономическая безопасность — важнейшая качественная характеристика экономической системы, которая определяет ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов. Экономическая безопасность включена в систему государственной безопасности вместе с такими ее слагаемыми, как обеспечение надежной обороноспособности страны, поддержание социального мира в обществе, защита от экологических бедствий.

2. Принципы формирования экономической безопасности Республики Беларусь: законность, соблюдение конституционных прав и свобод человека; гуманизм и социальная справедливость; гласность; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства, их взаимная ответственность; разграничение сфер ответственности и полномочий государственных органов в решении задач обеспечения национальной безопасности.

3. Механизм обеспечения экономической безопасности страны — это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз. Данный механизм включает в себя следующие элементы: внешнеэкономические связи; поддержание высокой конкурентоспособности, развития импорта; привлечение иностранных инвестиций; выявление внутренних и внешних угроз безопасности национальной экономики; разработка и совершенствование нормативных правовых актов, регламентирующих экономические процессы; создание материальных запасов производственного и непроизводственного назначения.

4. Механизмы правового обеспечения экономической безопасности: юридическое прогнозирование, правовой мониторинг, подготовка и экспертиза нормативных правовых актов в данной сфере.

Юридическое прогнозирование в сфере обеспечения экономической безопасности государства заключается в определении качественных и количественных параметров риска возникновения критической ситуации в экономике с позиции права на основе имеющихся представлений об опасностях и правовых характеристик типичных угроз.

Правовой мониторинг направлен на оценку эффективности правового регулирования обеспечения экономической безопасности государства. Основные задачи мониторинга — выявление противоречий, коллизий, дублирования в правовом регулировании, определение эффективности действия правовых норм; обобщение и анализ зарубежного опыта в сфере правового обеспечения экономической безопасности; отслеживание практики реализации нормативного правового акта в ходе обеспечения экономической безопасности.

Подготовка нормативных правовых актов в сфере обеспечения экономической безопасности направлена на внесение в них изменений, признание утратившими силу, разработку нового нормативного правового акта.

Проект нормативного правового акта подлежит прохождению комплексной экспертизы: лингвистической, логико-правовой, правовой, экономической, криминологической и иных видов экспертиз, определенных законодательством.

Механизмы правового обеспечения экономической безопасности направлены на создание правовых основ хозяйственной деятельности, не допускающих неоднозначной трактовки и криминализации экономических отношений, устранение условий и предпосылок роста экономических преступлений.

5. К правовым индикаторам экономической безопасности следует относить степень полноты правового регулирования данной сферы правоотношений, наличие нормативных правовых актов, регламентирующих обеспечение экономической безопасности. Целесообразно проводить правовой мониторинг актов законодательства для их последующего оперативного обновления и совершенствования, чтобы противостоять экономическим угрозам и обеспечивать национальную безопасность страны.

### ***Список использованных источников***

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Национальная экономика Беларуси: Потенциалы. Хозяйственные комплексы. Направления развития. Механизмы управления: учеб. пособие / В. Н. Шимов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Шимова. — Минск: БГЭУ, 2005. — 844 с.

3. Макарейко, Н. В. Механизм правового обеспечения экономической безопасности / Н. В. Макарейко // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2008. — № 1 (8). — С. 15–20.

06.06.2024

**Y. V. Kochurko**

Head of scientific-organizational and legal work of the National Academy of Sciences of Belarus, PhD in Law, Associate Professor

**PRINCIPLES OF FORMATION, INDICATORS AND MECHANISMS  
OF LEGAL SUPPORT OF ECONOMIC SECURITY  
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

*Abstract.* The article discusses the principles of national security formation, the concept of economic security, legal indicators and mechanisms of its legal provision. The author, based on the analysis of normative legal acts of the Republic of Belarus and scientific literature, defines the principles of economic security formation, reveals the mechanisms of legal provision of economic security of the Republic of Belarus and their essence.

*Key words:* national security, economic security, legal indicators, mechanisms of legal provision of economic security, principles of economic security formation.



**М. П. Курилович**

заведующий сектором эколого-правовых исследований  
центра государственного строительства и права  
Института экономики Национальной академии наук Беларуси,  
кандидат юридических наук

## **ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*Аннотация.* В статье обосновывается возможность применения публично-частного партнерства в экологических отношениях как специального правового средства, обеспечивающего сотрудничество государства и субъектов экономической деятельности с возможным привлечением заинтересованной общественности, что развивает научные представления о правовом механизме охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, способствует введению дополнительных источников финансирования природоохранной деятельности. Автором сформулировано определение понятия «публично-частное партнерство в экологических отношениях» с целью его закрепления в законодательстве Республики Беларусь об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, уточнено правовое положение участников такого партнерства как субъектов экологических правоотношений, обоснована необходимость институционализации публично-частного партнерства в экологических отношениях с установлением его организационной структуры и выделением способов, форм и вариантов его осуществления.

*Ключевые слова:* публично-частное партнерство, экологические отношения, охрана окружающей среды, экологическое право.

**Введение.** Основу для развития партнерских отношений между государством, частным сектором и организациями гражданского общества закладывают международные правовые документы [1], которые признают, что социально-экономическое развитие зависит от рационального использования природных ресурсов (п. 17.16), закрепляя партнерство с участием

многих заинтересованных сторон в качестве системного аспекта (п. 17.17).

Сформулированные в международной повестке задачи по достижению Целей устойчивого развития нашли свое отражение и на национальном уровне — в документах программного и стратегического характера [2; 3], закладывающих основы для развития партнерства, объединяя охрану окружающей среды с экономической деятельностью, отмечая важность внедрения экономических инструментов в сферу регулирования экологических отношений [4], в связи с чем совершенствование правового обеспечения партнерства государства, субъектов экономической деятельности и заинтересованной общественности в сфере экологических отношений, а также создание правовой основы для привлечения инвестиций в исследуемую сферу путем партнерства представляется мерой, обусловленной современными потребностями общества и происходящими в нем процессами и имеющей в том числе эколого-значимый характер.

Однако не любое взаимодействие государства, субъектов экономической деятельности и общественности будет являться партнерством. Так, для признания такого взаимодействия в сфере экологических отношений партнерством необходимо его соответствие следующим юридически значимым признакам: а) приложение данного правового средства к общественно значимым с государственной точки зрения явлениям; б) экономически обоснованный интерес субъектов хозяйствования к участию в партнерстве; в) вовлеченность общественности в случае ее заинтересованности, из чего следует, что осуществление проектов партнерства возможно только при наличии надлежащей нормативно-правовой основы и организационной структуры. В свою очередь, отличительными чертами партнерства в экологических отношениях являются: а) предпочтительность трехстороннего взаимодействия в вариации публично-частного партнерства, подразумевающей открытость, доступность для частной инициативы, возможный многосторонний характер партнерства, в том числе с привлечением общественности; б) главенствующая роль в партнерстве принадлежит государ-

ству, которое регулирует и контролирует каждый из этапов реализации проекта, при этом частный партнер приобретает большую самостоятельность и выгоду по сравнению с проектами, реализуемыми вне партнерства.

С точки зрения терминологии обращаем внимание, что в статье используется понятие «*публично-частное партнерство*» (далее — ПЧП), однако не как замена для закрепленного в законодательстве *государственно-частного партнерства* (далее — ГЧП) [5], а в целях обозначения партнерства государства, бизнеса при возможном участии заинтересованной общественности в качестве самостоятельного вида, учитывающего специфику экологических отношений. Такая необходимость объясняется и тем, что в законодательстве Республики Беларусь закреплено только ГЧП, потенциал которого не используется в сфере экологических отношений.

**Основная часть.** В условиях двойственности взаимодействия общества с окружающей средой, которое одновременно нуждается в благоприятной окружающей среде и в развитии экономики на основе использования природных ресурсов [6, с. 24], задачей государства становится проведение сбалансированной экологической политики для обеспечения сохранности окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и их воспроизводства, реализация которой ведет к привлечению в природоохранную деятельность средств тех субъектов права, чья экономическая деятельность в наибольшей степени оказывает воздействие на окружающую среду. Для этого наряду со сложившимися экономико-правовыми средствами целесообразно привлекать такого рода инструменты, которые проявили себя в иных областях экономических отношений, но не применяются пока в сфере экологических отношений. Примером может служить и закрепленное в национальном законодательстве ГЧП, которое, являясь правовым средством, способствующим развитию правового механизма охраны окружающей среды, позволяющим повысить эффективность природоохранных мер без привлечения дополнительных бюджетных средств, до сих пор не стало его институциональным инструментом [7, с. 38].

*Понятие «публично-частное партнерство в экологических отношениях».* Введение в национальное законодательство нового правового средства наравне с существующим ГЧП ставит вопрос о соотношении терминов «государственный» и «публичный». Так, при понимании, что данный вопрос возник в результате особенностей перевода на русский язык термина «public-private partnership», мы приходим к выводу, что в контексте исследуемых нами экологических отношений «государственный» не равно «публичный». Учитывая специфику исследуемого партнерства, возникает необходимость их разграничения. Проанализировав предложенные в толковом словаре русского языка определения понятий «государственный» и «публичный» [8], приходим к выводу, что выбор законодателем дефиниции «государственно-частное партнерство» не случаен и указывает на преобладающую функцию государства, его преобладание в сотрудничестве [9]; при этом ПЧП позволяет говорить о большей открытости, гибкости в плане привлечения субъектов к взаимодействию, что наиболее оправдано в сфере экологических отношений, а также позволяет привлекать к сотрудничеству и заинтересованную общественность, способствуя тем самым реализации права граждан на благоприятную окружающую среду.

Тем не менее для устранения проблемы реализации партнерства в сфере экологических отношений необходимо в Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII (в ред. от 17.07.2023) «Об охране окружающей среды» (далее — Закон «Об охране окружающей среды») [10] ввести как специальное природоохранное средство «публично-частное партнерство в экологических отношениях» с закреплением определения данного понятия в следующей формулировке: «публично-частное партнерство в экологических отношениях — юридически оформленное на определенный срок сотрудничество государственного и частного партнеров с возможным участием заинтересованной общественности, направленное на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение

вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий».

С учетом сказанного необходимо обозначить и субъектный состав ПЧП. Так, исходя из анализа полномочий государственных органов, закрепленных в национальном законодательстве [5; 10; 11], партнерами могут выступать: на стороне государственного партнера — органы государственного управления специальной компетенции, местные Советы депутатов, местные исполнительные и распорядительные органы и (или) уполномоченные ими государственные организации; на стороне частного партнера — юридические лица и индивидуальные предприниматели; на стороне общественности — общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, граждане (группы граждан).

Отдельно стоит уделить внимание возможности участия общественности в такого рода партнерстве. Правовую основу для ее участия в процессе принятия экологически значимых решений составляет Конституция Республики Беларусь, закрепляющая, в частности, право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей (ст. 37); право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы (ст. 40) [12]. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» определяет круг прав и обязанностей граждан и общественных объединений (ст. 13–18), что находит развитие и в специальном законодательстве. Расширило возможности участия общественности в принятии экологически значимых решений и постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 июня 2016 г. № 458 «О порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, экологических докладов по стратегической экологической оценке, учета принятых экологически значимых решений, участия в них юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей» [13]. При этом, несмотря на тот факт, что в доктрине юридической науки указывалось на необходимость закрепле-

ния понятия «заинтересованная общественность» в национальном законодательстве [14, с. 7; 15, с. 404], данная дефиниция в нем отсутствует, а кого относить к обозначенной группе общественности, разъясняет Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (1998 г., Дания (Орхусс)), стороной которой Республика Беларусь являлась до 18 июля 2022 г. [16].

В этом ключе заметим, что отсутствие названного определения в национальном законодательстве существенно усложняет процесс привлечения заинтересованной общественности к сотрудничеству, а также «не позволяет использовать данную формулировку в нормативных правовых актах, не раскрывая ее содержания применительно к механизмам охраны окружающей среды» [15, с. 398]. Официальное определение данного понятия позволит закрепить и механизмы вовлечения общественности в сотрудничество. Мы полагаем возможным отнесение к заинтересованной общественности некоммерческих организаций, объединений граждан в легализованных государством формах, международные организации, ученых и т. д.

Основываясь на сказанном выше, учитывая тот факт, что в законодательстве Республики Беларусь выстроена система ГЧП, предлагается внедрить ПЧП в уже существующие нормы для применения исключительно в сфере экологических отношений. Так, категория «публично-частное партнерство» необходима не в качестве замены закреплённому в законодательстве ГЧП, а наравне с ним с учетом специфики экологических отношений.

*ПЧП в правовом механизме охраны окружающей среды.* В Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», фактически консолидирующем систему природоохранного законодательства, закреплены структурные элементы только для экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования (ст. 40). В то же время классификация элементов организационно-правового механизма охраны окружающей среды обоснована в доктрине экологического права [17, с. 36].

Так, финансирование программ и мероприятий по рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды производится в том числе за счет «иных привлекаемых для реализации этих программ и мероприятий внебюджетных источников, не запрещенных законодательством» [10, ст. 42]. Развитие научных представлений об экономических средствах природоохранной политики на международном и национальном уровнях, в том числе закрепление понятия «"зеленая" экономика» в вышеназванном Законе, создают предпосылки для формирования нормативной правовой основы для развития инвестирования в охрану окружающей среды посредством ПЧП в целях решения существующих экологических проблем, что наполняет такое партнерство конкретным содержанием.

При этом деление названных средств на выполняющие превентивную и регулятивную функции и на создающие особые условия природопользования [6, с. 151] позволяет выявить отдельные элементы механизма охраны окружающей среды, применяемые на различных стадиях хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, позволило сформулировать понятие «экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности» в рамках учения о правовом механизме охраны окружающей среды [7, с. 85–124; 18, с. 58, с. 86], развитию которого будет способствовать и его организация в рамках партнерства. В свою очередь, анализ роли и места ПЧП в правовом механизме охраны окружающей среды позволяет предложить его в качестве элемента правового механизма охраны окружающей среды, применение которого возможно как в качестве самостоятельного природоохранного инструмента, способного обеспечить результативность существующих механизмов охраны окружающей среды, так и в сочетании с иными мерами охраны окружающей среды с внесением соответствующего дополнения в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (закрепление отдельной главы «Партнерство в области охраны окружающей среды и природопользования», которую следует разместить после

главы «Экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования»).

Как отмечалось ранее, осуществление проектов партнерства возможно только при наличии надлежащей нормативно-правовой основы, а также организационной структуры, то есть мы можем говорить в целом об институционализации ПЧП как специального правового средства охраны окружающей среды, которая включает: а) разработку и введение в законодательство об охране окружающей среды правовых норм с целью формирования ПЧП как правового института; б) создание институциональной среды партнерства путем наделения государственных органов специальной компетенции полномочиями по организации и (или) научно-методическому обеспечению партнерства в экологических отношениях.

В рамках разработки и введения в законодательство об охране окружающей среды правовых норм с целью формирования ПЧП как правового института предлагается закрепить в законодательстве о ГЧП деятельность по охране окружающей среды в качестве самостоятельной сферы осуществления партнерства с внесением соответствующего дополнения в Закон Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» (ст. 5); признать ПЧП в качестве самостоятельного направления реализации государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды с внесением соответствующего дополнения в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (ст. 7).

В рамках создания институциональной среды ПЧП наделить местные Советы депутатов и исполнительные и распорядительные органы полномочиями государственного партнера при осуществлении ПЧП в области охраны окружающей среды; расширить компетенцию Межведомственного инфраструктурного координационного совета при Министерстве экономики Республики Беларусь добавлением координационной функции по вопросам партнерства в перечень его задач с одновременным наделением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь полномочиями по организации



и научно-методическому обеспечению партнерства в экологических отношениях, для чего также необходимо законодательно наделить общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, правом принимать участие в осуществлении проектов ПЧП [19; 20].

*Способы и формы осуществления партнерства.* В целях создания правовой основы для реализации партнерства целесообразно выделить формы и варианты его осуществления в зависимости от круга участников, а также видов экологических отношений, в которых такое партнерство применимо, что в перспективе позволит: а) расширить круг возможностей бизнеса как партнера в проектах в сфере экологических отношений; б) сохранить контрольную функцию государства; в) вовлечь во взаимодействие общественные объединения с передачей им полномочий по ведению проекта партнерства от имени товарищей.

В научной литературе обоснованы два способа осуществления ПЧП в зависимости от формы оформления отношений [21, с. 30–31]: контрактный/инфраструктурный способ — понимает под партнерством сотрудничество, оформленное в договоре; институциональный — реализуется путем создания совместного юридического лица (Казахстан, Франция). Законодательство некоторых государств предусматривает и возможность планирования базовых параметров проектов ГЧП в концепциях развития отраслей (сфер), национальных проектах [22, п. 4 ст. 7] — так называемый программный способ. Подобный механизм призван избавить будущих партнеров от разработки пакетов документации по стандартным проектам ГЧП и прохождения многочисленных экспертиз, согласований с целью уравнивать возможности потенциальных инвесторов [22; 23].

В Республике Беларусь законодатель придерживается инфраструктурного подхода к ГЧП, однако, исходя из существующих в законодательстве средств, возможна реализация смешанного способа (институционально-инфраструктурного) осуществления партнерства через заключение договора простого товарищества (договора о совместной деятельности) [24, ст. 911]. Такое взаимодействие позволит избежать громоздкой

процедуры создания юридического лица под реализацию конкретного проекта (что в случае с охраной окружающей среды значительно затормозит инициативы со стороны частного партнера). Кроме того, такого рода решение позволит расширить круг возможностей бизнеса как партнера в проектах в сфере экологических отношений, сохранив контрольную функцию государства [20].

С учетом вышесказанного, способами осуществления ПЧП являются инфраструктурный, институциональный, программный, смешанный. Анализируя национальное законодательство, среди форм ПЧП можно выделить соглашение о партнерстве, инвестирование в охрану окружающей среды, концессионный и инвестиционный договоры. При этом в зависимости от выбора способа и правовой формы партнерства возможны следующие варианты его субъектного состава: «государство — бизнес», «бизнес — бизнес», «бизнес — общественность», «государство — общественность», «государство — бизнес — общественность». В свою очередь, субъектный состав будет оказывать влияние на выбор экологических отношений, в которых применимо ПЧП:

при варианте партнерства «государство — бизнес — общественность» — проведение экологической экспертизы; участие общественных экологов и общественных инспекторов охраны животного и растительного мира в природоохранной деятельности; общественные обсуждения отчета об оценке воздействия на окружающую среду; участие общественности в бассейновых советах, в координационном совете по управлению биосферным резерватом;

при партнерстве в варианте «бизнес — бизнес» в целях охраны окружающей среды — экологическое страхование, экологический аудит, экологическая сертификация;

при варианте партнерства «государство — бизнес» целесообразно закрепление в актах законодательства об использовании природных ресурсов (там, где это не установлено) норм, обеспечивающих заключение соглашений о ПЧП, в том числе предусматривающих возложение на частного партнера обязанностей по восстановлению природных ресурсов, что будет способствовать повышению эффективности их использования и охраны.

Выделение названных экологических отношений в качестве составных форм и вариантов партнерства позволит обеспечить их понятность для субъектов, а также создаст правовую основу для их применения на практике.

**Заключение. 1.** Наличие в законодательстве сложившегося механизма охраны окружающей среды, соединяющего посредством экологических требований хозяйственную деятельность, которая оказывает воздействие на окружающую среду, и необходимые в связи с этим природоохранные меры, а также сформулированные в статье определение понятия и субъектный состав публично-частного партнерства в экологических отношениях, направления его реализации позволили научно обосновать целесообразность применения публично-частного партнерства в сфере экологических отношений как специального правового средства, обеспечивающего сотрудничество государства и субъектов экономической деятельности с возможностью привлечения заинтересованной общественности, что развивает научные представления о правовом механизме охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, способствует введению дополнительных источников финансирования природоохранной деятельности. Сделанный вывод, позволяет:

рассматривать осуществление публично-частного партнерства в качестве элемента правового механизма охраны окружающей среды с внесением соответствующего дополнения в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»;

предложить определение понятия *«публично-частное партнерство в экологических отношениях»* с целью закрепления его в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в следующей формулировке: «юридически оформленное на определенный срок сотрудничество государственного и частного партнеров с возможным участием заинтересованной общественности, направленное на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий»;

обосновать субъектный состав публично-частного партнерства в экологических отношениях: на стороне государственного партнера — органы государственного управления специальной

компетенции, местные Советы депутатов, местные исполнительные и распорядительные органы и (или) уполномоченные ими государственные организации; на стороне частного партнера — юридические лица и индивидуальные предприниматели; на стороне заинтересованной общественности — общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, граждане (группы граждан).

2. В целях развития публично-частного партнерства в исследуемой сфере необходима его институционализация как специального правового средства охраны окружающей среды за счет: а) разработки и введения в законодательство об охране окружающей среды правовых норм с целью формирования публично-частного партнерства как правового института; б) создания институциональной среды партнерства путем наделения государственных органов специальной компетенции полномочиями по организации и (или) научно-методическому обеспечению партнерства в экологических отношениях; в) признания смешанного институционально-инфраструктурного способа осуществления партнерства.

3. Обоснованные подходы к институционализации публично-частного партнерства в экологических отношениях позволяют выделить способы, формы, а также варианты его осуществления в зависимости от круга участников, виды экологических отношений, в которых такое партнерство применимо.

Способами осуществления публично-частного партнерства являются инфраструктурный, институциональный, программный, смешанный.

К формам публично-частного партнерства относятся соглашения о партнерстве, инвестирование в охрану окружающей среды, концессионный и инвестиционный договоры. При этом в зависимости от выбора способа и правовой формы партнерства возможны различные варианты его субъектного состава, в свою очередь, оказывающие влияние на выбор экологических отношений, в которых применимо партнерство. Законодательное закрепление публично-частного партнерства как правового средства охраны окружающей среды с выделением способов, форм и вариантов осуществления такого партнерства будет способствовать использованию на практике уже имеющихся правовых средств.

4. Полученные выводы подтверждают выдвинутую автором гипотезу о возможности применения публично-частного партнерства как специального правового средства охраны окружающей среды, что позволяет сформулировать следующие рекомендации, дополняющие доктрину экологического права:

закрепить в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» отдельную главу «Партнерство в области охраны окружающей среды и природопользования»;

закрепить в законодательстве о государственно-частном партнерстве деятельность по охране окружающей среды в качестве самостоятельной сферы осуществления партнерства с внесением соответствующего дополнения в Закон Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве»;

признать публично-частное партнерство в качестве самостоятельного направления реализации государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды с внесением соответствующего дополнения в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»;

наделить местные Советы депутатов и исполнительные и распорядительные органы полномочиями государственного партнера при осуществлении публично-частного партнерства в области охраны окружающей среды;

расширить компетенцию Межведомственного инфраструктурного координационного совета при Министерстве экономики Республики Беларусь добавлением координационной функции по вопросам государственно-частного партнерства в перечень его задач с одновременным наделением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь полномочиями по организации и научно-методическому обеспечению партнерства в экологических отношениях;

наделить общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, правом принимать участие в осуществлении проектов публично-частного партнерства.

## **Список использованных источников**

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи, 25 сент. 2015 г. // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: [https://www.un.org/ga/search/view\\_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R). — Дата доступа: 10.03.2024.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Респ. Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс] : протокол заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г., № 10. // М-во экономики Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogorazvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. — Дата доступа: 10.03.2024.

3. О Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 дек. 2021 г., № 710 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

4. Курилович, М. П. Публично-частное партнерство как правовой инструмент, связующий элементы устойчивого развития / М. П. Курилович // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. — 2022. — № 5. — С. 96–103.

5. О государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 30 дек. 2015 г. № 345-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. — Минск : Вышэйшая школа, 2016. — 383 с.

7. Макарова, Т. И. Проблемы формирования правового механизма охраны окружающей среды в доктрине экологического права и законодательстве Республики Беларусь / Т. И. Макарова // Актуальные проблемы государственной экологической политики : сб. материалов заоч. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р. Х. Гиззатуллин. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. — С. 47–54.

8. Словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М. : Полиграфресурсы, 1999. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/04/ma133920.htm?cmd=0&istext=1>. — Дата доступа: 01.03.2024.

9. Айрапетян, М. С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства / М. С. Айрапетян // Государственная власть и местное самоуправление. — 2009. — № 2. — С. 35–42.

10. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-ХІІ : в ред. от 17 июля 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

11. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 108-З : в ред. от 12 июля 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

12. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

13. О порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, экологических докладов по стратегической экологической оценке, учета принятых экологически значимых решений, участия в них юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 июня 2016 г., № 458 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

14. Макарова, Т. И. Правовое обеспечение участия общественности в принятии экологически значимых решений / Т. И. Макарова. — Минск : Тонпик, 2003. — 45 с.

15. Губская, Н. С. Участие общественности в принятии экологически значимых решений как элемент механизма защиты и обеспечения экологических прав граждан / Н. С. Губская // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / редкол.: В. И. Семенков, Г. А. Василевич [и др.] ; Нац. центр законодательства правовой информации Респ. Беларусь. — Минск : Право и экономика, 2009. — Вып. 4. — С. 393–408.

16. О выходе Республики Беларусь из международного договора [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июля 2022 г., № 247 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

17. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т. И. Макаровой. — Минск : БГУ, 2016. — 191 с.

18. Мороз, О. В. Проблемы правового регулирования оценки воздействия на окружающую среду с учетом трансграничного фактора /

О. В. Мороз // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні : навук.-практ. і інфарм.-метаад. часопіс. — 2021. — № 2 (64). — С. 52–59.

19. Курилович, М. П. Правовое регулирование взаимодействия государства и бизнеса в сфере охраны окружающей среды: анализ зарубежного законодательства и опыта / М. П. Курилович // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол. И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : ГрГУ, 2022. — Вып. 7. — С. 381–389.

20. Курилович, М. П. Правовые проблемы институционализации публично-частного партнерства в сфере охраны окружающей среды / Т. И. Макарова, М. П. Курилович // Журнал Белорусского гос. ун-та. Право. — 2023. — № 1. — С. 25–33.

21. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — 528 с.

22. О государственном-частном партнерстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 31 окт. 2015 г. № 379-V // Юрист. — Режим доступа: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=37704720](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37704720). — Дата доступа: 29.03.2024.

23. Интервью о развитии ГЧП в Казахстане: состояние, тенденции и перспективы [Электронный ресурс] / Офиц. информ. ресурс Премьер-Министра Респ. Казахстан. — Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/interviews/intervyu-o-razvitie-gchp-v-kazahstane-sostoyanie-tendencii-i-perspektivy-1053646>. — Дата доступа: 29.03.2024.

24. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 03.01.2023 : с изм. и доп. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. — Дата доступа: 25.03.2024.

30.04.2024



**M. P. Kurylovich**

Head of the sector of environmental and legal research  
of the Center for State Construction and Law Institute  
of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,  
PhD in Law

**PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP  
AS AN ORGANIZATIONAL AND LEGAL INSTRUMENT  
FOR ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY**

*Abstract.* The article substantiates the possibility of using public-private partnership in environmental relations as a special legal means that ensures cooperation between the state and economic entities with the possible involvement of the public, which develops scientific ideas about the legal mechanism of environmental protection and rational use of natural resources; promotes the introduction of additional sources of financing for environmental activities. The author has formulated a definition of the concept of «public-private partnership in environmental relations» with the aim of enshrining it in the legislation of the Republic of Belarus; the legal status of the participants in such a partnership as subjects of environmental legal relations has been clarified; the need to institutionalize public-private partnerships in environmental relations is substantiated, with the establishment of its organizational structure and the identification of methods, forms and options for its use.

*Key words:* public-private partnership, environmental relations, environmental protection, environmental law.

**О. В. Слижевская**

ведущий научный сотрудник центра государственного строительства и права Института экономики Национальной академии наук Беларуси, кандидат юридических наук, доцент

## **ДОГОВОР СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА КАК ПРАВОВОЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Аннотация.* В связи с демографическими проблемами, обусловленными показателями смертности, превышающими показатели рождаемости, особую актуальность приобретает поиск механизмов, позволяющих повысить рождаемость и приостановить депопуляцию. Таких механизмов действующим белорусским законодательством предусмотрено немало: льготная налоговая политика; жилищные льготы для семей, имеющих двоих и более детей; государственные пособия семьям, воспитывающим детей, и другие.

Однако перечисленные механизмы предполагают стимулирование рождаемости, базирующееся на предположении о том, что повысить рождаемость в силу любому и каждому гражданину. Тем не менее, по данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, около 14,5–15 % супружеских пар в Беларуси бесплодны по разным причинам [1].

*Ключевые слова:* договор, донор, материнство, регулирование, суррогатная мать, условия, согласие.

**Введение.** Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 6 утверждена обновленная Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, положениями которой в качестве отдельного вида национальной безопасности названа демографическая безопасность. В условиях снижения рождаемости в Республике Беларусь обостряются демографические проблемы, в связи с чем приобретают особую актуальность

исследования, направленные на изучение правовых способов, позволяющих повысить рождаемость и приостановить депопуляцию.

Впервые нашедший закрепление в законодательстве Республики Беларусь в 2006 году и к настоящему времени несколько изменившийся институт суррогатного материнства является наиболее резонансным. Однако практика его правоприменения продолжает оставаться незначительной в силу объективных обстоятельств, связанных с дискуссионными вопросами различного рода: от вопросов биоэтического выбора до правовых и социальных.

Вопросы оказания медицинской помощи для преодоления бесплодия с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ) в Республике Беларусь урегулированы на законодательном уровне и достаточно хорошо, чтобы не ставить под сомнение законность применения такого вида современных медицинских технологий.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее — Закон о ВРТ) в Республике Беларусь возможно к применению три вида ВРТ:

- 1) искусственная инсеминация;
- 2) экстракорпоральное оплодотворение;
- 3) суррогатное материнство [2].

Правовое регулирование института суррогатного материнства в разных странах формировалось по-разному. Даже если процедура официально разрешена и является частью медицинской практики, за время проведения всех необходимых для его применения манипуляций, беременности и даже при рождении детей возникает немало юридических вопросов. Большие споры до сих пор вызывает вопрос как этичности суррогатного материнства как способа «эксплуатации» суррогатной матери, с одной стороны, так и возможности получения ею вознаграждения за рожденного и переданного родителям ребенка — с другой.

В определенном смысле слова «юридической колыбелью» суррогатного материнства можно назвать Соединенные Штаты Америки (США). Первые программы суррогатного материнства, в том числе сопровождаемые юристами, прошли именно там. Однако многие пары, которые нуждались в помощи суррогатных

матерей для преодоления бесплодия, отказывались от участия в таких программах из-за опасений, что суррогатная мать оставит малыша себе. Поэтому большое распространение начали получать программы суррогатного материнства среди родственников [3].

**Основная часть.** Правовые основы регулирования суррогатного материнства в Республике Беларусь заложены в Законе о ВРТ. Благодаря изучению положительного мирового опыта применения суррогатного материнства белорусскому законодателю удалось создать успешно работающую систему регулирования такого сложного варианта правоотношений, возникающего в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий. Отчасти это произошло благодаря введению обязательного требования по нотариальному удостоверению договоров суррогатного материнства, заключаемых в Республике Беларусь. Это позволило обеспечить проведение всесторонней проверки всех сделок в сфере суррогатного материнства, отдать их в руки профессионалов, работающих в белорусском нотариате. Но обо всем по порядку.

В соответствии с Законом о ВРТ суррогатное материнство является одним из видов вспомогательных репродуктивных технологий, которые доступны в Республике Беларусь для оказания медицинской помощи при бесплодии. Законом закреплены также требования к кандидатам на роль суррогатной матери, договору суррогатного материнства, в том числе его существенные условия и необходимость нотариального удостоверения [2].

Суррогатное материнство применяется в Республике Беларусь только на основании нотариально удостоверенного договора суррогатного материнства.

Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее — ГК) установлено, что нотариальное удостоверение сделок осуществляется путем совершения на документе, соответствующем определенным требованиям, удостоверительной надписи нотариусом или другим должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие [4]. Правовые основы деятельности нотариата регулирует Закон Республики Беларусь от

18 января 2004 г. № 305-3 «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее — Закон о нотариате) [5].

Договор суррогатного материнства заключается между суррогатной матерью и женщиной, которая может являться генетической матерью или воспользоваться донорской яйцеклеткой. Соответственно, вторая сторона договора суррогатного материнства будет именоваться или «генетическая мать», или «женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой».

В Беларуси суррогатное материнство разрешено в следующих случаях:

- гетеросексуальные супружеские пары, которым необходимо суррогатное материнство по медицинским показаниям;
- одинокая женщина, если она не может выносить беременность по определенным медицинским показаниям и она способна предоставить свои собственные яйцеклетки для оплодотворения. Это условие очень важно, поскольку ребенок должен быть генетически связан хотя бы с одним из родителей. В случае, если родитель только один (одинокая женщина), этот родитель должен иметь генетическую связь с ребенком, рожденным посредством суррогатного материнства.

Так, в соответствии со ст. 22 Закона о ВРТ суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от 20 до 35 лет включительно, состоящая в браке и имеющая ребенка, не имеющая медицинских противопоказаний к суррогатному материнству. В некоторых случаях суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от 20 до 49 лет включительно при условии, что она является родственницей генетической матери, женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, или ее супруга [2].

Услугой суррогатной матери может воспользоваться только женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка по медицинским показаниям физиологически невозможны либо связаны с риском для ее жизни и (или) жизни ее ребенка.

Показания для применения суррогатного материнства, в том числе применения в протоколе донорских половых клеток, в частности, установлены постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2019 г.

№ 124 «О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий» (далее — Постановление № 124) [6].

Принимая во внимание вышеуказанное, стороны должны представить нотариусу соответствующие медицинские заключения, оформленные по результатам проведенного обследования и в соответствии с требованиями, установленными Постановлением № 124, для подтверждения наличия показаний для применения суррогатного материнства и отсутствия противопоказаний для применения такой процедуры для суррогатной матери.

В ст. 21 Закона о ВРТ перечислены существенные условия договора суррогатного материнства, то есть условия, в отношении которых сторонами должно быть обязательно достигнуто определенное соглашение, и такое соглашение должно стать соответствующим пунктом договора [2]. Например, это оказание одной женщиной (суррогатной матерью) другой женщине (генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой) услуги по вынашиванию и рождению ребенка (детей), зачатого (зачатых) с участием яйцеклетки (яйцеклеток), изъятной (изъятых) из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки (яйцеклеток).

Стоимость услуги, оказываемой суррогатной матерью, также указана в Законе о ВРТ в качестве существенного условия договора суррогатного материнства, но с оговоркой, потому что заключаемый в Республике Беларусь договор может быть как возмездным, так и безвозмездным [2].

Договор суррогатного материнства может быть заключен на безвозмездной основе в случаях, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо ее супруга. На практике в большинстве случаев договоры суррогатного материнства даже с родственниками заключают с условиями оплаты суррогатной матери услуг по вынашиванию и рождению ребенка, а также всех необходимых расходов на медицинское обслуживание, питание, проживание суррогатной матери в период вынашивания, родов и послеродовой период.

Существенным условием договора суррогатного материнства будет являться указание организации (организаций) здравоохранения, в которой (которых) будут происходить соединение сперматозоида (сперматозоидов) и яйцеклетки (яйцеклеток), изъятый (изъятых) из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки (яйцеклеток), перенос данного эмбриона (эмбрионов) в матку суррогатной матери, наблюдение за течением ее беременности и роды [2].

Следует также упомянуть такие существенные условия договора суррогатного материнства, как:

- обязанность суррогатной матери выполнять все предписания лечащего врача и представлять генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, и ее супругу информацию о состоянии своего здоровья и состоянии здоровья вынашиваемого ребенка (детей);
- определение места проживания суррогатной матери в период вынашивания ребенка (детей);
- указание порядка возмещения расходов на медицинское обслуживание, питание, проживание суррогатной матери в период вынашивания, родов и в послеродовой период;
- обязанность суррогатной матери передать генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, ребенка (детей) после его (их) рождения и обязанность второй стороны принять от суррогатной матери ребенка (детей) после его (их) рождения с указанием сроков совершения таких действий [7].

Иные условия, не указанные в Законе о ВРТ, также могут быть названы существенными самими сторонами.

Законом о ВРТ установлено, что лица, состоящие в браке, заключают договор суррогатного материнства с письменного согласия своих супругов.

Таким образом, супруг суррогатной матери и супруг генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, если она замужем, должны дать свое согласие на заключение договора суррогатного материнства.

Особо стоит упомянуть о том, как в Республике Беларусь урегулирован вопрос определения происхождения детей, роди-

вшихся в результате применения такого вида вспомогательных репродуктивных технологий, как суррогатное материнство.

Статьей 5 Закона о ВРТ предусмотрено, что установление происхождения детей, родившихся в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, осуществляется в порядке, определяемом законодательством о браке и семье. В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС) этому посвящена отдельная статья.

В соответствии с ч. 5 ст. 52 КоБС матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. При этом отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства [8].

Более того, ч. 6 ст. 52 КоБС установлено, что суррогатная мать, женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, а также их супруги (если применимо), давшие в установленном порядке согласие на заключение договора суррогатного материнства, не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, рожденного суррогатной матерью, за исключением случая, когда имеются доказательства того, что суррогатная мать забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Таким образом, имея на руках надлежащим образом оформленный договор суррогатного материнства и медицинские документы, подтверждающие его исполнение, в результате которого родился ребенок, генетическим родителям такого ребенка не требуется дополнительно доказывать его происхождение, а также свое материнство и отцовство. Соответствующая юридическая презумпция закреплена в КоБС.

**Заключение.** Подводя краткие итоги, можно отметить следующее:

– суррогатное материнство определяется как вид вспомогательной репродуктивной технологии, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, извлеченной из организма генетической матери или донора яйцеклетки, развитии



полученного в результате этого соединения эмбриона вне женщины и дальнейшем переносе эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивающей ребенка и рожаящей его;

– суррогатное материнство рассматривается в Республике Беларусь как медицинская помощь, что указано в Законе «О вспомогательных репродуктивных технологиях», поэтому все, кто решил воспользоваться этими услугами, должны иметь на это строгие медицинские показания;

– договор суррогатного материнства может быть удостоверен у любого нотариуса Республики Беларусь;

– действующие нормы и существующие административные процедуры позволяют достоверно определить и документально оформить происхождение детей, рожденных в результате применения договора суррогатного материнства.

### ***Список использованных источников***

1. 15 мая — Международный день семьи [Электронный ресурс] : РУП «НПЦ гигиены Республики Беларусь». — Режим доступа: <https://rspch.by/ru/node/286>. — Дата доступа: 15.04.2024.

2. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. № 341-3 ; в ред. от 28 дек. 2023 № 324-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. Кревчик, Ю. О некоторых вопросах заключения договоров суррогатного материнства [Электронный ресурс] / Ю. Кревчик // Белорусская нотариальная палата. — Режим доступа: <http://belnotary.by/press-tsentr/avtorskaya-kolonka/>. — Дата доступа: 03.04.2024.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

5. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 янв. 2004 г. № 305-3 : в ред. от 5 янв. 2022 г. №147-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] : постановление Министерства

здравоохранения Респ. Беларусь, 24 дек. 2019 г., № 124 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 23 окт. 2006 г. № 63 : в ред. от 29 дек. 2023 г. № 87 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

8. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 300-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

30.04.2024

**O. V. Slizhevskaya**

Leading researcher at the Center for State Construction and Law Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

## **SURROGATE MOTHERHOOD CONTRACT AS A LEGAL WAY TO ENSURING DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

*Annotation.* In connection with demographic problems caused by mortality rates exceeding birth rates, the search for mechanisms to increase the birth rate and stop depopulation is of particular relevance. The current Belarusian legislation provides for many such mechanisms: preferential tax policy; housing benefits for families with two or more children; state benefits for families raising children, and others.

However, the listed mechanisms involve stimulating the birth rate, based on the assumption that any and every citizen can increase the birth rate. However, according to the Ministry of Health of the Republic of Belarus, about 14.5–15 % of married couples in Belarus are infertile for various reasons [1].

*Key words:* contract, donor, maternity, regulation, surrogate mother, conditions, consent.

**В. В. Гринько**

младший научный сотрудник  
сектора социально-экономического развития  
центра государственного строительства и права  
Института экономики Национальной академии наук Беларуси

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ «БАНКОВСКИЙ НАДЗОР» И «БАНКОВСКИЙ КОНТРОЛЬ» В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Аннотация.* В исследовании предпринята попытка проследить генезис института банковского надзора, а также его нормативного правового регулирования. Предложено авторское понимание соотношения понятий «банковский надзор» и «банковский контроль». Подготовлены предложения по совершенствованию правового регулирования банковского контроля как инструмента противодействия легализации средств, полученных преступным путем.

*Ключевые слова:* банковский надзор, банковский контроль, противодействие легализации средств.

**Введение.** Одними из ключевых факторов обеспечения финансовой безопасности государства являются наличие точных механизмов индикации состояния финансового рынка и оперативное реагирование на его изменения. Как справедливо отмечает Ю. В. Курносков, «динамическая развивающаяся система наиболее устойчива в любых кризисных ситуациях. Простое функционирование — всегда ведет к развалу системы» [1, с. 37].

Банковский надзор позволяет идентифицировать указанные изменения и на основании полученных данных принимать оптимальные решения по нейтрализации угроз в финансовой сфере.

Заместитель Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д. Л. Калечиц в своем докладе заметил, что «в 2023 году внешние условия [для финансовой системы Республики Беларусь] сохранялись неблагоприятными: это

и продолжающиеся санкционные ограничения, и напряженная геополитическая обстановка» [2, с. 8].

В заданных условиях финансовая система Республики Беларусь требует разработки комплекса мер по повышению стабильности ее функционирования.

Актуальность исследования правового регулирования банковского надзора и контроля как инструментов противодействия легализации средств, полученных преступным путем, обусловлена необходимостью повышения уровня финансовой стабильности Республики Беларусь, совершенствования механизмов защиты интересов вкладчиков и иных кредиторов банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, укрепления уровня доверия граждан Республики Беларусь к субъектам банковских правоотношений, а также оптимизации мер предотвращения рисков в финансовой сфере.

Цель исследования — анализ основных доктринальных подходов к определению банковского надзора и банковского контроля и установление содержания и соотношения данных понятий. В исследовании используются такие методы, как историко-правовой (в части выявления особенностей появления и развития институтов банковского надзора и контроля), формально-юридический (в целях установления особенностей правового регулирования института банковского надзора в законодательстве Республики Беларусь) и сравнительно-правовой (для установления соотношения понятий «банковский надзор» и «банковский контроль»).

**Основная часть.** С целью выявления отраслевых признаков банковского надзора и банковского контроля видится рациональным рассмотреть общее понятие надзора и контроля и установить их соотношение.

Как справедливо отмечает судья Конституционного Суда Республики Беларусь кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Беларусь С. Е. Данилюк, надзор и контроль разделяются по трем основным признакам:

1. Надзор является формой деятельности государственных органов по обеспечению законности, контроль — особой формой управленческой деятельности.

2. При осуществлении надзора должностное лицо не имеет права вмешиваться в деятельность субъектов, в частности отменять их решения. В рамках контроля непосредственное воздействие на деятельность субъекта представляется возможным.

3. Надзор подразумевает проверку соблюдения проверяемыми субъектами требований законодательства, а контроль включает в себя проверку выполнения субъектами целей осуществления экономической деятельности, в том числе с точки зрения ее разумности, результативности и экономичности [3, с. 479].

В научной литературе выделяются и иные разграничительные критерии надзора и контроля. По каждому из них существует научная дискуссия, однако критерии «субъект» и «временной промежуток осуществления надзора и контроля» разделяются большинством ученых.

Представляется, что субъектный критерий не всегда является релевантным, так как на практике один государственный орган может выполнять как надзорные, так и контрольные функции в зависимости от конкретной ситуации.

Исследователь Д. Д. Шайдуллина полагает, что надзор носит непрерывный характер, а контроль осуществляется в заранее определенные временные периоды [4].

Таким образом, в научной литературе выделяется пять основных различительных критериев понятий «надзор» и «контроль»: форма, возможность вмешательства в деятельность проверяемого субъекта, целесообразность, субъект и временной промежуток.

На основании проведенного анализа под банковским контролем предлагается понимать особую форму управленческой деятельности органа банковского контроля, ограниченную конкретным временным промежутком, выражающуюся в проверке соблюдения проверяемыми субъектами требований законодательства и выполнения целей осуществления экономической деятельности, подразумевающую возможность непосредственного вмешательства в деятельность проверяемого субъекта путем отмены принятых им решений.

В нормативных правовых актах Республики Беларусь не закреплены четкие признаки банковского контроля. Банковский кодекс Республики Беларусь оперирует терминами «банковский контроль» и «банковский надзор».

Исходя из нормативного определения, банковский надзор подразумевает оценку уровня рисков банка, небанковской кредитно-финансовой организации, банковской группы и банковского холдинга, их финансового состояния и перспектив функционирования, качества управления, соблюдения лицензионных и пруденциальных требований, установленных Банковским кодексом Республики Беларусь и Национальным банком, оценку соответствия требованиям законодательства учредителей, акционеров и иных бенефициарных собственников банка, небанковской кредитно-финансовой организации, их органов управления и членов органов управления, организационной структуры, источников формирования уставного фонда, нормативного капитала, а также принятие мер, направленных на поддержание безопасного функционирования банка, небанковской кредитно-финансовой организации и (или) стабильности банковской системы и (или) защиту интересов вкладчиков и иных кредиторов банка, небанковской кредитно-финансовой организации [5].

Дефиниция банковского контроля в нормативных правовых актах не закреплена. Анализ ст. 34<sup>1</sup> Банковского кодекса позволяет заключить, что законодатель считает банковский контроль частью банковского надзора.

С целью углубленного изучения института банковского надзора необходимо рассмотреть историю его формирования, функционирования и развития.

Банковский надзор сформировался как реакция на банковские кризисы и необходимость повышения стабильности финансовых систем. Один из первых протоинститутов банковского надзора — Национальная банковская система США, которая в 1863 году установила федеральный надзор за банками.

В 1913 году в США была создана Федеральная резервная система, которая взяла на себя функции банковского надзора [6].

В период Великой депрессии происходили значительные изменения в банковском надзоре, включая создание Федеральной корпорации по страхованию депозитов в 1933 году.

В 1974 году был создан Базельский комитет по банковскому надзору, который разработал международные стандарты для банковского регулирования, что являлось первой попыткой нормативного правового регулирования банковского надзора.

Стандарт Базель I был принят в 1988 году и стал первым международным стандартом, регулирующим банковский надзор [7]. Им были установлены минимальные требования к капиталу. Базель I установил минимальное требование по отношению основного и дополнительного капиталов к активам, взвешенным с учетом риска (не менее 8 %).

Капитал был разделен на капитал первого (основной капитал, включающий акционерный капитал и нераспределенную прибыль) и второго уровня (вспомогательный капитал, включающий резервы и субординированные долговые обязательства). Разделение капитала сопровождалось установлением различных требований безопасности к ним, что позволило снизить риски его использования и повысить уровень защищенности интересов вкладчиков.

Стандарт Базель II усовершенствовал правовое регулирование банковского надзора [8]. Его основной задачей было создание системы идентификации банковских рисков. Базель II установил сложные методы расчета кредитного, рыночного и операционного риска, урегулировал применение продвинутых методов оценки рисков, таких как внутренние рейтинговые системы для кредитного риска, а также закрепил обязательные требования по раскрытию информации в целях повышения прозрачности банковской системы.

Глобальный финансовый кризис 2007–2008 годов привел к внедрению более строгих стандартов, таких как Базель III, направленных на повышение устойчивости банковской системы.

Базель III сыграл важную роль в усилении государственного регулирования банковского сектора [9]. Основными новациями стандарта стали ужесточение требований к капиталу (повышение минимального коэффициента основного капитала

первого уровня с 2 до 4,5 % активов, взвешенных с учетом риска, и увеличение общего коэффициента капитала первого уровня до 6 %), введение коэффициента краткосрочной ликвидности (требование по поддержанию достаточного запаса высоколиквидных активов для покрытия ожидаемых оттоков ликвидности в течение 30 дней стрессового периода), минимального рычагового коэффициента (ограничение уровня заемного финансирования банков до 3 %), требований к системному риск-менеджменту.

Таким образом, анализ стандартов Базель I, Базель II и Базель III позволяет определить банковский надзор как комплекс правовых, институциональных и процедурных мер, направленных на обеспечение стабильности, надежности и устойчивости банковской системы путем контроля за соблюдением банками нормативных требований к капиталу, ликвидности и управлению рисками. Он включает в себя оценку кредитного, рыночного и операционного рисков, внедрение минимальных капитальных требований, установление буферов капитала для защиты от финансовых потрясений, а также обязательное раскрытие информации для повышения прозрачности банковской системы.

В научной литературе сформировалось четыре основных подхода к разграничению понятий банковского контроля и банковского надзора: функциональный, институциональный, регулятивный и системный.

Функциональный подход акцентирует внимание на целях, задачах и методах, используемых в банковском надзоре и контроле. Ключевыми представителями данного подхода являются Дж. Кейнс [10], И. Кирцнер [11], Дж. Стиглиц [12] и др.

Основной целью банковского надзора является обеспечение стабильности банковской системы и защита интересов вкладчиков, тогда как цель банковского контроля — обеспечение безопасности, эффективности работы банка и минимизация внутренних рисков. К основным методам банковского надзора и контроля сторонники указанного подхода относят лицензирование банковской деятельности, анализ банковской отчетности, инспекционные проверки, предписания, установление санкций



и отзыв лицензий за невыполнение установленных требований. Базу банковского контроля составляют внутренние аудиторские проверки, управление рисками, анализ финансовых операций и отчетности.

Институциональный подход фокусируется на различиях между субъектами, осуществляющими банковский надзор и контроль. Данный подход в своих работах развивали такие ученые, как Д. Норт [13], О. Уильямсон [14], Ф. Агьон [15] и др.

С позиции институционального подхода субъектами банковского надзора являются государственные органы, центральные банки, специализированные надзорные комитеты, а банковский контроль осуществляют внутренние подразделения банков (службы внутреннего аудита и отделы управления рисками).

Нормативный подход рассматривает банковский надзор с позиций особенностей выстраивания эффективного нормативного регулирования. Основными представителями указанного подхода являются Ч. Гудхарт [16], М. Хеллвиг [17], П. Такер [18] и др.

Ученые-нормативисты полагают, что банковский надзор регулируется законами о банках и банковской деятельности, международными стандартами (Базель I, Базель II, Базель III). В свою очередь, банковский контроль производится на основании внутренних нормативных актов банка, корпоративных политик и стандартов. В частности, в Республике Беларусь постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 19 сентября 2016 г. № 494 утверждены Требования к правилам внутреннего контроля организаций, осуществляющих финансовые операции, в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [19].

Системный подход рассматривает банковский надзор и контроль как части единой системы управления и взаимодействия. Учеными, внесшими наибольший вклад в развитие подхода, являются Х. Шин [20], А. Крокетт [21], М. Бруннермайер [22] и др.

С точки зрения системного подхода банковский надзор осуществляется внешними регуляторами и направлен на обеспечение стабильности финансовой системы государства, а банковский контроль осуществляется внутри банка и направлен на обеспечение его внутренней безопасности.

Таким образом, анализ основных подходов к определению сущности понятий «банковский надзор» и «банковский контроль» позволяет заключить, что их смысловое содержание не пересекается и банковский контроль не является частью банковского надзора, так как первый направлен на обеспечение финансовой безопасности систем большего порядка и регулируется нормативными правовыми актами, а второй сосредоточен на безопасности внутри конкретной банковской организации и производится на основании локальных нормативных правовых актов.

Национальный банк Республики Беларусь является органом банковского надзора. Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 19 декабря 2012 г. № 669 «Об оценке соответствия квалификационным требованиям и требованиям к деловой репутации, об аттестации и специальной аттестации» (далее — постановление № 669) [23] устанавливается такой инструмент банковского надзора, как проведение специального тестирования в отношении лиц, принимающих участие в конкурсе на занятие банковских должностей. С целью совершенствования правового регулирования банковского надзора за соблюдением законодательства о противодействии легализации средств, полученных преступным путем, предлагается дополнить п. 10 постановления № 669 «Тест содержит не более 100 вопросов: из области банковского законодательства, законодательства об урегулировании неплатежеспособности» следующими словами: «законодательства о мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности, а также из области управления банком (для кандидатов на получение аттестата)».

**Заключение.** Анализ основных подходов к определению банковского контроля и банковского надзора свидетельствует

об отсутствии в доктринальной литературе согласия ученых относительно данных дефиниций. Под банковским контролем предлагается понимать особую форму управленческой деятельности органа банковского контроля, ограниченную конкретным временным промежутком, выражающуюся в проверке соблюдения проверяемыми субъектами требований законодательства и выполнения целей осуществления экономической деятельности, подразумевающую возможность непосредственного вмешательства в деятельность проверяемого субъекта путем отмены принятых им решений.

В целях совершенствования правового регулирования противодействия легализации средств, полученных преступным путем, предлагается рассмотреть вопрос о дополнении п. 10 постановления № 669 «Тест содержит не более 100 вопросов: из области банковского законодательства, законодательства об урегулировании неплатежеспособности» следующими словами «законодательства о мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности, а также из области управления банком (для кандидатов на получение аттестата)».

### ***Список использованных источников***

1. Курносков, Ю. В. Азбука аналитики / Ю. В. Курносков. — М. : Автор, 2013. — 153 с.
2. Калечиц, Д. Л. Обеспечение финансовой стабильности в 2023 году и задачи на 2024 год / Д. Л. Калечиц // Банковский вестник. — 2024. — № 1. — С. 8-15.
3. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; редкол.: П. П. Миклашевич [и др.]. — Минск : НЦПИ, 2024. — 544 с.
4. Шайдуллина, Д. Д. Соотношение понятий контроля и надзора в российском праве [Электронный ресурс] / Д. Д. Шайдуллина // Науч.электрон. б-ка eLIBRARY.RU. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46324938>. — Дата доступа: 30.04.2024.
5. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 октября 2000 г., № 441-3 : принят Палатой представителей

3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. Мишкин, Ф. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков [Электронный ресурс] / Ф. Мишкин. — Режим доступа: <http://ijevanlib.yusu.am/wp-content/uploads/2018/03/mishkin.pdf>. — Дата доступа: 30.04.2024.

7. Basle I [Electronic resource] // Bis. — Mode of access: <https://www.bis.org/publ/bcbs04a.pdf>. — Date of access: 30.04.2024.

8. Basle II [Electronic resource] // Bis. — Mode of access: <https://www.bis.org/publ/bcbs07a.pdf>. — Date of access: 30.04.2024.

9. Basle III [Electronic resource] // Bis. — Mode of access: <https://www.bis.org/publ/bcbs10a.pdf>. — Date of access: 30.04.2024.

10. Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Публикации ВШЭ. — Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/afqs52qz4n/118194341.pdf>. — Дата доступа: 30.04.2024.

11. Kirzner, I. The Perils of Regulation : A Market Process Approach [Electronic resource] / I. Kirzner // Semantic Scholar. — Mode of access: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Perils-of-Regulation-%3A-A-Market-Process-Kirzner/ae5804a00008ca165a66d8d143f6e328ea50d608>. — Date of access: 30.04.2024.

12. Stiglitz, J. Rethinking Development Economics [Electronic resource] / J. Stiglitz // eLibrary. — Mode of access: <https://elibrary.worldbank.org/doi/epdf/10.1093/wbro/lkr011>. — Date of access: 30.04.2024.

13. North, J. Institutions, Institutional Change and Economic Performance [Electronic resource] / J. North // University of Cambridge. — Mode of access: <https://www.cambridge.org/core/books/institutions-institutional-change-and-economic-performance/AAE1E27DF8996E24C5DD07EB79BBA7EE>. — Date of access: 30.04.2024.

14. Williamson, O. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting [Electronic resource] / O. Williamson // e-Disciplinas. — Mode of access: [https://edisciplinas.usp.br/plugin-file.php/3806114/mod\\_resource/content/1/Williamson.pdf](https://edisciplinas.usp.br/plugin-file.php/3806114/mod_resource/content/1/Williamson.pdf). — Date of access: 30.04.2024.

15. Aghion, P. The Economics of Bankruptcy Reform [Electronic resource] / P. Aghion // National Bureau of Economic Research. — Mode of access: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c6727/c6727.pdf>. — Date of access: 30.04.2024.

16. Goodhart, Ch. The Basel Committee on Banking Supervision: a History of the Early Years 1974–1997 [Electronic resource] // National

Bureau of Economic Research. — Mode of access: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c6727/c6727.pdf>. — Date of access: 30.04.2024.

17. Hellwig, M. The Bankers' New Clothes: What's Wrong with Banking and What to Do About It [Electronic resource] / M. Hellwig. — Mode of access: <https://www.amazon.com/Bankers-New-Clothes-Whats-Banking/dp/0691156840>. — Date of access: 30.04.2024.

18. Tucker, P. Unelected Power: The Quest for Legitimacy in Central Banking and the Regulatory State [Electronic resource] / P. Tucker // Princeton University Press. — Mode of access: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691196305/unelected-power>. — Date of access: 30.04.2024.

19. Об утверждении Инструкции о требованиях к правилам внутреннего контроля организаций, осуществляющих финансовые операции, в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 19 сент. 2016 г., № 494 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

20. Shin, H. Risk and Liquidity [Electronic resource] / H. Shin // Oxford University Press. — Mode of access: [https://global.oup.com/academic/product/risk-and-liquidity\\_9780198847069?cc](https://global.oup.com/academic/product/risk-and-liquidity_9780198847069?cc). — Date of access: 30.04.2024.

21. Crockett, A. The Theory and Practice of Financial Stability [Electronic resource] / A. Crockett // Princeton University Press. — Mode of access: <https://ies.princeton.edu/pdf/E203.pdf>. — Date of access: 30.04.2024.

22. Brunnermeier, A. The Fundamental Principles of Financial Regulation [Electronic resource] / A. Crockett // Princeton University Press. — Mode of access: <https://www.princeton.edu/~markus/research/papers/Geneva11.pdf>. — Date of access: 30.04.2024.

23. Об оценке соответствия квалификационным требованиям и требованиям к деловой репутации, об аттестации и специальной аттестации [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 19 дек. 2012 г., № 669 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

20.05.2024

**V. V. Grinko**

Junior Researcher of the Institute of Economics  
of the National Academy of Sciences of Belarus

**IMPROVEMENT OF THE LEGAL INSTITUTIONS  
OF "BANKING SUPERVISION" AND "BANKING CONTROL"  
IN THE CONTEXT OF ENSURING ECONOMIC SECURITY  
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

*Abstract.* In research an attempt was made to trace the genesis of the formation of the institution of banking supervision, as well as its legal regulation. The author's understanding of the concepts of «banking supervision» and «banking control» is proposed. Proposals have been prepared to improve the legal regulation of banking control as a tool for countering criminal means of legalization.

*Key words:* bank supervision, bank control, anti-money laundering.

**В. В. Каранчукова**

младший научный сотрудник

сектора правового обеспечения экономической безопасности  
центра государственного строительства и права  
Института экономики Национальной академии наук Беларуси

## **ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Аннотация.* В работе рассмотрены объективные и субъективные пределы правового регулирования искусственного прерывания беременности в контексте обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь. Проведен анализ национальных и международных статистических данных в данной сфере. Выработаны предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в части производства искусственного прерывания беременности.

*Ключевые слова:* искусственное прерывание беременности, демографическая безопасность, право на жизнь, незаконное производство аборт, соматические права.

**Введение.** В Республике Беларусь отмечается тенденция превышения смертности над рождаемостью, соответственно, остро стоит проблема демографической ситуации, что требует принятия эффективных правовых мер для достижения необходимого баланса. Данный аспект обусловил актуальность выбранной темы, так как вопрос искусственного прерывания беременности (далее — аборт) непосредственно влияет на демографическую составляющую любого государства.

Вопрос о пределах правового регулирования общественных отношений является актуальным в юридической литературе. Данной проблематике посвящены труды многих ученых-юристов: В. В. Лазарева [1], В. В. Денисенко [2], М. В. Антонова [3],

Е. А. Березиной [4], Е. С. Зайцевой [5], С. С. Алексеева [6], Н. В. Сильченко [7].

Как справедливо отмечает С. С. Алексеев, «если рассматривать правовое регулирование с точки зрения его возможностей, то можно отметить объективные и субъективные пределы правового регулирования» [6, с. 8].

Н. В. Сильченко утверждает следующее: «Правильное установление границ объективных и субъективных пределов правового регулирования оказывает существенное влияние на результаты правотворческой и правореализационной деятельности, в значительной степени предопределяя их полезность и эффективность» [7].

Стоит отметить, что правовое регулирование, в отличие от иных форм правового воздействия, всегда осуществляется посредством своего «динамического инструментария» — особого, свойственного только праву механизма всего комплекса динамических систем и структур, призванных юридически гарантировать достижение правовых задач в рамках определенных типов, моделей юридического воздействия на общественные отношения [6, с. 8].

Следует отметить, что в данной работе объектом исследования выступают общественные отношения в сфере производства аборт, что представляется актуальным для дальнейшего исследования.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что правовое регулирование аборт представлено объективными и субъективными пределами. Важно отметить, что законодательная база, регламентирующая производство аборт, представлена не только общими актами законодательства (например, Уголовным кодексом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3) (далее — УК Республики Беларусь) [8], но также и специальными (к примеру, Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении») (далее — Закон Республики Беларусь) [9].

**Основная часть.** Право женщин на аборт рассматривается как одно из важнейших соматических прав и свобод. В современных условиях этот вопрос приобретает еще более весомую



остроту. С одной стороны, право на аборт — медицинская проблема, затрагивающая личные интересы женщины. С другой — это проблема, связанная с морально-этическими установками общества. Поэтому законодательный запрет аборт порождает активные дискуссии в научных, политических и религиозных кругах.

Право на аборт также относят к группе репродуктивных прав, которые базируются на принципах человеческого достоинства и равенства. Всемирная организация здравоохранения определяет репродуктивные права как «право мужчин и женщин на получение информации и на доступ к безопасным, эффективным, недорогим и доступным способам регулирования рождаемости...» [10].

В правовой науке имеются различные определения соматического права женщины на аборт. Так, Е. М. Нестерова отмечает, что «ни одно другое субъективное гражданское право не имеет столь сложного содержания, объединяющего в одно целое медицинские, философские, биологические, религиозные и юридические конструкции, сочетание которых проявляется во всех аспектах права на жизнь начиная с решения вопроса о моменте возникновения этого права, права на жизнь зачатых, но еще не рожденных детей» [11, с. 83].

Следовательно, право на аборт — это совокупность прав и свобод, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь и рядом международных договоров, по распоряжению женщины своим телом. Это право женщины на самостоятельное решение вопроса о материнстве, то есть осуществление ее естественного права. Под социальными основаниями проведения аборта понимаются законодательно установленные основания для решения вопроса о материнстве по усмотрению женщины, не связанные с медицинскими показателями.

В Конституции Республики Беларусь не содержится указание на момент, с которого начинают действовать права человека, гарантированные государством. Это означает, что законодатель предоставляет право проводить аборт по ее желанию [12].

Перечень социальных оснований для абортов устанавливается Советом Министров Республики Беларусь. Так, постановле-

нием Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г. № 1580 установлен перечень социальных оснований для абортов, к числу которых относятся следующие:

- 1) наличие решения суда о лишении родительских прав;
- 2) беременность, наступившая в результате изнасилования [13].

Ранее в перечень социальных показаний, помимо двух вышеупомянутых пунктов, входили факт пребывания женщины или ее мужа в местах лишения свободы, наличие инвалидности I, II группы у мужа, наличие ребенка-инвалида с детства, смерть мужа во время беременности женщины, расторжение брака во время беременности, многодетность (наличие троих и более детей), признание женщины или ее мужа безработными во время беременности женщины, наличие у женщины статуса беженца.

Следовательно, в Республике Беларусь отмечается тенденция сокращения правовых оснований для проведения аборта, что свидетельствует о том, что государство стремится к увеличению рождаемости и улучшению демографического положения.

В Российской Федерации, к примеру, такие основания сокращены до одного. В соответствии со ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «...каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Аборты проводятся по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия» [14].

Так, в 2022 году количество абортов в Республике Беларусь составило 5,6 на 1000 женщин репродуктивного возраста [15].

Указанная статистика позволяет говорить о снижении тенденции к абортам.

По статистическим данным, которые взяты с сайта Global Abortion Ranking, в мировом рейтинге стран по производству абортов Российская Федерация занимает первое место; Вьетнам занимает второе место; Республика Казахстан на третьем месте; Эстония на четвертом месте; Республика Беларусь занимает пятое место [16]. Следует отметить, что вхождение Республики Бе-

ларусь в первые пять стран мира по производству абортотв сви-детельствует о необходимости совершенствования механизмов правового регулирования абортотв.

Рассматривая данный вопрос с медицинской точки зрения, следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 27 Закона Республики Беларусь, женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве.

Согласно ч. 2 рассматриваемой статьи, в организациях здравоохранения должны быть созданы условия и обеспечено проведение преабортного психологического консультирования женщин, обратившихся за проведением абортотв. Женщина, обратившаяся за проведением абортотв, вправе определить членов семьи, в отношении которых может проводиться преабортное психологическое консультирование. Преабортное психологическое консультирование проводится с соблюдением требований законодательства в сфере оказания психологической помощи.

В соответствии с ч. 3, по согласию женщины в организациях здравоохранения после консультации с врачом-специалистом, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя может быть проведен аборт при сроке беременности не более 12 недель.

Представляется рациональным введение в ч. 2 ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» нормы, содержащей требование по проведению обязательной консультации с психологом для женщин, планирующих совершить аборт, в ходе которой последней будет разъяснено о негативных последствиях данного действия для ее психологического состояния. С целью информирования общественности об указанной возможности предлагается размещать информацию на сайтах государственных учреждениях здравоохранения (родильных домов).

В случае, если аборт сделан вне медицинского учреждения или совершены действия, которые нарушают законодательство о здравоохранении, наступает уголовно-правовая ответственность.

В Республике Беларусь уголовно-правовая ответственность за незаконное производство абортa регламентируется ст. 156 УК Республики Беларусь.

Содержание указанной статьи представлено следующими квалифицирующими признаками:

1. Незаконное производство абортa лицом, имеющим высшее образование по профилю образования «Здравоохранение» (ч. 1).

2. Производство абортa лицом, не имеющим высшего образования по профилю образования «Здравоохранение» (ч. 2).

3. Действия, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть женщины либо причинение тяжкого телесного повреждения (ч. 3) [8].

Согласно постановлению Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 февраля 2007 г. № 15 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 60», операция абортa проводится врачом — акушером-гинекологом в организациях здравоохранения, а в случаях, предусмотренных абз. 3, 4 п. 2 указанной Инструкции, — в государственных организациях здравоохранения, имеющих соответствующее специальное разрешение (лицензию) на осуществление медицинской деятельности, выданное в установленном законодательством порядке [17].

В связи с тем, что абортa в медицинских учреждениях проводятся исключительно при наличии специального разрешения (лицензии), то следует отдельно включить в УК Республики Беларусь статью, регламентирующую ответственность за осуществление абортa без специального разрешения (лицензии). Предлагается добавить ст. 156<sup>1</sup> «*Производство абортa без специального разрешения (лицензии)*».

1. *Производство абортa медицинским учреждением без специального разрешения (лицензии) —*

*наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или арестом, или ограничением свободы на срок до*

*двух лет, или лишением свободы на тот же срок со штрафом или без штрафа.*

*2. Действие, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть женщины либо причинение тяжкого телесного повреждения —*

*наказывается арестом или ограничением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения со штрафом или без штрафа.*

Данное предложение позволит сократить количество предоставлений медицинских услуг в сфере абортот без специального разрешения (лицензии).

Важно отметить, что в Республике Беларусь с 14 по 21 октября 2023 г. была проведена акция «Неделя без абортов», приуроченная ко Дню матери. Также Республика Беларусь ежегодно увеличивает размеры выплат за рождение ребенка и размеры пособий по уходу за ребенком в возрасте до трех лет. Следовательно, данный аспект свидетельствует о том, что политика нашего государства направлена на обеспечение достойного уровня жизни и развития ребенка.

Так как Республика Беларусь является членом многих международных конвенций, то стоит отметить, что в преамбуле к Конвенции о правах ребенка (принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.) (далее — Конвенция) закреплено, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в надлежащей правовой защите как до, так и после рождения» [18].

Кроме того, в ст. 1 Конвенции «ребенком признается каждое человеческое существо до достижения 19-летнего возраста», не установлен начальный момент, с которого следует признать человеческое существо ребенком. По смыслу приведенной статьи, соответственно, ребенком можно считать не только рожденное человеческое существо, но также и то, которое еще находится в материнской утробе, не появилось на свет. В подтверждение данному положению можно отметить, что согласно ст. 1037 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 де-

кабря 1998 г. № 218-З, наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства [19].

Действующее национальное законодательство охраняет интересы эмбриона, называя его «гражданином», «ребенком», а не лишенной самостоятельного бытия «частью» материнского организма.

Проблема правового регулирования абортс всегда вызывает в обществе неоднозначную реакцию. Данное положение, прежде всего, связано с тем, что разрешение проблемы возможно только при соблюдении баланса двух конституционно значимых ценностей:

- 1) права на жизнь;
- 2) права на неприкосновенность частной жизни, включающее право прервать беременность.

Рассматривая зарубежный опыт регулирования производства абортс, необходимо отметить, что в 24 странах мира абортс полностью запрещены.

В этом смысле все государства можно разделить на четыре группы:

1. Запрет на производство абортс. Производство абортс считается преступлением против внутриутробной жизни и приравнивается к убийству. Такой подход сформирован в Афганистане, Анголе, Бангладеш, Венесуэле, Гватемале, Гондурасе, Египте, Индонезии, Ираке, Иране, Ирландии, Йемене, Колумбии, Ливане, Ливии, Мавритании, Мали, Непале, Никарагуа, ОАЭ, Омане, Парагвае, Папуа Новой Гвинее, Сальвадоре, Сирии, Чили, на Филиппинах.

Следует отметить, что в указанных странах за производство абортс может устанавливаться смертная казнь в качестве санкции за совершенное указанное преступление.

2. Абортс по медицинским показаниям и в других исключительных случаях разрешены в Алжире, Аргентине, Боливии, Бразилии, Гане, Израиле, Кении, Коста-Рике, Марокко, Мексике, Нигерии, Пакистане, Перу, Польше, Уругвае. В Испании абортс допускается только на ранних сроках (до 12 недель) в случаях, если

беременность явилась результатом сексуального насилия, у плода обнаружены серьезные аномалии, есть угроза жизни, физическому и психическому здоровью женщины. Похожий подход имеет место в Португалии.

В Англии, Индии, Исландии, Люксембурге, Финляндии, Японии аборт разрешен только по медицинским и социально-экономическим показаниям, а также в случаях изнасилования.

3. Свобода производства аборта. В части стран законодатель исходит из признания права женщины самостоятельно решать вопрос о беременности. Уголовная политика направлена здесь на охрану здоровья женщины, то есть наказуемы только внебольничные и поздние аборт. К данной категории можно отнести такие страны, как Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан и т. д.

Интересным аспектом является и то, что 22 октября 2020 г. Конституционный суд Польши признал незаконным право женщины на аборт в случае выявления у плода серьезного порока или неизлечимого заболевания, что составляло примерно 98 % от общего количества аборт в Польше.

В ОАЭ аборт запрещен, за исключением случаев, когда беременность угрожает жизни женщины или есть доказательства того, что ребенок не выживет. В случае нарушения закона женщинам грозит до одного года тюремного заключения или крупный штраф. Женщины, обратившиеся в больницу за медицинской помощью в случае выкидыша, могут быть обвинены в попытке аборт [20].

В американском штате Техас принят закон об аборт, который запрещает аборт после обнаружения сердцебиения плода, то есть примерно после 5–6-й недели беременности. Нарушителю данного требования грозит смертная казнь [21].

**Заключение.** Объективные и субъективные пределы правового регулирования осуществления аборт сводятся к запрету на его осуществление. Законодательство Республики Беларусь о здравоохранении предоставляет женщине право на осуществление аборт.

По результатам исследования предлагается дополнить ч. 2 ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» требованием проведения обязательной консультации с психологом для женщин, планирующих совершить аборт.

С целью информирования общественности об указанной возможности следует размещать информацию на сайтах государственных учреждений здравоохранения (родильных домов).

Проведенное исследование позволяет констатировать необходимость разработки отдельного уголовно-правового состава — «Производство аборт без специального разрешения (лицензии)» с последующим включением его в УК Республики Беларусь.

Несмотря на то, что Республика Беларусь занимает 5-е место по количеству аборт в мировом рейтинге, стоит отметить, что субъектами законодательной власти активно проводятся мероприятия, которые направлены на уменьшение количества аборт. Так, в Беларуси проводится акция «Неделя без аборт»; ежегодно увеличиваются размеры выплат за рождение ребенка и размеры пособий по уходу за ребенком в возрасте до трех лет. Это свидетельствует о том, что политика Республики Беларусь направлена на повышение уровня рождаемости и обеспечение достойного уровня жизни ребенка, повышение уровня информационно-пропагандистской работы по укреплению семейных ценностей и разъяснению деструктивного воздействия аборт на деторождение.

Зарубежный опыт правового регулирования производства аборт свидетельствует о том, что для стран англосаксонской правовой семьи присущ запрет на производство аборт, суровые санкции за производство аборт (вплоть до смертной казни). Страны романо-германской правовой семьи предоставляют женщине право самостоятельного выбора при решении вопроса об абрте.



## Список использованных источников

1. Лазарев, В. В. Сфера и пределы правового регулирования / В. В. Лазарев // Советское государство и право. — 1970. — № 11. — С. 38–44.
2. Денисенко, В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... докт. юрид. наук / В. В. Денисенко. — СПб., 2020. — 605 с.
3. Антонов, М. В. Легитимность и действие права / М. В. Антонов // Труды института государства и права РАН. — 2018. — № 3. — С. 48–81.
4. Березина, Е. А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования / Е. А. Березина // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 4. — С. 42–55.
5. Зайцева, Е. С. Понятие и виды пределов правового регулирования / Е. С. Зайцева // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 3. — С. 16–23.
6. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1966. — С. 8.
7. Алексеев, С. С. Восхождение к праву / С. С. Алексеев. — М. : Норма, 2001. — С. 316.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 марта 2023 г. № 256-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
9. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII : в ред. от 25 октября 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
10. Репродуктивное здоровье [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. — Режим доступа: [https://www.who.int/topics/reproductive\\_health/ru/](https://www.who.int/topics/reproductive_health/ru/). — Дата доступа: 24.04.2024.
11. Нестерова, Е. М. Понятие и юридико-социальная сущность соматических прав человека / Е. М. Нестерова // Социально-экономические явления и процессы. — Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. — 2011. — № 7. — С. 82–86.
12. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

13. Перечень социальных оснований для искусственного прерывания беременности [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 октября 2008 г., № 1580 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

15. Проблемы с абортами надуманны, но они начнутся при ограничениях на подобные услуги [Электронный ресурс] / В. Орехов // Минская правда. — Режим доступа: <https://mlyn.by/09122023/problemu-s-abortami-nadumannu-no-oni-nachnutsya-pri-ogranicheniyah-na-podobnye-uslugi-mnenie/>. — Дата доступа: 17.04.2024.

16. Global and Regional Estimates of Unintended Pregnancy and Abortion [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.guttacher.org/fact-sheet/induced-abortion-worldwide>. — Date of access: 17.04.2024.

17. Об утверждении Инструкции о порядке проведения искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 60 [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 7 февр. 2007 г., № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

18. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/childcon.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml). — Дата доступа: 17.04.2024.

19. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

20. В каких странах действуют самые суровые законы об абортax [Электронный ресурс] // Tengri News. — Режим доступа: [https://tengrinews.kz/world\\_news/kakih-stranah-deystvuyut-samyie-surovyie-zakonui-abortah-455958/](https://tengrinews.kz/world_news/kakih-stranah-deystvuyut-samyie-surovyie-zakonui-abortah-455958/). — Дата доступа: 17.04.2024.

21. В Техасе снова вступил в силу закон о запрете абортов [Электронный ресурс] // BBC. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-58852682>. — Дата доступа: 17.04.2024.

30.04.2024

**V. V. Karanchukova**

Junior Researcher, Sector of Legal Support for Economic Security,  
Center for State Construction and Law, Institute of Economics  
of the National Academy of Sciences of Belarus

**LIMITS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL TERMINATION  
OF PREGNANCY IN THE CONTEXT OF ENSURING  
DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

*Abstract.* The work examines the objective and subjective limits of legal regulation of artificial termination of pregnancy in the context of ensuring the demographic security of the Republic of Belarus. An analysis of national and international statistical data in this area was carried out. Proposals have been developed to improve the legislation of the Republic of Belarus regarding the production of artificial abortion.

*Key words:* artificial termination of pregnancy, demographic security, right to life, illegal abortion, somatic rights.

**Д. С. Маркевич**

научный сотрудник сектора цифровой трансформации экономики центра инновационной и инвестиционной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси

**О. Р. Кочерга**

научный сотрудник сектора цифровой трансформации экономики центра инновационной и инвестиционной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси

## **ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ЗА РУБЕЖОМ: ОПЫТ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* В статье рассматривается зарубежный опыт законодательного обеспечения установления и реализации экспериментальных правовых режимов (далее — ЭПР), а также данные правоприменительной практики в этой области. Авторы выделяют некоторые аспекты содержания указанного правового режима (цель, задачи, сфера реализации, принципы), определяют отраслевые характеристики, формулируют особенности состава субъектов и их правового статуса. Проводится анализ отдельных проблем имплементации ЭПР в национальное законодательство зарубежных стран, предлагаются меры по недопущению нарушения принципов конкуренции в инновационной сфере, обеспечению прозрачности процедур установления и реализации рассматриваемого правового режима. С учетом полученных результатов авторы определяют актуальные направления регламентации ЭПР в Республике Беларусь с целью совершенствования законодательного обеспечения инновационного развития экономики.

*Ключевые слова:* инновационное развитие экономики, цифровые инновации, правовое стимулирование, экспериментальный правовой режим, регуляторная песочница.

**Введение.** Взятый Республикой Беларусь курс на инновационное развитие экономики в условиях современных вызовов

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке БРФФИ (Г23М-053).

и угроз требует эффективного и адекватного особенностям складывающихся общественных отношений правового регулирования. Тенденцией среди зарубежных государств становится имплементация в национальные правовые системы новых инструментов, направленных на повышение эффективности законодательства в условиях цифровой трансформации экономики. Одним из таких является правовой режим регуляторной песочницы (англ. *regulatory sandbox*), или ЭПР (указанные термины в данной статье рассматриваются синонимично). В целом исследованию вопросов ЭПР посвящены работы на стыке экономики и права, а актуальные проблемы законодательного обеспечения ЭПР рассматриваются Ю. П. Гаврильченко, А. А. Ефремовым, А. С. Зуевой, В. О. Макаровым, О. А. Тарасенко, Ю. А. Хватик, И. Б. Чагиным и др.

В то же время в Республике Беларусь соответствующая законодательная база не сформирована, что актуализирует необходимость исследования практики и законодательного обеспечения экспериментальных правовых режимов за рубежом с использованием сравнительно-правового метода, а также разработки научно обоснованных рекомендаций по имплементации данного института в национальную правовую систему.

**Основная часть.** В наиболее общем смысле ЭПР следует рассматривать в качестве разновидности льготного правового режима, то есть как законодательно закрепленный специальный порядок правового регулирования, устанавливаемый на определенной территории или в отношении определенной группы лиц, предполагающий полный или частичный отказ от распространения на таких лиц и (или) территорию обязательных требований и ограничений с целью поиска оптимальных инструментов правового регулирования, а также последующую оценку результатов применения такого режима.

Так, на практике данный правовой режим может не ограничиваться отдельным регионом или административно-территориальной единицей, а распространяться в пределах одного государства или носить трансграничный характер. К таковым можно отнести регуляторные песочницы ЕАЭС, которые так и не

были созданы в силу ряда причин [1]; в ЕС регуляторная песочница является частью более широкого понятия — координатора инноваций (англ. innovation facilitator), которое также включает понятие «инновационный хаб» [2]. Отметим, что трансграничные регуляторные песочницы не исключают создания подобных режимов на уровне отдельного государства, а также их нормативное правовое регулирование с учетом национальных интересов. К примеру, в ЕС были запущены трансграничные регуляторные песочницы для тестирования технологии блокчейн, цифровых финансов, искусственного интеллекта, в то время как в Австрии, Дании, Эстонии, Греции, Венгрии, Италии, Латвии, Литве, Испании, Мальте, Словакии были запущены собственные регуляторные песочницы.

Следующим актуальным направлением имплементации в национальную правовую систему ЭПР является определение его цели, которая, как правило, состоит в обеспечении гибкости правового регулирования, направленного на стимулирование инновационной деятельности путем временного снятия непропорциональных регуляторных барьеров и иных правовых ограничений в контролируемой среде. Цель во многом детерминирует особенности содержания ЭПР, среди которых ограниченность во времени его действия; селективный характер предметной области распространения экспериментального режима, то есть ограниченность круга урегулированных общественных отношений и видов деятельности, определенных категорий реципиентов и (или) территориальной привязки; формирование комплекса прав, обязанностей, ответственности субъектов экономических отношений, отличных от иных правовых режимов, в первую очередь посредством нивелирования непропорциональных регуляторных барьеров, иных правовых ограничений и обязательных требований; реализация в контролируемой среде; обязательная последующая оценка результатов эксперимента [3–5, с. 200].

Что касается ограничения использования ЭПР по сферам, то отметим, что с момента их появления в мировой практике они внедряются преимущественно для апробации инноваций в фи-

нансовом секторе. Это обусловлено значительными инвестициями в финансовые технологии, их активным естественным развитием, поскольку финансовая сфера всегда была восприимчива к технологическим инновациям.

В то же время в большинстве государств перечень сфер для ЭПР законодательно не ограничен. К примеру, Республика Казахстан специально не определяет перечень потенциальных секторов экономики, в которых применимы ЭПР, в Российской Федерации перечень является открытым и может дополняться Правительством. При этом в настоящее время, согласно данным российского Реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций по состоянию на начало марта 2024 года, было зарегистрировано 14 проектов, большая часть из которых относится к проектам в области беспилотного транспорта, разработки нейротехнологий и технологий искусственного интеллекта, больших данных, роботехники и сенсорики, технологий промышленного интернета (интернет вещей), в том числе в области автономного принятия решений, и др. [6].

Широко распространены ЭПР в секторе энергетики, среди стран, которые реализовали подобные проекты в рамках первого этапа, — Нидерланды, Великобритания и Германия, далее Швеция, Финляндия, Австрия, Сингапур, Франция, Испания и др. Для государств — членов ЕС это было связано с реализацией Пакета чистой энергии для всех европейцев — свода нормативных наднациональных актов, регулирующих энергетический сектор в ЕС [7].

Введению ЭПР в энергетике предшествует тщательный анализ законодательных барьеров для тестирования высоких технологий в сфере энергетики (блокчейн, Интернет вещей, искусственный интеллект и др.), к которым относится строгое регулирование цен и тарифов на рынке, требования о стандартизации, сертификации и лицензировании и т. д., а также принятие акта отраслевого министерства (как правило, Министерства энергетики) сроком до 10 лет (например, в Нидерландах). При этом обязательным условием тестирования выступает требование о трансфере технологий [8]. Отметим, что в качестве за-

конодательной основы для принятия такого акта выступают положения специальных нормативных правовых актов в секторе энергетики (например, такие акты приняты во Франции, Испании), в Польше для легитимации ЭПР в энергетическом секторе был принят Закон от 28 июля 2023 г. «О внесении изменений в Закон об энергетике и некоторые другие законы». Отсутствие таких актов может рассматриваться как препятствие для введения ЭПР (например, как в Финляндии и Австрии).

Для развития информационно-коммуникационных технологий созданы регуляторные песочницы во Франции, ОАЭ и Таиланде. Так, во Франции в 2018 году начался пилотный проект по развитию сетей 5G, в котором приняли участие различные операторы, включая крупные компании и стартапы. Им была дана возможность распределить разрешенные частоты для 5G на экспериментальной основе, не применяя соответствующие правила, предусмотренные законодательством об электросвязи [9].

В ОАЭ была реализована первая экспериментальная законодательная среда для сектора ИКТ — ICT Regulatory Sandbox, в рамках которой были выданы лицензии на тестирование электрических самолетов, национальной системы регистрации заболеваний, беспилотных транспортных средств во всех секторах экономики [10].

Наконец, свое распространение получает использование ЭПР в сфере здравоохранения, в особенности в странах с высоким уровнем дохода, для поддержки внедрения новых технологий, связанных с цифровым здравоохранением. К ним относятся приложения машинного обучения, телемедицинские сервисы и мобильное здравоохранение, технология блокчейн. Кроме того, могут создаваться ЭПР для тестирования бизнес-моделей, например тех, которые ориентированы на реструктуризацию служб социальной помощи и определение соответствующего набора навыков персонала для поддержки услуг домов престарелых [11]. До распространения ЭПР механизмом распределения рисков в рамках инновационной деятельности организаций здравоохранения являлся правовой режим клинических испытаний, которые также направлены на получение клинических



данных о новых медицинских устройствах и препаратах. Для использования на рынке производителю было достаточно продемонстрировать, что медицинское устройство или лекарственный препарат соответствует общим требованиям безопасности и эффективности.

Особенности установления и реализации ЭПР также обусловливаются содержанием основных принципов, которые могут быть закреплены на уровне специального нормативного правового акта (например, закона) либо определяться с учетом отраслевых особенностей регуляторной песочницы. Так, помимо требований законности, равенства и недискриминации, формальной определенности ЭПР, регуляторы могут вводить принципы subsidiarity, пропорциональности, предосторожности (ЕС); принципы неприменения принудительных мер без необходимости и пропорциональности при толковании нормативных правовых актов (Литва); принципы обеспечения безопасности личности, общества и государства, минимизации отступлений от общего регулирования (Россия) и др.

Особое внимание в зарубежных государствах уделяется определению состава субъектов, вовлеченных в функционирование ЭПР, а также их правового статуса. Условно таких субъектов можно разделить на три категории.

Первая — это участники, предлагающие инновационные продукты/услуги для тестирования. Например, в Литве осуществлять деятельность в рамках ЭПР могут только участники финансового рынка [12]. В Казахстане — финансовые организации — резиденты Казахстана и (или) юридические лица — резиденты Казахстана, осуществляющие деятельность в финансовой сфере, деятельность, связанную с концентрацией финансовых ресурсов и (или) с платежными услугами [13].

В то же время по законодательству Российской Федерации тестировать инновации в регуляторной песочнице могут не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели, государственные органы, органы местного самоуправления (по отдельным направлениям) [14]. В Канаде и Латвии подать заявку на вступление в регуляторную песочницу могут как

действующие участники рынка, так и стартапы, проектные команды [15; 16].

В качестве требований, предъявляемых к субъектам данной группы, предусматриваются следующие:

- период деятельности юридического лица;
- отсутствие недоимки по налогам, сборам, задолженности по иным обязательным платежам в бюджет;
- отсутствие судимости у лиц, входящих в органы управления компании;
- отсутствие в производстве дел об экономической несостоятельности (также процедур ликвидации, реорганизации и др.) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- требования к собственному или заемному капиталу, в том числе об отсутствии убытков за определенный период;
- наличие разработанного бизнес-плана по развитию предлагаемой к тестированию услуги/продукта и др.

При этом в некоторых государствах, например в Канаде, субъекты, которые не соответствуют отдельным требованиям (в частности, к бизнес-плану), могут наравне с другими субъектами подавать заявки на вступление в регуляторную песочницу и рассчитывать при этом на оказание консультативной помощи в доработке заявки в случае заинтересованности государственного органа, уполномоченного на рассмотрение заявок, в развитии предлагаемой бизнес-модели [15].

Правовой статус участника, осуществляющего тестирование инновационных продуктов/услуг, определяется общими положениями национального законодательства, специальным законодательством в сфере установления ЭПР, которое может носить как ведомственный характер, так и приниматься в форме законодательного акта, а также программами конкретных режимов. Как правило, для субъектов рассматриваемой категории устанавливается ряд дополнительных обязанностей и ограничений в отношении осуществляемой ими деятельности, среди которых:

- ведение реестра лиц, вступающих в правоотношения с такими субъектами в рамках тестирования;

- предоставление информации потребителям услуг о факте установления и содержании ЭПР;
- рассмотрение жалоб лиц, чьи права и законные интересы нарушены в связи с тестированием;
- предоставление дополнительной отчетности, связанной с оказанием тестируемой услуги;
- ограничения по количеству обслуживаемых клиентов, по числу операций, по объемам обязательств участника ЭПР, объемам совершаемых операций за определенный промежуток времени и др.;
- запреты на осуществление определенных видов операций и (или) деятельности: например, участникам отраслевой финтех-песочницы в Бутане запрещается заниматься торговлей криптовалютой внутри страны, а также содействовать оказанию услуг по обороту криптовалюты в качестве биржи или иного посредника [14; 17–19].

Многие юрисдикции требуют от участников обеспечить страхование гражданской ответственности за причинение вреда в период действия режима. При этом опыт Российской Федерации свидетельствует о необходимости закрепления оснований для обязательного страхования участником своей гражданско-правовой ответственности на уровне специального законодательного акта, определяющего общий порядок установления ЭПР, с целью недопущения противоречия такого акта с общими началами гражданского законодательства о страховании [20].

В зарубежных государствах по-разному определяются основания и условия наступления ответственности за ущерб, понесенный в результате использования инновационных продуктов/услуг или по иным причинам. Например, по законодательству Испании ответственность за ущерб, понесенный пользователями инновационных продуктов/услуг, возлагается на участника, если такой ущерб возникает из-за несоблюдения им программы ЭПР, из-за рисков, о которых он не сообщил, при наличии вины или халатности с его стороны, а также в случае технических ошибок или ошибок персонала. Примечательно, что любая ответственность государственных органов, участвующих в разработке и реализации ЭПР, исключается [17]. В свою очередь, в Российской Федерации действует общая норма о том, что

причиненный вред при реализации ЭПР, в том числе правомерными действиями субъекта, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации [14].

Обобщая изложенное, для имплементации и развития в Республике Беларусь механизма регуляторных песочниц представляется целесообразным обеспечить доступ к его использованию для максимально широкого круга субъектов-разработчиков инновационных продуктов/услуг, в том числе посредством консультационной поддержки на различных этапах формирования бизнес-модели, с целью недопущения нарушения принципов конкуренции в инновационной сфере, которое может получить свое распространение в силу высоких требований к участникам ЭПР (в зависимости от сферы использования инновационных технологий). Указанное может привести к тому, что преимуществами рассматриваемого механизма сможет воспользоваться только ограниченное число крупных компаний, что способствует развитию монополии, а также влечет невозможность реализации ряда проектов. В этой связи видится необходимым развитие механизмов страхования рисков и ответственности, адаптированных для ЭПР, распределение ответственности между разработчиками технологий и государственными органами.

Еще одной группой субъектов, вовлеченных в функционирование регуляторных песочниц, выступают пользователи тестируемых инновационных продуктов/услуг. В отношении данной категории субъектов в рамках законодательства об ЭПР предусматриваются преимущественно специальные права и гарантии, коррелирующие, как правило, с обязанностями участников, тестирующих инновации. Сюда относятся право на получение информации о характеристиках ЭПР, на защиту персональных данных, возмещение причиненного вреда, на отказ от использования тестируемых продуктов/услуг; в качестве гарантий рассматривается осуществление государственного контроля за ходом эксперимента, наличие финансовых средств, страховок, банковских гарантий у участника для возмещения вреда и др.

Наконец, важную роль в реализации функций ЭПР играют государственные органы и общественные организации. Состав

субъектов данной группы, обеспечивающих функционирование песочниц, в зарубежных юрисдикциях значительно варьируется: например, в Гонконге, Малайзии даже в рамках одного направления — финансового — распределение полномочий между соответствующими ведомствами носит отраслевой характер (отдельные режимы курируют центральный банк, уполномоченный орган в сфере ценных бумаг, страховой деятельности и т. д.). В то же время в Российской Федерации, Испании и ряде других юрисдикций полномочия по установлению ЭПР, мониторингу, контролю распределены между различными государственными органами, а также (например, в России) некоммерческими организациями.

Так, в Российской Федерации предусматривается совместный мониторинг, подготовка заключений о возможности или невозможности установления ЭПР, о допустимости или недопустимости придания специальному регулированию свойств общего регулирования как минимум тремя субъектами: уполномоченным по вопросам ЭПР органом, регулирующим органом (в рамках определенного направления), организацией предпринимательского сообщества. При этом для разрешения разногласий между указанными субъектами, иными государственными органами, организациями предусматривается наличие еще одного субъекта — координационного органа, определяемого Правительством Российской Федерации [14].

Следует согласиться с исследователями в том, что подобный подход к управлению механизмом ЭПР является предпочтительным с точки зрения обеспечения транспарентности, формирования системы сдержек и противовесов [20]. При этом в ходе определения состава субъектов, вовлеченных в функционирование регуляторных песочниц, а также их правового статуса представляется необходимым учитывать следующее:

– опыт России демонстрирует, что единоличное осуществление функций по обеспечению ЭПР может привести к субъективности и предвзятости в отношении принятия решений об их установлении, отборе участников, оценке эффективно-

сти и др. Например, по направлению «Финансовый рынок» в соответствии с действующим законодательством уполномоченный и регулирующий органы совпадают в лице Банка России, а заключения организации предпринимательского сообщества не обязательны к учету. Указанное нивелирует все преимущества предусмотренной модели, а также приводит к тому, что приоритет при формировании состава участников ЭПР отдается проектам, в которых заинтересован Банк России, а не направленным на развитие цифровых инноваций в целом [20];

– особое место среди обязанностей рассматриваемой группы субъектов занимает осуществление мониторинга и оценки эффективности режима, что предполагает также законодательное закрепление общих критериев и показателей эффективности, которые должны коррелировать с декларируемыми целями. Кроме того, важно осуществлять оценку не только ЭПР как формы, но и эффективности непосредственно самого экономико-правового эксперимента, для проведения которого и устанавливается специальный правовой режим [21];

– важной обязанностью государственных органов выступает также обеспечение информационной открытости в контексте функционирования ЭПР, тестируемых инноваций, результатов мониторинга и оценки эффективности, что также содействует осуществлению независимого общественного и экспертного контроля.

**Заключение.** Проведенный анализ показал, что в настоящее время правовой режим регуляторной песочницы является перспективным инструментом для предоставления особых льготных условий для тестирования высокотехнологичных товаров или услуг в условиях реального рынка в целях развития технологий сбора и анализа больших данных, машинного обучения, искусственного интеллекта, крауд-технологий, технологий инвестиционного менеджмента и др., которые применимы в различных секторах экономики.

Для реализации его потенциала в Республике Беларусь, избравшей в качестве ключевого вектора своей политики инновационное развитие, с учетом зарубежного опыта необходимо разработать специальное законодательство в области ЭПР, в котором следует:

- определить цель, задачи и принципы его установления и реализации;
- закрепить перечень инновационных отраслей экономики, в которых необходимо государственное стимулирование инноваций, при этом определить пределы его действия;
- сформулировать перечень субъектов ЭПР, зафиксировать особенности их правового статуса. Отдельно решить вопрос о государственных органах, уполномоченных на реализацию государственной политики в данной области;
- определить критерии и порядок вхождения в регуляторную песочницу. При этом критерии должны обеспечивать оценку самого проекта, бизнес-плана, технического задания, иных проектных документов, а также потенциального участника в части показателей его финансовой устойчивости, бизнес-репутации и т. д.;
- в качестве одного из инструментов государственного регулирования предусмотреть обязанность уполномоченного органа по ведению реестра ЭПР, в котором в открытом доступе должна содержаться информация о юридических лицах, индивидуальных предпринимателях — участниках ЭПР, о тестируемой технологии, предполагаемых результатах, территории, на которую распространяется ЭПР, а также сроке. Наконец, рассматриваемый реестр должен содержать дополнительные сведения для защиты прав потребителей и иных участников правоотношений с участником ЭПР.

### ***Список использованных источников***

1. Ефремов, А. А. Цифровая интеграция ЕАЭС: в тупике или на распутье? [Электронный ресурс] / А. А. Ефремов // Россия в глобальной политике. — Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/articles/czifrovaya-integraciya-eaes/>. — Дата доступа: 10.03.2024.
2. Regulatory Sandboxes and Innovation Hubs for FinTech: impact on innovation, financial stability and supervisory convergence [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652752/IPOL\\_STU\(2020\)\\_652752\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652752/IPOL_STU(2020)_652752_EN.pdf). — Date of access: 10.05.2024.

3. Van Gestel, R. Better Regulation through Experimental Legislation [Electronic resource] / R. Van Gestel, G. van Dijk // ResearchGate. — Mode of access: [https://www.researchgate.net/publication/254777897\\_Better\\_Regulation\\_through\\_Experimental\\_Legislation](https://www.researchgate.net/publication/254777897_Better_Regulation_through_Experimental_Legislation). — Date of access: 10.05.2024.
4. Ranchordás, S. The Whys and Woes of Experimental Legislation [Electronic resource] / S. Ranchordás // University of Groningen. — Mode of access: [https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/53174440/TPLEG\\_Ranchordas.pdf](https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/53174440/TPLEG_Ranchordas.pdf). — Date of access: 10.05.2024.
5. Дегтярев, М. В. Экспериментальное законодательство: понятие, сопряженные сложности и проблемы / М. В. Дегтярев // Аграрное и земельное право. — 2020. — №10 (190). — С. 199–202.
6. Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. — Режим доступа: [https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe\\_upravlenie/normativnoe\\_regulirovanie\\_cifrovoy\\_sredy/eksperimentalnye\\_pravovye\\_rezhimy/reestr\\_eksperimentalnyh\\_pravovyh\\_rezhimov/](https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/). — Дата доступа: 10.03.2024.
7. Clean energy for all Europeans package [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: [https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-strategy/clean-energy-all-europeans-package\\_en](https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-strategy/clean-energy-all-europeans-package_en). — Date of access: 10.05.2024.
8. Heymann, F. Regulatory sandboxes in the energy sector — review and learnings for the case of Switzerland climat [Electronic resource] / F. Heymann [et al.] // ResearchGate. — Mode of access: [https://www.researchgate.net/publication/355879928\\_Regulatory\\_sandboxes\\_in\\_the\\_energy\\_sector\\_-\\_review\\_and\\_learnings\\_for\\_the\\_case\\_of\\_Switzerland](https://www.researchgate.net/publication/355879928_Regulatory_sandboxes_in_the_energy_sector_-_review_and_learnings_for_the_case_of_Switzerland). — Date of access: 10.05.2024.
9. Leckenby, E. The Sandbox Approach and its Potential for Use in Health Technology Assessment: A Literature Review [Electronic resource] / E. Leckenby [et al.] // Springer Nature. — Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40258-021-00665-1>. — Date of access: 10.05.2024.
10. Regulatory sandboxes in the UAE [Electronic resource] // The United Arab Emirates' Government portal. — Mode of access: <https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/regulatory-framework/regulatory-sandboxes-in-the-uae>. — Date of access: 10.05.2024.
11. Опыт создания экспериментальных правовых режимов в России и иностранных государствах [Электронный ресурс] // АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований». — Режим доступа: [https://iclr.ru/storage/publication\\_pdf/%D0%A6%D0%9C%D0%A1%D0%9F%D0%98\\_%D0%AD%D0%9F%D0%A0\\_1649171292.pdf](https://iclr.ru/storage/publication_pdf/%D0%A6%D0%9C%D0%A1%D0%9F%D0%98_%D0%AD%D0%9F%D0%A0_1649171292.pdf). — Дата доступа: 10.05.2024.



12. On the approval of the Regulatory Sandbox Framework of the Bank of Lithuania: Resolution, 19 September 2018 № 03-166 [Electronic resource] // Bank of Lithuania. — Mode of access: [https://www.lb.lt/uploads/documents/files/EN/our-functions/supervision-of-financial-institutions/sandbox/03-166\\_2018%2009%2019\\_EN.pdf](https://www.lb.lt/uploads/documents/files/EN/our-functions/supervision-of-financial-institutions/sandbox/03-166_2018%2009%2019_EN.pdf). — Date of access: 10.05.2024.

13. Об утверждении критериев отбора и Правил рассмотрения документов для заключения договора об осуществлении деятельности в рамках особого режима регулирования [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. Банка Респ. Казахстан, 13 дек. 2019 г., № 235 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900019773>. — Дата доступа: 10.05.2024.

14. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // АО «Кодекс». — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/565415224?marker=65C0IR>. — Дата доступа: 10.05.2024.

15. Попкова, А. Регулятивные песочницы как эффективный механизм внедрения финансовых инноваций [Электронный ресурс] / А. Попкова // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10781.pdf>. — Дата доступа: 10.05.2024.

16. Regulatory Sandbox [Electronic resource] // Latvijas Banka. — Mode of access: <https://www.bank.lv/en/cooperation/support-for-fintech-and-innovations/regulatory-sandbox>. — Date of access: 10.05.2024.

17. Ley 7/2020, de 13 de noviembre, para la transformación digital del sistema financiero [Electronic resource] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. — Mode of access: [https://www.boe.es/diario\\_boe/txt.php?id=BOE-A-2020-14205](https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2020-14205). — Date of access: 10.05.2024.

18. Положение «О специальном регулятивном режиме»: приложение к постановлению Правления Национального банка Кыргызской Республики от 12 августа 2020 года № 2020-П-12\45-3-(НПА) [Электронный ресурс] // Национальный банк Кыргызской Республики. — Режим доступа: <https://www.nbkr.kg/contout.jsp?item=103&lang=RUS&material=99470>. — Дата доступа: 10.05.2024.

19. Regulatory Sandbox Framework for Mining Cryptocurrency [Electronic resource] // Royal Monetary Authority of Bhutan. — Mode of access: [https://www.rma.org.bt/assets/fintech/Regulatory%20Sandbox%20Framework%20for%20Mining%20Cryptocurrency%20\\_%20Jan%202019.pdf](https://www.rma.org.bt/assets/fintech/Regulatory%20Sandbox%20Framework%20for%20Mining%20Cryptocurrency%20_%20Jan%202019.pdf). — Date of access: 10.05.2024.

20. Тарасенко, О. А. Экспериментальный правовой режим — полигон для инноваций и регулирования [Электронный ресурс] / О. А. Тара-

сенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — Режим доступа: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/11392/10433>. — Дата доступа: 10.05.2024.

21. Ефремов, А. А. Проблемы определения показателей результативности и эффективности экспериментальных правовых режимов в сфере цифрового развития [Электронный ресурс] / А. А. Ефремов, В. Н. Южаков // Информационное общество. — Режим доступа: <http://infosoc.iis.ru/article/view/703/564>. — Дата доступа: 10.05.2024.

16.05.2024.

### **D. S. Markevich**

Researcher, Sector of Digital Transformation of the Economy,  
Center for Innovation and Investment Policy, Institute of Economics  
of the National Academy of Sciences of Belarus

### **O. R. Kocherga**

Researcher, Sector of Digital Transformation of the Economy,  
Center for Innovation and Investment Policy, Institute of Economics  
of the National Academy of Sciences of Belarus

## **EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES ABROAD: EXPERIENCE FOR THE REPUBLIC OF BELARUS**

*Abstract.* The article examines foreign experience in legislative support for the establishment and implementation of experimental legal regimes (ELR), as well as law enforcement practice in this area. The authors highlight some aspects of the content of this legal regime (goal, objectives, scope of implementation, principles), determine industry characteristics, formulate the features of the subject composition and their legal status. An analysis of separate problems of implementing ELR into the national legislation of foreign countries is carried out, measures are proposed to prevent violation of the principles of competition in the innovation sphere, and to ensure transparency of the procedures for establishing and implementing the legal regime under consideration. Taking into account the data obtained, the authors identify current directions for regulating ELR in the Republic of Belarus in order to improve the legislative support for innovative development of the economy.

*Key words:* innovative economic development, digital innovation, legal incentives, experimental legal regime, regulatory sandbox.

**О. А. Якубовский**

младший научный сотрудник сектора правового обеспечения  
социально-экономического развития  
центра государственного строительства и права  
Института экономики Национальной академии наук Беларуси

## **ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ**

*Аннотация.* В статье рассматриваются проблемы государственного (фискального предпринимательства) в Республике Беларусь. Раскрывается сущность государственного предпринимательства как теоретического концепта. Выделяются критерии дифференциации государства как субъекта экономических отношений в структуре общественного производства. Проводятся разграничения между «государственным» и «частным» предпринимательством.

*Ключевые слова:* государственное предпринимательство, предпринимательская деятельность, субъекты предпринимательства, фискальная политика, государственная политика.

**Введение.** Современные геополитические условия требуют постоянного совершенствования механизмов управления экономикой, гармонизации национального законодательства, способствующего укреплению экономической безопасности. Одну из ключевых позиций в обеспечении экономической безопасности государства занимает предпринимательство, которое служит источником развития национальной экономической модели. Важность предпринимательской активности подчеркивается п. 32 Концепции национальной безопасности, согласно которому в экономической сфере внутренним источником угроз национальной безопасности является «наличие необоснованных административных барьеров для развития бизнеса, предпринимательской активности» [1]. Немалую долю от всех субъектов хозяйствования в Беларуси составляют государственные

организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность на равных условиях с другими субъектами и ставящие перед собой цель — извлечение прибыли. По состоянию на 1 января 2024 г. доля субъектов хозяйствования государственной собственности составляла 10,4 %, а собственность негосударственных юридических лиц с государственным участием равна 0,9 % [2, с. 34].

Актуальность темы обусловлена неопределенным положением государственного сектора экономики в правовом поле, а также необходимостью постоянного совершенствования понятийно-категориального аппарата.

Новизна статьи заключается в определении роли государственного сектора экономики в осуществлении предпринимательской деятельности, выделении государственного предпринимательства как одного из видов предпринимательской деятельности.

Цель статьи — рассмотреть теоретический концепт государственного предпринимательства и определить основания для его институционализации в национальном законодательстве.

**Основная часть.** Как отмечает белорусский исследователь А. А. Трипузова, «важнейшая составляющая конституционной экономики» [3] закреплена в ст. 13 Конституции Республики Беларусь, согласно которой государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности [4]. Указанной статьей заложена основа правового регулирования предпринимательской деятельности в Республике Беларусь.

В п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) дано определение предпринимательской деятельности — это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для

продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления [5]. Данный термин отражает признаки предпринимательства, его сущность, однако не дает четкого определения его субъектного состава. В отечественной нормотворческой деятельности и правоприменительной практике под предпринимательством принято понимать субъектов частной формы собственности, что ярко выражено в предпринимательском праве. Государство при этом, являясь в соответствии со ст. 124 ГК субъектом гражданско-правовых отношений [5], может реализовывать предпринимательскую деятельность разве что путем легитимации (государственной регистрации в установленном законодательством порядке) хозяйствующих субъектов, которым, в соответствии с существующим законодательством, переданы права осуществления хозяйственной деятельности.

Для дескрипции деятельности субъектов хозяйствования государственной формы собственности (смешанной формы собственности) в отечественных и зарубежных исследованиях используется термин «государственное предпринимательство». В национальном законодательстве встречается схожее по своему содержанию понятие — государственные юридические лица. Данный термин получил свое отражение в Указе Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2022 г. № 330 «О распоряжении имуществом». Так, государственные юридические лица — это «юридические лица, в том числе бюджетные организации, за которыми государственное имущество закреплено на праве хозяйственного ведения или оперативного управления...» [6]. Приведенное определение, в отличие от государственного предпринимательства, получило отражение в законодательстве, однако трактуется в более широком смысле и охватывает не только субъекты хозяйствования государственной формы собственности, но и государственные органы, обладающие исключительно административно-бюрократическими функциями.

Как отмечают российские исследователи А. Н. Химченко, А. М. Плаксина, «понятие «государственное предприниматель-

ство» может выступать в форме качественной оценки роли и места определенного субъекта экономических отношений в структуре общественного производства» [7, с. 295].

В русскоязычных источниках государственное предпринимательство рассматривается с двух ключевых позиций:

- как механизм управления государственной собственностью (приращение капитала);
- как инструмент реализации государственной политики.

Обе позиции являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Так, российские ученые Т. Е. Иванова и М. Б. Мейсигамов понимают государственное предпринимательство как одну из форм вмешательства государства в экономику, называют «инструментом правительства для осуществления национальной политики...» [8], который выполняет «...экономическую, финансовую, социальную, экологическую и другие функции» [8]. То есть государство выступает в качестве участника экономических отношений и при этом выполняет возложенные на него социально-обусловленные обязательства. В данном контексте извлечение прибыли не является ключевым условием функционирования субъектов государственного предпринимательства, однако, как подчеркивает коллектив российских авторов, «получение прибыли от использования ресурсов госсектора... является одним из гарантов получения средств осуществления стратегических задач» [9].

В эмпирическом отражении примером реализации концепта государственного предпринимательства на отечественном пространстве может служить добровольное страхование дополнительной накопительной пенсии, реализуемое с октября 2022 года государственным предприятием «Стравита» в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии», изданном в целях расширения возможностей для повышения материального обеспечения в старости, стимулирования участия граждан в добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии [10].

В отечественных исследованиях государственное предпринимательство относят к вопросам управления фискальной хозяйственной деятельностью [11; 12]. Белорусские ученые Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневич понимают его как деятельность «государственных институциональных единиц, а также государственных коммерческих и некоммерческих организаций — рыночных производителей, осуществляющих от имени государства предпринимательскую деятельность, вторичное и (или) социальное предпринимательство» [12].

С позиции фискального права государственное предпринимательство рассматривается как механизм управления казной с использованием «методологии административно-хозяйственной деятельности и методологии фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства)» [13, с. 53]. Одной из ключевых особенностей функционирования субъектов государственного предпринимательства выступают методы управления государственными предприятиями, предусматривающие строгий контроль за государственной собственностью. Например, в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» предусмотрена специальная категория руководящих кадров с особым статусом — государственные должностные лица [14]. Под нее подпадают лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц.

Следует отметить, что в национальном законодательстве отсутствуют самостоятельные правовые институты, регулирующие государственное предпринимательство, однако имеются отдельные нормативные правовые акты, направленные на регулирование деятельности субъектов государственного предпринимательства, рассредоточенные в разных областях законодательства. Например, деятельность Белгоспищепрома, одного из

крупнейших концернов Беларуси, регулируется не только общим законодательством, но и отдельными нормативными правовыми актами: Указом Президента Республики Беларусь от 24 августа 2000 г. № 460 «О Белорусском государственном концерне пищевой промышленности "Белгоспищепром"» [15] и др.

Правовой статус как самих организаций, так и руководящих кадров государственных субъектов хозяйствования, выполняющих организационно-распорядительные функции, имеет особое положение, обусловленное повышенной ответственностью и контролем со стороны государственных органов. Особое внимание уделяется контролю над государственной собственностью путем выстраивания антикоррупционных механизмов.

На современном этапе развития отечественной правовой науки государственное предпринимательство — это теоретический концепт. Как таковой институционализации в национальном законодательстве оно не получило. Нет четкого разграничения между государственным и частным предпринимательством. Государственное предпринимательство следует рассматривать как особую форму предпринимательской деятельности, осуществляемую субъектами государственной собственности в целях обеспечения наименее развитых отраслей экономики, зачастую имеющими в первую очередь цель не извлечения прибыли, а реализации социально направленной роли, ориентированной на удовлетворение потребностей населения. Государственное предпринимательство с ярко выраженными функциями, направленными на достижение общественного блага, можно охарактеризовать как особый инструмент государственного управления в условиях рыночной экономики, который позволяет не только задействовать государственный капитал и реализовать отдельные направления государственной политики, но и формирует особый механизм государственно-частного взаимодействия.

Так, государственное предпринимательство хотя и является теоретическим концептом, однако есть все основания для его выделения в особый вид предпринимательской деятельности с учетом того, что это будет не новый механизм реализации



государственной политики, а упорядочивание уже сформированной системы. В связи с этим следует выделить основные отличия государственного предпринимательства от частного:

1. В целом ключевым критерием для дифференциации национальных субъектов предпринимательства служит форма собственности — государственная (собственность Республики Беларусь и административно-территориальных единиц). Так, субъектов государственного предпринимательства следует разграничить по трем ключевым группам:

- государственные предприятия исключительно государственной собственности (субъекты хозяйствования государственной формы собственности);

- государственные организации с долей государства более 50 % в уставном фонде;

- государственные предприятия смешанной формы собственности (собственность негосударственных юридических лиц с государственным участием).

2. Субъектами государственного предпринимательства являются исключительно юридические лица, в то время как субъекты частного предпринимательства осуществляют свою деятельность как физические (индивидуальные предприниматели) и юридические лица. Выбор формы участия государства в хозяйственной деятельности страны определяется юридической обоснованностью и экономической целесообразностью (управленческих, коммерческих, и инвестиционных рисков).

3. Цель деятельности. Если частное предпринимательство ставит перед собой основную цель — извлечение прибыли, то государственное в своей сущности имеет и иные задачи в вопросах выполнения социально-ориентированных и управленческих функций.

4. В случае государственного предпринимательства функции регулирования и контроля за предпринимательской деятельностью сочетаются с функцией собственника имущества (частное предпринимательство — функция собственника, контроль осуществляется государством).

5. Деятельность субъекта хозяйствования обусловлена конкретным направлением государственной политики, но не ограничена им.

**Заключение.** Таким образом, государственное предпринимательство занимает важное место в национальной экономической модели. Его роль заключается не только в реализации государственной политики (выполнении социально-ориентированных функций), но и в представлении государственного капитала путем рыночного предложения (действует на равных условиях как субъект предпринимательства).

В Республике Беларусь осуществление государственного предпринимательства не имеет четкого правового регулирования. Общие конституционные и гражданско-правовые начала дают косвенное представление о предпринимательской деятельности государственных юридических лиц, а также о равенстве в вопросах осуществления предпринимательства субъектов разных форм собственности.

Дальнейшая институционализация государственного предпринимательства будет способствовать гармонизации законодательства, наиболее качественной оценке государственного сектора экономики, а также построению равных условий осуществления предпринимательской деятельности на отечественном пространстве.

### ***Список цитированных источников***

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. решением Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. Беларусь в цифрах : статистический справочник. — Минск, 2024. — 65 с.

4. Трипузова, А. А. Конституционная экономика в контексте обеспечения экономической безопасности и защиты конкуренции в Республике Беларусь и за рубежом / А. А. Трипузова // Байкальские компаративистские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22-23 апреля 2022 г. — Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2022. — С. 183-188.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. О распоряжении имуществом [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 сен. 2022 г., № 330 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Химченко, А. Н. Государственное предпринимательство как форма взаимодействия государства и бизнеса / А. Н. Химченко, А. М. Плаксина // Вестник Донецкого национального университета. Сер. В. Экономика и право. — 2022. — № 1. — С. 294-306.

8. Иванова, Т. Е. Трансакционные издержки в государственном предпринимательстве / Т. Е. Иванова, М. Б. Мейсигов // Экономика: теория и практика. — 2011. — № 3 (23). — С. 49-55.

9. Завьялов, Д. В. Государственное предпринимательство в национальной экономике / Д. В. Завьялов, В. Ю. Нагалин, Н. Б. Завьялов // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17, № 20. — С. 2755-2764.

10. О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 сент. 2021 г., № 367 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

11. Бондаренко, Н. Л. К вопросу об институционализации фискального права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Байкальские компаративистские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22-23 апр. 2022 г. — Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2022. — С. 173-182.

12. Бондаренко, Н. Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности и определению методики преподавания учебных дисциплин,

формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права. — 2022. — № 1 (19). — С. 9–23.

13. Фискалистика как наука о функционировании казны и управлении объектами, составляющими казну / Н. Л. Бондаренко [и др.] // Журнал Бел. гос. ун-та. Право. — 2023. — № 3. — С. 49–56.

14. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 : в ред. от 6 янв. 2021 г. № 93-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

15. О Белорусском государственном концерне пищевой промышленности «Белгоспищепром» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 авг. 2000 г., № 460 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 февр. 2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

16.05.2024.

### **O. A. Yakubovsky**

Junior research assistant in the sector of legal support  
for socio-economic development of the Center of State Building  
and Law of the Institute of Economics of the National Academy  
of Sciences of Belarus

### **SELECTED PROBLEMS OF PUBLIC ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS**

*Abstract.* The article deals with the problems of institutionalization of state (fiscal entrepreneurship) in the Republic of Belarus. The essence of state entrepreneurship as a theoretical concept is revealed. The criteria of its differentiation as a subject of economic relations in the structure of social production are highlighted. Distinctions are made between "public" and "private" entrepreneurship.

*Key words:* state entrepreneurship, entrepreneurial activity, subjects of entrepreneurship, fiscal policy, public policy.

## **РАЗДЕЛ II**

# **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА**

УДК 346.1

**Н. Л. Бондаренко**

заведующий кафедрой хозяйственного права  
Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор

**Ю. Г. Конаневич**

старший преподаватель кафедры хозяйственного права  
Белорусского государственного университета

## **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЦИВИЛИСТИКИ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* Научная статья построена в формате размышления о необходимости трансформации методологической основы правовой науки в части более широкого использования принципа междисциплинарности — не только в рамках научных исследований, но и в рамках обеспечения жизненного цикла правовых норм. Предпосылками подобной трансформации является имплементация в систему общественных отношений искусственного интеллекта, а также необходимость реализации идеи технологического и производственного суверенитета государства.

---

<sup>1</sup> Статья выполнена представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

*Ключевые слова:* принцип междисциплинарности, искусственный интеллект, технологический суверенитет, «четвертые лица» в правоотношении, цивилистика, хозяйственно-правовая наука, субъективация носителей искусственного интеллекта, роботоправо.

**Введение.** Впервые за всю историю существования человечества оно столкнулось с новой реальностью, ставшей следствием угрозы породить эффект «вторичности человека» в объективной реальности. Эта новая реальность связана с проникновением в общественный организм сущности иного порядка — искусственного разума. Появление этой новой разумной сущности (именуемой искусственным интеллектом) ставит перед человечеством целый комплекс новых вызовов, одним из которых является необходимость существенной трансформации правового регулирования общественных отношений. В рамках настоящей статьи мы попытаемся проанализировать лишь гражданские и хозяйственные правоотношения, являющиеся для любого человека наиболее «привычной средой повседневного обитания», а также спрогнозировать будущие задачи для изучающих их наук — цивилистики и хозяйственно-правовой науки.

**Основная часть.** В любой сфере человеческой деятельности всегда присутствует конкуренция — конкуренция идей, идеологий, технологий и методологий, форм и содержания. Существуют сферы деятельности человека, в которых конкуренция на первый взгляд не порождает внешних столкновений, однако характер и содержание такой соревновательности фактически предопределяет вектор цивилизационного развития (за определение которого и борются конкурирующие силы). В правовой науке и юриспруденции в целом существует две идеологии правопонимания, предопределяющие характеристики социальной реальности. Речь идет о цивилистике (как области научного знания и идеологии правопонимания, в основе которой находится идея обладания окружающими человека объектами и установления прав на такие объекты) и хозяйственно-правовой науке (как области научного и практического знания о порядке и условиях производства окружающих человека благ, несомненно, обладающего зависимостью от природы и характера прав на средства производства и производимые с их

помощью блага, но тем не менее функционирующего даже в условиях абсолютной правовой неопределенности).

Функциональное назначение названных выше конкурирующих областей научного знания состоит в следующем:

- хозяйственно-правовое знание сконцентрировано на том, как создать новую реальность и составляющие ее блага, обеспечив тем самым функционирование такой реальности в рамках любой комбинации внутренних и внешних условий, актуальных для производителя благ;

- цивилистическое знание сконцентрировано на том, как созданную по результатам хозяйствования реальность «поименовать» и установить пределы использования объектов, ее составляющих.

Иными словами, цивилистика выполняет статичную функцию в системе общественных отношений (и именно по этой причине ее представители не склонны поддерживать идею и принцип междисциплинарности). Хозяйственно-правовая наука призвана обеспечивать динамику и насыщенность общественных отношений, поэтому в основе идеи ее существования находится широкая междисциплинарность [1; 2]. И такое взаимодействие обеих областей научного знания представляет собою идиллическую картину мира, известную нам как один из законов диалектики — закон единства и борьбы противоположностей.

Но такая идиллия прекрасна лишь до того момента, пока человек не столкнулся, к примеру, с нейросетями (например, ChatGPT) или высокоавтономным транспортным средством. Возникает парадокс: то, что человек считает исключительно объектом права и средством производства материальных и нематериальных благ, неожиданно превращается в сущность, способную автономно от человека принимать решения и самостоятельно исполнять их. Причем в отличие от использующихся в хозяйстве животных, также способных на самостоятельное принятие и исполнение решений, такие автономные от человека объекты прав способны принимать и исполнять решения системно и по тому же алгоритму, которым пользуется и сам человек.

Создание искусственного интеллекта — это не только безусловный технологический прорыв, но и совершенно иной, не

существовавший ранее алгоритм осуществления общественных отношений и неведомый ранее человеку уровень ответственности. Уникальностью этого алгоритма является то, что, например, привычная юристу формула «участники правоотношения — третьи лица» становится уже неполной. Вернее, она перерастает в иную формулу, в рамках которой условным «третьим лицом» фактически становится носитель искусственного разума, а привычное «третье лицо» в виде физического лица или фиктивной личности — организации фактически превращается уже в нечто вроде «четвертого лица».

Еще недавно рассуждения о феномене «четвертого лица» в правоотношении могли восприниматься как имеющие гипотетический характер, то сегодня они уже реальность. Приведем лишь один пример.

Педагогические работники все чаще сталкиваются со случаями, когда предусмотренные образовательными программами учебные и научные работы обучающихся создаются не самими обучающимися (полностью или частично), а с использованием потенциала пока еще не идентифицированного в системе общественных отношений объекта прав — нейросети ChatGPT. Итак, сторонами правоотношения являются обучающийся (как правило, заказчик образовательной услуги и всегда — ее потребитель) и исполнитель образовательной услуги (коим, как правило, является учреждение образования). Пока еще «привычную» роль третьего лица в подобном правоотношении выполняет организация или физическое лицо — заказчик подготовки специалиста, научные и подобные организации, являющиеся пользователями продукта образовательного процесса в виде потенциально возможного научного знания, произведенного обучающимся.

Однако появление в правовой конструкции образовательного правоотношения нейросети (пока еще не вполне в объективированном и еще наверняка в несубъективированном состоянии) позволяет обнаружить непосредственно в процессе производства образовательной услуги присутствие «третьей силы», действующей фактически самостоятельно (поскольку алгоритм



обрабатывает информацию, помимо воли обеих сторон образовательного правоотношения), беспрепятственно (поскольку в рамках существующей правовой парадигмы ограничения возможны только для обучающегося или производителя образовательной услуги) и вне рамок кондиционных или прочих пруденциальных требований к содержанию образовательной информации (поскольку в несубъективированном состоянии носитель искусственного интеллекта не может быть привлечен к какой-либо ответственности, а правообладатель такого носителя несет ответственность лишь за безопасное функционирование информационной системы, предоставляющей с формальной точки зрения всего лишь бесплатную или платную консультацию по тому или иному вопросу).

Действительно, казалось бы, абсолютно «невинная» ситуация порождает самое настоящее состояние правовой неопределенности. Но в действительности появление в системе общественных отношений искусственного интеллекта уже породило множество таких «невинных» ситуаций (например, автономные транспортные средства), а в самой ближайшей перспективе породит парадоксы цивилизационного характера.

В этой связи возникает справедливый вопрос к сообществу юристов-практиков и ученых: обладает ли в настоящее время правовая наука и государство необходимым алгоритмом регулирования подобного рода общественных отношений и способно ли государство реагировать на подобного рода вызовы? Наш ответ будет достаточно категоричным: не обладает. И отнюдь не потому, что не выполняет или плохо выполняет свои функции, а по причине ментального свойства: ни отдельная личность, ни отдельная организация, ни государство, ни общество, ни мировое сообщество в целом на данный момент просто не понимают сути происходящего. Не понимают, потому что перед человеческой цивилизацией возникла проблема «цивилизационного роста»: старые алгоритмы миропонимания уже фактически утратили актуальность, новые еще не выработаны, но переходный период уже начался. Осложняет такой переходный период то, что он происходит на фоне исторического и геополитического излома, в условиях которого возникает еще более сложная

задача — обеспечения суверенитета государства в условиях социально-технологических преобразований.

Мы убеждены, что за решение этой сложной задачи должны браться в том числе и юристы, и в первую очередь:

- юристы-цивилисты (перед которыми стоит задача разработать новое учение об объектах гражданских прав и правах на такие объекты, кардинально отличающееся от имеющегося);
- юристы-хозяйственники (перед которыми стоит задача разработать новое учение о порядке и условиях производства материальных и нематериальных благ в новых условиях, включая использование для этих целей потенциала публичной монополии (в том числе государственной монополии)).

Белорусская хозяйственно-правовая наука уже сделала первые уверенные шаги по формированию новой правовой реальности. В рамках функционирования научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета (далее — научная школа хозяйственного права) [3] осуществлен комплекс разработок по проблематике управления казной государства в целом и собственностью государства (как основным элементом казны) в частности [4; 5].

В проводимых научных исследованиях уделено внимание не только традиционным правоотношениям, складывающимся по поводу функционирования казны государства, но и влиянию на фискальные правоотношения высоких технологий, становящихся неотъемлемым элементом повседневного бытия, а также изменению методологической основы продвижения национальных интересов Республики Беларусь. Особое внимание было уделено двум взаимосвязанным объектам исследования:

- 1) такому ставшему объективной реальностью социально-экономическому и социально-политическому феномену, как искусственный интеллект;
- 2) технологическому и производственному суверенитету Республики Беларусь.

В контексте тематики научного исследования имеющаяся в распоряжении научной школы хозяйственного права доктринальная основа обладает следующими преимуществами:

1) разработанная концепция целого ряда правовых институтов, позволяющая совершенствовать механизм и методологию правового регулирования общественных отношений в свете имеющихся геополитических и внешнеэкономических вызовов, а также в контексте вектора технологического развития, обусловленного проникновением в общественный организм искусственного интеллекта (примером такого института являются хозяйственные экосистемы);

2) предложенный методологический подход не предполагает дублирования правового регулирования искусственного интеллекта, поскольку, с нашей точки зрения, все необходимое для того, чтобы он существовал в системе общественных отношений, уже давно наличествует в законодательстве, ведь правовой режим объектов интеллектуальной собственности и правовой режим технологий давно определен нормами национального и международного права. Следовательно, сама постановка вопроса о каком-то дополнительном регулировании технологий искусственного интеллекта неуместна, ведь регулировать нужно не технологии искусственного интеллекта как объект интеллектуальной собственности, а сущность и явление в виде синтетического разума и носителей такого разума.

Имплементация в систему общественных отношений искусственного интеллекта как синтетического разума, в котором воплощены различные объекты интеллектуальной собственности, имеющие форму технологий различного характера, требует не «изобретения велосипеда» в виде еще одного закона об интеллектуальной собственности и технологиях, а выработки совокупности правовых норм, решающих три жизненно важные для человечества проблемы:

– субъективации носителей искусственного интеллекта, предполагающей установление такого защитного механизма для человечества, который не позволил бы в перспективе искусственному разуму уничтожить это человечество (посредством выработки методологии субъективации носителей искусственного интеллекта (а не самого искусственного интеллекта как синтетического разума) в качестве субъектов хозяйственной деятельности, позволяющей избежать признания таких носителей субъектами права, однако признающей за ними правовой статус

субъектов общественных отношений в виде субъективированного объекта гражданских и (или) политических прав);

- идентификации и самоидентификации субъективированных носителей искусственного интеллекта (посредством разработки правовой конструкции института объектов публичной идентификации) [6; 7];

- определения места носителей искусственного интеллекта в системе общественных отношений (посредством формирования правового режима хозяйственной деятельности носителей искусственного интеллекта в качестве производителя материальных и нематериальных благ).

3. Предлагаемый нами методологический подход не предполагает ломку и переформатирование сложившейся системы права (поскольку, как было отмечено выше, в системе права уже есть все необходимое для того, чтобы искусственный интеллект и носители искусственного интеллекта были признаны объектами прав). Вместе с тем в дополнение к существующей системе права мы предлагаем формирование доктринальной и законодательной конструкции в виде «технологического права (роботоправа)», предметом которого будут являться общественные отношения, складывающиеся по поводу функционирования искусственного интеллекта, а не по поводу того, чем или кем его признать и какими правомочиями наделять.

4. С учетом чрезвычайной общественной опасности искусственного интеллекта (и одновременно чрезвычайной общественной полезности) возникает проблема защиты не просто общественного порядка, а защиты самой человеческой цивилизации. Причем защиты от двух принципиально разных по своей природе типов угроз:

- от злонамеренного или попустительского использования искусственного интеллекта самим человеком;

- от возможного «восстания машин», в рамках которого носители искусственного интеллекта начнут осознанно и целенаправленно вредить человеку и системе общественных отношений.

Научная школа хозяйственного права предлагает решить данную проблему посредством формирования доктринальной конструкции двух необходимых в связи с рассматриваемой проблематикой институтов:

– публичной монополии, в конструкцию которой включена государственная монополия на функции и виды деятельности с использованием искусственного интеллекта (не исключающей возможности владения искусственным разумом не только самим государством и дающей возможность владения им физическим лицам и организациям);

– хозяйственных экосистем, представляющих собою своего рода совокупное «место жительства» и «рабочее место» носителей искусственного интеллекта, правовая и организационная конструкция которых будет обеспечивать не только производство материальных и нематериальных благ, необходимых человечеству, но и содержать защитный механизм при функционировании искусственного интеллекта в системе общественных отношений.

При этом необходима трансформация правовой и организационной конструкции целого ряда традиционных правовых институтов: объектов гражданских прав и политических прав государства; имущественного комплекса; казны государства; имущественных прав (включая необходимость имплементации в правовую систему новой разновидности ограниченных вещных прав, позволяющих физическому лицу или организации владеть носителем искусственного интеллекта без перехода права собственности на такой носитель (которое должно быть закреплено исключительно за соответствующей хозяйственной экосистемой)).

5. Своего рода бонусом в рамках предложенных нами правовых конструкций является возможность их использования для реализации идеи технологического и производственного суверенитета Республики Беларусь (поскольку одной из разновидностей предлагаемых нами объектов публичной идентификации является бренд и страновой бренд [8], использование которых будет необходимо для существования хозяйственных экосистем в описанном нами формате).

6. Методологический подход научной школы хозяйственного права не согласуется с предлагаемыми концепциями правового регулирования искусственного интеллекта (и той методологической основой, которую предлагает в настоящее время цивилистика), в частности с концепцией Модельного закона

СНГ «Об искусственном интеллекте» (далее — Модельный закон) [9], поскольку:

– с опорой на принципы юридической квалиметрии критике могут быть подвергнуты как содержащаяся в проекте некорректная юридическая терминология, так и концепция целого ряда наименований институтов, включенных в проект данного правового акта. Например, ст. 39 Модельного закона *«Права и обязанности исследователей, разработчиков, производителей технологий искусственного интеллекта, лиц, осуществляющих финансирование исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта»*, поскольку, во-первых, само название данной статьи полностью выводит из сферы правового воздействия данного закона субъектов, осуществляющих инвестиции в искусственный интеллект, а во-вторых, игнорирует значительный массив иных субъектов общественных отношений, существующих в данной сфере (например, производителей носителей искусственного интеллекта). Также ст. 40 Модельного закона *«Права и обязанности собственников, владельцев, операторов, пользователей, а также иных лиц, взаимодействующих с технологиями искусственного интеллекта»*, поскольку, во-первых, правовое положение оператора или пользователя технологии искусственного интеллекта само по себе предполагает наличие факта законного владения, а во-вторых, «взаимодействие» с технологией искусственного интеллекта — крайне некорректная формулировка, поскольку взаимодействие осуществляется с искусственным разумом, созданным с использованием технологий, но никак не с технологиями). Также ст. 52 Модельного закона *«Ответственность государственных органов за принятие и реализацию решений в сфере искусственного интеллекта»*, поскольку подобная формулировка вступает в противоречие с природой государства, доктриной правовой, политической и экономической науки, ибо наделяет государственные органы некой обособленной от государства природой. Неудачным, с точки зрения формальной логики, является и название ст. 41 Модельного закона *«Права и обязанности субъектов по обеспечению безопасности и соблюдения существующего законодательства, защищающего основные права на протяжении всего жизненного цикла систем искусственного интеллекта»*.

Предлагаемый Модельный закон решает только одну задачу — установление специального правового режима технологий искусственного интеллекта. При этом Модельный закон не дает ответов на вопросы о правовом статусе искусственного интеллекта как искусственного разума, о правовом статусе носителей искусственного интеллекта, о природе, содержании и правовом режиме осуществляемых носителями искусственного интеллекта юридически значимых и фактических действий разнообразного характера и свойственной таким носителям деятельности. Из содержания Модельного закона не следует, кто и при каких условиях может быть владельцем искусственного разума и носителей искусственного интеллекта, какие для этого установлены преференции, ограничения и запреты. Содержание Модельного закона не позволяет констатировать установления массива легальных барьеров для создания, владения и использования искусственного разума и носителей искусственного интеллекта, установления минимальных стандартов национальной безопасности при использовании искусственного разума и носителей искусственного интеллекта и т. д.;

– предложенный Модельный закон весьма фрагментарно затрагивает массив общественных отношений, в правовой конструкции которых присутствует элемент искусственного интеллекта. Будучи нацеленным прежде всего на определение гражданско-правовой природы технологий искусственного интеллекта (а не самого искусственного интеллекта и носителей искусственного интеллекта), Модельный закон не содержит ответа на самый важный вопрос в этой связи: какого рода объектом прав признаются технологии искусственного интеллекта и какого рода имущественные права в отношении них устанавливаются, что сводит на нет смысл и значение предложенного правового акта.

Вышеизложенная критика Модельного закона не является «камнем в огород» тех, кто предпринял смелую попытку сформировать новый концепт правового регулирования общественных отношений в условиях имплементации в систему общественных отношений искусственного интеллекта и необходимости обеспечения технологического и производственного суверенитета государства. Выявленные нами проблемы — резуль-

тат не только использования метода проб и ошибок, но и разоб-  
щенности ключевых направлений правового знания — цивили-  
стики и хозяйственно-правовой науки.

К сожалению, цивилистика фактически остается в пара-  
дигме правопонимания, характерного для начала XX века. Так,  
например, учение об объектах гражданских прав и правах на та-  
кие объекты фактически не претерпело существенного изме-  
нения. Динамично развивающаяся хозяйственно-правовая  
наука, напротив, стремится привнести новое знание в механизм  
и методологию правового регулирования общественных отно-  
шений. Однако данная область научного значения не сумеет сде-  
лать это надлежащим образом в отсутствие нового понимания  
природы и правовой конструкции объектов гражданских прав  
и прав на такие объекты.

Полагаем, что единственно верным и возможным вариан-  
том разрешения сложившейся проблемы является полное пере-  
форматирование методологической основы научных исследова-  
ний в цивилистике и в хозяйственно-правовой науке, предпола-  
гающее установление в качестве ключевого принципа широчай-  
шей междисциплинарности таких исследований, побочным ре-  
зультатом которого должно стать переформатирование юриди-  
ческого образования, предполагающее универсализацию обра-  
зовательной информации (то есть включение в массив юридиче-  
ского знания значительного объема знаний из смежных областей  
научного знания, прежде всего из экономики и политологии) [2].

**Заключение.** В заключение мы хотели бы акцентировать  
внимание на необходимости изменения методологии научных  
исследований в области права и концепции формирования науч-  
ной и образовательной информации в свете цивилизационных  
вызовов, стоящих перед человечеством. Суть нового концепта  
функционирования правовой науки состоит в широком внедре-  
нии в жизненный цикл правового научного знания принципа  
междисциплинарности. Причем такой методологический под-  
ход должен быть рассчитан на его понимание как человеческим  
разумом, так и синтетическим разумом (созданным человеком  
с использованием технологий искусственного интеллекта). Ис-  
пользование такого методологического подхода пригодно для  
решения еще одной жизненно важной проблемы — обеспечения



технологического и производственного суверенитета Республики Беларусь, правовая природа, правовая и организационная конструкция которого является не менее сложной для понимания.

Искусственный интеллект и технологический суверенитет — это цивилизационные вызовы, стоящие перед правовой наукой в целом, ответ на которые кроется в устранении разобщенности цивилистики и хозяйственно-правовой науки и выработке единой методологической основы их функционирования.

### **Список использованных источников**

1. Бондаренко, Н. Л. Природа и конструкция хозяйственно-правовой науки / Н. Л. Бондаренко, В. С. Каменков // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 24 окт. 2023 г. / БГУ ; редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкая. — Минск : БГУ, 2023. — С. 27–35.

2. Бондаренко, Н. Л. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования / Н. Л. Бондаренко, А. В. Шидловский // Право.by. — 2022. — № 5. — С. 136–142.

3. Научная школа хозяйственного права [Электронный ресурс] // Юрид. факультет БГУ. — Режим доступа: <https://law.bsu.by/novosti/novosti-nauchnoj-zhizni/14872-nauchnaya-shkola-khozyajstvennogo-prava.html>. — Дата доступа: 24.04.2024.

4. Бондаренко, Н. Л. Казна как объект государственного управления и комплексный правовой институт / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Проблемы управления. — 2022. — № 1. — С. 81–86.

5. Бондаренко, Н. Л. Фискалистика как наука о функционировании казны и управлении объектами, составляющими казну / Н. Л. Бондаренко [и др.] // Вестник БГУ. Право. — 2023. — № 3. — С. 49–56.

6. Конаневич, Ю. Г. Бренд и страновой бренд как объекты публичной идентификации и институционализация коллективного управления страновым брендом / Ю. Г. Конаневич, Н. Л. Бондаренко // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 окт. 2022 г. : в 2 ч. / под ред. В. А. Рябоволова. — Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2022. — Ч. 1. — С. 94–101.

7. Конаневич, Ю. Г. Объекты публичной идентификации как новый тип объектов интеллектуальной собственности / Ю. Г. Конаневич, Н. Л. Бондаренко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2023. — № 1. — С. 6–15.

8. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. — Минск : Ковчег, 2022. — 652 с.

9. Основные положения Модельного Закона «Об искусственном интеллекте // Репозиторий БГУИР. — Режим доступа: [https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/54718/1/Ablomejko\\_Osnovnye.pdf](https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/54718/1/Ablomejko_Osnovnye.pdf). — Дата доступа: 24.04.2024.

05.06.2024

**N. L. Bondarenko**

Head of the Department of Economic Law  
Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

**Yu. G. Konanevich**

Senior Lecturer at the Department of Economic Law  
Belarusian State University

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND TECHNOLOGICAL  
SOVEREIGNTY OF THE STATE AS CIVILIZATIONAL CHALLENGES  
FOR CIVILISTICS AND ECONOMIC AND LEGAL SCIENCE**

*Abstract.* The scientific article is structured in the format of reflection on the need to transform the methodological basis of legal science in terms of wider use of the principle of interdisciplinarity — not only within the framework of scientific research, but also within the framework of ensuring the life cycle of legal norms. The prerequisites for such a transformation are the implementation of artificial intelligence into the system of social relations, as well as the need to implement the idea of technological and production sovereignty of the state.

*Key words:* principle of interdisciplinarity, artificial intelligence, technological sovereignty, “fourth parties” in legal relations, civil law, economic and legal science, subjectification of artificial intelligence carriers, robotic law.  
УДК 347.440.7

**В. Ф. Ермолович**

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин  
Международного университета «МИТСО»,  
доктор юридических наук, профессор

**Н. А. Волкова**

преподаватель кафедры международного права  
Международного университета «МИТСО»

## **ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА ПРЕДДОГОВОРНОМ И ДОГОВОРНОМ ЭТАПАХ СДЕЛКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ**

*Аннотация.* Актуализирована проблема гражданско-правовой ответственности на договорном и преддоговорном этапах сделки. Рассмотрены основные концептуальные подходы к определению гражданско-правовой ответственности на разных этапах сделки. Систематизированы и охарактеризованы признаки гражданско-правовой ответственности применительно к этапам сделки.

*Ключевые слова:* гражданско-правовая ответственность, ответственность неимущественного характера, ответственность за нарушение преддоговорные обязательства, преддоговорная ответственность, преддоговорный этап гражданско-правовых сделок, состав гражданского правонарушения.

**Введение.** Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. «Об изменении кодексов» (*прим.* вступит в силу 19.11.2024) введена ст. 404-1 ГК о недопустимости недобросовестного поведения в ходе ведения деловых переговоров, что свидетельствует о тенденции усовершенствования действующего законодательства по практике заключения гражданско-правовых договоров.

В настоящее время реально возможны два стратегических направления дальнейшего развития законодательства относительно недопустимости недобросовестного поведения в ходе ведения деловых переговоров по гражданско-правовым сделкам.

Первое направление. Правовая детерминация правонарушений, совершаемых на преддоговорном этапе сделки, с целью расширения законных возможностей (инструментария) защитить интересы добросовестной стороны в переговорах, поставив ее в то положение, в котором она находилась бы, если бы договор был заключен.

Второе направление. Предоставление правовых оснований взыскания понесенных расходов за недобросовестное поведение в ходе ведения деловых переговоров о заключении основного договора по сделке.

Развитие теоретической основы отмеченных направлений затрагивает проблемные вопросы оснований и форм гражданско-правовой ответственности за неисполнение преддоговорных обязательств, характера применяемых санкций и иное. Целью настоящей статьи является разработка отдельных теоретических положений об ответственности на разных этапах сделки в контексте сложившегося в доктрине понимания гражданско-правовой ответственности и ее признаков.

**Основная часть.** Исследованием проблем гражданско-правовой ответственности занимались многие ученые [1–3]. В теории гражданского права известен ряд концептуальных подходов о понятии, сущности, признаках, основаниях гражданско-правовой ответственности [4–6].

Концепция «ретроспективной ответственности» предполагает, что «...ответственность есть последствия правонарушения» [7, с. 17]. Фактически это следствие и постфактум совершенного правонарушения. В рамках данной концепции ответственность неразрывно связана с санкцией правовой нормы, являясь ее реализацией. Исходя из этого, все предложенные в теории права дефиниции гражданско-правовой ответственности, как правило, содержат указание на санкции.

По мнению О. А. Красавчикова, «...гражданско-правовая ответственность — это установленная законом неотвратимая негативная реакция государства на гражданские правонарушения, выраженная лишением определенных гражданских прав

или возложением внеэквивалентных обязанностей имущественного характера» [8, с. 502]. При таком подходе данную ответственность характеризуют следующими родовыми признаками:

1) «...она представляет собой вид государственного принуждения»;

2) «...основанием ее применения является правонарушение»;

3) «...она выражается в применении негативных, отрицательных мер к лицу, совершившему правонарушение» [7, с. 24].

Концепция «позитивной ответственности» определяет ответственность с точки зрения «субстанционной сущности» как «обязанность субъектов общественной жизни действовать в соответствии с требованиями правовых норм, а ее реальное содержание составляет реальное правомерное поведение субъектов права». Последователи этого научного подхода, принимая во внимание, что «ответственность проявляется не только в связи с правонарушениями, но и реализуется при осуществлении правомерных действий», философски трактуют понимание ответственности как «способности человека предвидеть результаты своей деятельности и определять ее, исходя из того, какую пользу или вред она может принести обществу» [9].

В рамках указанного подхода к рассматриваемой ответственности ученые выделяют следующие родовые признаки:

– «...обязанность субъектов действовать в соответствии с требованиями социальных норм» [10, с. 107];

– обязанность субъектов права дать отчет в своих действиях;

– цель — обеспечение правопорядка. «...Одним из признаков гражданского общества служит высокая социальная ответственность» [7, с. 24].

Общими признаками разных концептуальных подходов к определению гражданско-правовой ответственности выступают:

– правонарушение, повлекшее причинение имущественного либо неимущественного вреда, при этом субъектом ответственности могут признаваться третьи лица;

- вид государственного принуждения, предусмотренный в охранительных нормах права;
- выражена в виде лишений имущественного или неимущественного характера для субъекта ответственности.

Категория правонарушения с юридической точки зрения характеризуется его составом. Состав правонарушения состоит из объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны. «Каждый из этих элементов правонарушения имеет самостоятельное значение только в качестве элемента правонарушения и вне его не существует. При отсутствии хотя бы одного из них деяние меняет свое качество и, как следствие, перестает быть правонарушением» [11].

В отличие от избранного в доктрине гражданского права подхода к рассмотрению гражданско-правовой ответственности как целостного явления, через общие родовые признаки некоторые ученые обращаются к изучению рассматриваемого явления при помощи конструкции правоотношения, разделяя в нем регулятивные и охранительные правоотношения [12, с. 420]. Основное отличие между двумя этими видами правоотношений состоит в способности охранительных правоотношений к исполнению в принудительном порядке.

По мнению В. А. Белова, конструирование единого охранительного правоотношения для видовых — договорной и внедоговорной ответственности «способно отразить те или иные закономерности в развитии двух институтов, способно указать на их существенные различия и объяснить происхождение этих различий, прогнозировать то или иное развитие этих институтов» [12, с. 420].

Традиционный в белорусском гражданском праве подход связывает момент возникновения ответственности с моментом наступления отрицательных последствий для субъекта права. При этом ученые, соответственно, придерживаются концепции «ретроспективной ответственности».

В теории права гражданско-правовая ответственность рассматривается как:

- 1) «...реакция на правонарушение» [13, с. 130];
- 2) «...атрибут, свойство обязанности на той стадии ее реализации, когда она не исполняется добровольно» [1, с. 97–98];

3) «...взятые в динамике правовые отношения между правонарушителем (или лицом, обвиняемым в правонарушении) и государственными органами» [2, с. 170];

4) «...реализующаяся особая обязанность отвечать, возникшая на основе особого юридического факта — правонарушения» [14, с. 62];

5) «...отрицательные имущественные последствия для нарушителя в виде лишения его субъективных гражданских прав либо возложения на него новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [15, с. 125–126];

6) «...последствия нарушения субъективного гражданского права и (или) охраняемого законом элемента гражданского правопорядка (законного интереса в его сохранении)» [16, с. 401];

7) «...обеспеченное силой государственного принуждения возложение на правонарушителя неблагоприятных последствий совершенного им правонарушения в виде предусмотренных законодательством и (или) договором санкций имущественного характера, взыскиваемых по требованию потерпевшей стороны и направленных на восстановление ее имущественного положения» [17, с. 169], и иные.

Объективно сложившийся методологический подход к пониманию гражданско-правовой ответственности определяет ее через правоотношение [1 с. 240], обязанность [15, с. 214], санкции [14, с. 445].

В. П. Камышанский, Н. М. Коршунов и В. И. Иванов выделили следующие важные признаки гражданско-правовой ответственности:

– «...возлагается как за действия, так и бездействие, если это предусмотрено законом или договором...»;

– характеризуется мерами имущественного воздействия на субъектов гражданско-правовых отношений;

– возникает в связи с неправомерным поведением вышеуказанных субъектов;

– есть мера государственного принуждения, за исключением случаев добровольного возложения правонарушителем на себя гражданско-правовой ответственности;

– имеет главной целью восстановление нарушенного субъективного гражданского права потерпевшего;

– гражданско-правовая ответственность есть санкция, но санкция — более широкое понятие (по объему), чем гражданско-правовая ответственность;

– наступает, по общему правилу, виновно (п. 1 ст. 401 ГК), но законом могут предусматриваться исключения из этого общего правила (куда — в исключения — как раз попадает ответственность в сфере осуществления предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 401 ГК)» [18, с. 329].

Известный белорусский ученый в области гражданского права В. Ф. Чигир определил ряд следующих признаков гражданско-правовой ответственности:

1) «...носит имущественный характер, отрицательно воздействующий на имущественную сферу правонарушителя;

2) является дополнительным обременением для должника, то есть таким обременением, которое не вытекает из ранее существующего правоотношения между сторонами, а обусловлено совершением правонарушения;

3) направлена на компенсацию имущественных потерь потерпевшей от правонарушения стороны и поэтому взыскивается в ее пользу, а не в доход государства;

4) как форма защиты потерпевшей стороны подлежит применению только по ее требованию;

5) выступая важнейшим инструментом урегулирования взаимоотношений сторон на стадии правонарушения, может быть согласована сторонами заранее, но лишь в той мере, в какой это не противоречит императивным предписаниям гражданского законодательства» [16, с. 169].

### **Сфера реализации защищаемых интересов потерпевшей стороной по гражданско-правовым сделкам**

Деловую практику предпринимателей по сделкам детерминируют, с одной стороны, принцип свободы договора, включая свободу принятия решения о заключении или незаключении договора; с другой стороны, принцип добросовестного действия сторон в реализации своих коммерческих либо корпоративных интересов, которые каждый участник ставит превыше интересов остальных контрагентов.



Недобросовестность при ведении или прекращении переговоров может выражаться в случаях:

- вступления в переговоры без намерения заключить договор (п. 1 ст. 404-1 ГК);
- «внезапного и безосновательного прекращения переговоров о заключении договора без предварительного уведомления другой стороны» [19, с. 86];
- уклонения от заключения основного договора по сделке на условиях, предусмотренных предварительным договором;
- неисполнения преддоговорных обязанностей, предусмотренных общими положениями ГК, повлекшего признание договора незаключенным либо сделки недействительной;
- уклонения от нотариального удостоверения либо государственной регистрации сделки и иное.

Поведение правонарушителей может затрагивать сферу как частных, так и публичных интересов.

Субъектами права на гражданско-правовую защиту в соответствии с действующим законодательством могут выступать:

- собственник (учредитель) юридического лица, участника сделки (ст. 174 ГК);
- любое заинтересованное лицо в определенных законодательством случаях (п. 2 ст. 167 ГК);
- сторона, действовавшая в сделке под влиянием заблуждения (п. 1 ст. 179 ГК);
- сторона сделки, совершенной под влиянием обмана либо иных злонамеренных действий (п. 1 ст. 180 ГК);
- добросовестная сторона в сделке, заключенной с недобросовестным представителем (третьим лицом), превысившим объемы своей правоспособности (п. 4 ст. 183 ГК) либо с неуполномоченным лицом (ст. 184 ГК).

В установленных законодательством случаях государственные органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью юридического лица, обладают правом обращения с иском в суд для защиты частных интересов лица (ст. 174 ГК).

Право на обращение в суд юридически заинтересованного лица предполагает в рамках иска о признании права на заключение договора предъявить доказательства нарушения субъектом

ответственности обязательств, предусмотренных положениями ст. 399, 404-1, 415, п. 5. ст. 418, 477 ГК.

В определенных случаях противоправное поведение участников преддоговорных правоотношений при заключении договора влечет признание сделки недействительной по решению суда, вступившего в законную силу. Для удовлетворения исковых требований при недействительной сделке по взысканию материального ущерба необходимо в суд представить доказательства виновного противоправного поведения ответчика на этапе заключения договора, нарушающего нормы ст. 174, 175, 177–180, 184 ГК и др.

### **Форма реализации санкций имущественного и неимущественного характера за правонарушения на преддоговорном этапе сделки**

Относительно общего основания к применению гражданско-правовой ответственности целесообразно согласиться с мнением, что «единственное условие гражданской ответственности, наличие которого обязательно (всегда) для решения вопроса о привлечении к ответственности, — причинение имущественного или неимущественного вреда, то есть умаление материального и нематериального блага» [20, с. 81].

Имущественный вред в качестве основополагающего признака гражданско-правовой ответственности может иметь место как на договорном, так и преддоговорном этапах сделки.

Имущественные перемещения до оформления договора в основном совершаются в рамках реальных договоров. Специфика данного вида обязательств предполагает, что возникновение договорного правоотношения невозможно без соответствующей передачи имущества. Считается, что действия контрагента, состоящие в фактической передаче имущества, и есть акцепт. В реальном договоре передача имущества (исключая положение п. 2 ст. 224 ГК) является формой заключения договора.

«Письменная форма реального договора считается соблюденной при наличии определенных документов, отражающих юридический факт совершения кредитором действий по передаче соответствующего имущества должнику» [21, с. 147].

Удостоверяющими сделку документами признаются ТН, ТТН, расписка в получении, сохранная расписка, квитанция, сви-детельство и иное.

Момент заключения любого реального договора связывают с передачей имущества либо денежных средств. Преддоговорный этап реальных сделок имеет место в правоотношениях сторон сделки до момента юридической «передачи-получения» имущества. Соответственно, преддоговорный этап реальных сделок не содержит оснований привлечения к ответственности имущественного характера. Исключением является случай, когда имущество фактически передано акцептанту, а юридически «передача-получение» имущества не оформлена.

Преддоговорный этап консенсуальных сделок подразумевает исключительно переговорный процесс, выраженный различными способами. Обязательства сторон консенсуальной сделки на указанном этапе характеризуются неимущественным содержанием, однако способны повлечь негативные правовые последствия в виде материального ущерба одной из сторон. Например, произвольное прекращение переговоров, срыв сделки, вызванный неисполнением организационных (процессуальных) обязательств. Указанные действия для одной из сторон порождают определенные юридические последствия, выраженные незаключением договора. Данные действия являются основанием к применению ответственности в соответствии с положениями ст. 404-1 ГК Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 404-1 ГК Республики Беларусь можно выделить следующие виды действий недобросовестного характера определенной стороны сделки на ее преддоговорном этапе:

1) вступление в переговоры без намерения заключить договор и их последующее прерывание;

2) произвольное прекращение переговоров при наличии у контрагента уверенности в заключении договора;

3) несвоевременное информирование контрагента о выходе из переговорного процесса. Общими критериями недобросовестного срыва переговоров закон признает наличие у контрагента обоснованной уверенности в заключении договора и отсутствие уважительной причины разрыва деловых переговоров.

Преддоговорные обязательства консенсуальных сделок характеризуются неимущественным содержанием и, соответственно, неимущественным характером ответственности за их неисполнение. Основания по привлечению к ответственности имущественного характера возможны в случае причинения материального ущерба потерпевшей стороне сделки на ее преддоговорном этапе.

Возмещение реальных убытков за правонарушения на преддоговорном этапе гражданско-правовых сделок предусмотрено положениями ст. 399, 404-1, 415, 477 ГК за нарушение обязательств неимущественного характера.

«Неимущественные обязательства есть юридическая форма отношений между лицами-субъектами». Общей целью неимущественных обязательств является установление специальной обязанности одного из них в пользу другого. По мнению И. А. Покровского, так называемый нематериальный интерес в обязательстве всегда удовлетворяется действием имущественного характера. Объект соответствующего обязательства также обладает свойством стоимостного выражения» в гражданском правоотношении [21, с. 7].

Положения ст. 416 ГК «Преддоговорные споры» защищают материальный интерес санкциями неимущественного характера. Передача заинтересованной стороной разногласий по заключаемому договору на усмотрение суда предполагает определенные цели. Такими целями могут быть заключение договора, защита своих материальных интересов в виде возмещения причиненных убытков.

Конкретная форма реализации санкций указанных правовых норм выражается в государственном принуждении. Гражданско-правовая ответственность наступает в соответствии с предписаниями норм права и на основании решения компетентного органа.

### **Отрицательные последствия при неисполнении преддоговорных обязательств по гражданско-правовым сделкам**

Расходы на преддоговорную стадию коммерческой сделки могут быть как фактические в связи с проведением переговоров, так и гипотетические — от утраты права заключить сделку на более выгодных условиях с другим контрагентом. Несмотря на

предусмотренное ст. 14 ГК право потерпевшего лица требовать полного возмещения убытков, в том числе неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено, практика взыскания упущенной выгоды в настоящее время отсутствует в основном из-за сложности определения их размера и доказывания.

Общим основанием к имущественной ответственности юридического лица по сделкам являются убытки, причиненные другой стороне на разных ее этапах. ГК Республики Беларусь не конкретизирует, какие убытки подлежат возмещению за неисполнение преддоговорных обязательств. Например, по ст. 477 ГК «сторона, получившая предложение по соответствующим условиям договора поставки, но не принявшая мер по согласованию условий договора и не уведомившая другую сторону об отказе от его заключения в срок, предусмотренный п. 1 настоящей статьи, обязана возместить убытки, вызванные уклонением от согласования условий договора».

Представляется, что под убытками, вызванными уклонением от согласований условий поставки, следует понимать расходы, понесенные стороной сделки в связи с ведением переговоров, а также имущественные потери от утраты возможности заключить договор поставки с другим контрагентом. Обосновано, что для расчета таких убытков целесообразно «использовать методику, аналогичную предусмотренным ст. 494 ГК правилам об исчислении убытков при расторжении договора поставки» [22].

Право на взыскание убытков предусмотрено положениями ст. 404-1 ГК «Переговоры о заключении договора». Представляется, что нарушение обязанности добросовестного ведения переговоров не является основанием для привлечения к ответственности в отсутствие причиненного одной из сторон сделки вреда (убытков).

Отрицательные последствия имущественного характера могут наступать за неисполнение стороной обязательств по предварительному договору (ст. 399 ГК). Стороны предварительного договора нередко отражают в его условиях обязанность перечисления обеспечительного платежа в счет оплаты

цены основного договора либо задатка [23; 24]. ГК предусматривает, что, «...если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны. Если за неисполнение договора ответственна сторона, получившая задаток, она обязана уплатить другой стороне двойную сумму задатка» (ст. 352 ГК).

Таким образом, для недобросовестной стороны переговоров о заключении договора законодательно установлены отрицательные последствия, которых не существовало бы до совершения противоправных действий организационного характера. Отрицательные последствия приобретают форму имущественных обременений для правонарушителя.

### **Правовая детерминация защиты материальных интересов при неисполнении преддоговорных обязательств по гражданско-правовым сделкам**

Гражданско-правовая ответственность наступает вследствие нарушения гражданско-правовых норм. Преддоговорные обязательства по заключению основного договора по сделке могут как предусматривать ответственность, так и не предусматривать ее.

Преддоговорные обязательства являются разновидностью обязательств по гражданско-правовой сделке. Они имеют определенные отличия по некоторым признакам:

- от обязательств на преддоговорном этапе сделки;
- договорных обязательств;
- внедоговорных обязательств на договорном этапе сделки.

В качестве отличительных критериев между данными обязательствами следует рассматривать этап сделки (преддоговорной, договорной); договор (основной) по сделке; сроки обязательства в сделке, место обязательства в сделке.

Если обязательства сторон на преддоговорном этапе сделки зафиксированы на бумажном либо электронном носителе информации, то они имеют юридическую силу по соглашению сторон сделки и рассматриваются в качестве оснований для гражданско-правовой ответственности в соответствии со ст. 415 ГК Республики Беларусь. При подаче иска, мотивирован-

ного возникновением убытков вследствие невыполнения преддоговорных обязательств по сделке, выраженных в устной форме, они судом не учитываются.

Современная наука гражданского права признает, что составы гражданско-правовых правонарушений могут быть полноструктурными и усеченными.

Большинство источников гражданского права описывает полноструктурный состав гражданского правонарушения с перечнем следующих элементов:

- противоправность поведения (действие или бездействие);
- наличие ущерба (убытков) у потерпевшей стороны;
- причинная связь между противоправным поведением и возникновением ущерба (убытков) у потерпевшей стороны;
- вина правонарушителя [16, с. 188].

Ответственность за правонарушения на преддоговорном этапе сделки может наступать как при наличии вины, так и при формальном отсутствии виновных действий правонарушителя.

Представляется, что усеченный состав гражданского правонарушения может иметь место при неисполнении преддоговорных обязательств организационного характера по заключению основного договора. В качестве таковых могут быть следующие обязательства:

- предоставление специальной и конфиденциальной информации о контрагенте и предмете договора;
- подготовка документов по сделке;
- приведение предмета сделки в требуемое состояние;
- формирование резервных фондов;
- подготовка финансовых вложений и технических средств;
- и некоторые другие.

Неисполнение подобных обязательств по сделке, не связанных с имущественными перемещениями, порождает произвольное прекращение переговоров, срыв сделки. Указанные действия не образуют полноструктурный состав правонарушения. Однако при этом они порождают определенные негативные юридические последствия для одной из сторон сделки, которые в итоге выражаются в незаключении основного договора.

До заключения основного договора при определенных условиях могут иметь место также факты неосновательного обогащения и причинения имущественного вреда.

Обязательства из неосновательного обогащения возникают, когда юридическое лицо без установленных сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица. Беститульное владение имуществом подлежит ответственности в соответствии с нормами ст. 971–978 ГК Республики Беларусь.

В указанных и иных случаях для наступления ответственности за определенные правонарушения, совершаемые на разных этапах сделки, является достаточным наличие усеченного состава гражданского правонарушения с обязательным присутствием следующих элементов:

- субъект правонарушения;
- действия (бездействие) данного субъекта;
- последствия действий (бездействия) субъекта (например, незаключение основного договора, несвоевременный обеспечительный платеж либо задаток по предварительному договору и др.);
- причинно-следственная связь между данными элементами.

Предложенный концептуальный подход к усеченному составу правонарушения основан на том, что гражданско-правовая ответственность может наступать в определенных законодателем случаях без вины субъекта ответственности (п. 3 ст. 372, ст. 373, 948, п. 2 ст. 971 ГК).

### **Соответствие объема ответственности размеру причиненного вреда на преддоговорном этапе гражданско-правовых сделок**

Объем ответственности за невыполнение преддоговорных обязательств находит отражение в соответствующих статьях ГК Республики Беларусь. В их числе целесообразно отметить следующие нормы ГК:

- ненадлежащее исполнение обязательств, исходящих из односторонних действий (деятельность в чужом интересе без поручения) влекут «возмещение необходимых расходов и иного реального ущерба» (п. 1 ст. 874 ГК);



– неисполнение публично выраженного обещания награды и др. возлагает на правонарушителя «возмещение расходов, понесенных в связи с совершением определенного действия» (п. 2 ст. 926 ГК);

– обязательства, вытекающие из причинения вреда, содержат обязанность возместить в полном объеме «вред, причиненный имуществу юридического лица» (ст. 933 ГК);

– обязательства, вытекающие из неосновательного обогащения, предполагают не только возврат имущества, составляющего неосновательное обогащение, но и доходы, которые использование этого имущества принесло, включая проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 973 ГК);

– обязанность возмещения причиненных убытков лицом, осуществившим недобросовестную конкуренцию, предусматривает ст. 1030 ГК Республики Беларусь.

Соотношение объема ответственности и размера причиненного вреда в случае отказа от исполнения заключенного договора, в силу различных мотивов у стороны (сторон), имеет свои особенности.

Основанием прекращения нереализованных договорных обязательств по гражданско-правовым сделкам являются:

- односторонний отказ (по основаниям ст. 420 ГК);
- оформленное соглашение сторон;
- решение суда.

Основания отказа от исполнения договора следует подразделять по правовому критерию на законные и незаконные.

Право отказаться от исполнения договорных обязательств у стороны в сделке возникает в случаях, предусмотренных отдельными положениями ГК Республики Беларусь. К таким случаям можно отнести:

- несообщение покупателем ассортимента подлежащих поставке товаров (ст. 437 ГК);
- необоснованный отказ от принятия товара (ст. 454 ГК);
- необоснованный отказ произвести оплату (ст. 456 ГК);
- не произведен отбор товаров покупателем в установленный срок (ст. 485 ГК) и иное.

Все иные основания отказа от исполнения договора, не отраженные в ГК, при всех согласованных существенных условиях

договора признаются незаконными. Персонально либо посредством третьих лиц они могут быть выражены:

- действием (устными заверениями, уведомительными сообщениями посредством интернет-связи и др. мессенджеров, материальными носителями — заказными письмами и т. д.);
- бездействием (например, когда подрядчик не приступает к выполнению СМР на объекте, заказчик не передает денежные средства и т. д.).

Отказ от исполнения заключенного договора на законных основаниях, но до передачи товара, исполнения услуги, работы влечет обязанность возместить заказчику фактически понесенные им расходы.

Таким образом, размер имущественной ответственности по неисполнению преддоговорных обязательств в подавляющем большинстве случаев равен реальным убыткам потерпевшей стороны. В отдельных случаях предусмотрено право на истребование доходов и процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 973 ГК).

Санкции выражаются в установлении для правонарушителя неблагоприятных последствий в виде лишений (ограничений) личного или имущественного характера. За преддоговорные правонарушения возможны санкции неимущественного характера, например расторжение подписанного договора при существенном нарушении обязательств одной из сторон (ст. 445, 493, 517, 548, 582, 626, 672 ГК и др.).

### **Однотипные правонарушения, допускаемые сторонами при заключении договора по сделке, предусмотренные различными положениями ГК Республики Беларусь**

*1. Непредоставление всей информации по предмету сделки либо несогласование всех существенных условий договора в пределах законодательно установленного срока.*

Любая гражданско-правовая сделка на стадии заключения договора по ней предполагает достижение сторонами соглашения по всем существенным условиям договора. Перечень существенных условий по разным видам обязательств определяется непосредственно законодателем в соответствующих нормах ГК и является достаточным для возникновения договорных прав и обязанностей сторон по сделке.

Дополнительными в теории гражданского права называют обычные и случайные условия договора, не имеющие решающего значения для признания договора заключенным. Например, существенными в договоре поставки являются условия о предмете договора, количестве товара, а также условия, предусмотренные актами законодательства как существенные для данного вида договора, и все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, в том числе о сроке поставки и цене товара. Дополнительно положения ст. 447 ГК определяют, что продавец обязан оговорить, довести до сведения покупателя информацию о недостатках передаваемого в будущем товара. Предполагаемый товар, являющийся предметом договора, должен быть свободен от прав третьих лиц; в случаях, определенных законодательством, сертифицирован с контролем качества и проч.

*2. Прерывание переговоров, предшествующих заключению договора, либо уведомление стороны об отказе от заключения договора.*

Прерывание переговоров, когда стороны по всем существенным условиям договорились, но не были соблюдены формальные требования, при которых договор считается заключенным, обеспечивает признание наличия договора через доктрину эстоппеля. «Закрепленные в правовых системах большинства европейских государств процессуальные нормы о том, что сторона лишается права в дальнейшем отрицать то, что ранее ею признавалось и с чем ранее согласилась» [25]. Считается, что договора нет, если не предъявлены в суде доказательства его заключения. Если факт его заключения доказан, то прервавшая переговоры сторона лишается права ссылаться на его незаключенность.

Классический способ заключения договора осуществляется посредством направления оферты и ее акцепта. Нормой ГК закреплено: до истечения срока, установленного для акцепта, оферент не вправе заключать договор с третьим лицом, если это сделает невозможным заключение договора с акцептантом. Фактически в п. 4 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16

«О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров» запрещено ведение параллельных переговоров по одному и тому же предмету сделки до момента получения акцепта либо отклонения оферты.

*3. Невыполнение обязательных требований законодательства, регламентирующего заключение гражданско-правовых сделок.*

Нормы ГК регламентируют действия субъектов как общими положениями о заключении договорных обязательств, так и нормами по отдельным видам обязательств, составляющих систему обязательственного права. Например, при заключении договора купли-продажи предприятия как имущественного комплекса кредиторы по обязательствам, включенным в состав планируемого к продаже предприятия, должны быть письменно уведомлены за три месяца до его передачи покупателю.

Процедура оформления передачи имущественного комплекса строго регламентирована. Например, для определения предмета договора купли-продажи предприятия и его стоимости ст. 523 ГК Республики Беларусь предусмотрено обязательное проведение полной инвентаризации предприятия и составление необходимой документации.

Таким образом, отмеченные основные признаки ответственности за правонарушения на преддоговорном этапе гражданско-правовых сделок в целом совпадают с общими гражданско-правовыми признаками. Однако они также имеют свои отличительные особенности.

При разработке и формулировании определения понятия ответственности на преддоговорном этапе гражданско-правовых сделок целесообразно учитывать ряд ее особенностей.

Во-первых, заключение гражданско-правовых договоров не ограничивается путем проведения переговоров, а осуществляется множеством урегулированных нормами обязательственного права способов.

Во-вторых, определение преддоговорных обязательств как разновидности внедоговорных обязательств указывает на то, что ответственность за их неисполнение возникает исключительно из закона.

В-третьих, преддоговорные обязательства не возникают сами по себе. Они подчинены одной цели — возникновению договорных обязательств.

В-четвертых, принуждение к исполнению преддоговорных обязательств возможно только при определенных условиях: при наличии предварительного договора (ст. 399 ГК) и намерения одной из сторон основной договор заключить либо в случае уклонения стороной от заключения договора в обязательном порядке (ст. 415, 416, п. 5 ст. 418 ГК).

**Заключение.** 1. В теории гражданского права целесообразно выделять следующие виды гражданско-правовой ответственности:

- договорная ответственность (исходя из основного договора по сделке);
- внедоговорная ответственность (за пределами основного договора по сделке из закона);
- преддоговорная ответственность (на основании предварительного договора, имеющего непосредственную связь с основным договором по сделке);
- ответственность на преддоговорном этапе сделки. В ее содержание входят внедоговорная ответственность, преддоговорная ответственность.

В качестве дифференцирующих критериев между данными видами ответственности целесообразно рассматривать этап сделки (преддоговорный, договорный), основной договор по сделке, гражданское правонарушение.

Преддоговорную ответственность можно определить как ответственность стороны (сторон) за недобросовестные действия на преддоговорном этапе гражданско-правовых сделок, повлекшие невозникновение договорных обязательств в виде предусмотренных законодательством санкций неимущественного характера, выраженных в понуждении к заключению договора, а также санкций имущественного характера в виде возмещения добросовестной стороне понесенных убытков.

2. В гражданском праве момент возникновения гражданско-правовой ответственности связывают с моментом наступления отрицательных последствий для субъектов права.

2.1. Сторона гражданско-правовой сделки вправе обратиться в суд с иском о признании права на заключение договора при наличии доказательств нарушения субъектом ответственности обязательств, предусмотренных положениями ст. 399, 404-1, 415, п. 5. ст. 418 ГК.

2.2. Для удовлетворения исковых требований по взысканию материального ущерба при недействительной сделке в судебном разбирательстве истец должен представить доказательства виновного противоправного поведения ответчика на этапе заключения договора, нарушающего нормы ст. 174, 175, 177-180, 184 ГК и др.

2.3. Общим основанием к имущественной ответственности юридического лица по сделкам являются убытки, причиненные другой стороне на разных ее этапах. Сторона гражданско-правовой сделки вправе обратиться в суд с иском о присуждении возмещения вреда (убытков) по основаниям ст. 477, п. 1 ст. 874, п. 2 ст. 926, ст. 933, 974, п. 2 ст. 1030 ГК и др.

3. Для наступления гражданско-правовой ответственности правонарушения на разных этапах сделки характеризуются полноструктурным и усеченным составами.

3.1. В полноструктурный состав гражданского правонарушения включают следующие элементы:

- противоправность поведения (действия или бездействия);
- наличие ущерба (убытков) у потерпевшей стороны;
- причинную связь между противоправным поведением и возникновением ущерба (убытков) у потерпевшей стороны;
- вину правонарушителя;

3.2. За определенные правонарушения, совершаемые на разных этапах сделки, является достаточным наличие усеченного состава гражданского правонарушения с обязательным присутствием следующих элементов:

- субъект правонарушения;
- действия (бездействия) данного субъекта;
- последствия действий (бездействия) субъекта (например, незаключение основного договора, несвоевременный обеспечительный платеж либо задаток по предварительному договору и др.);

– причинно-следственная связь между данными элементами.

Гражданско-правовая ответственность может наступать в определенных законодателем случаях без вины субъекта ответственности (ст. 311, п. 3 ст. 372, ст. 373, 948 ГК, п. 2 ст. 971 ГК).

4. Санкции выражаются в установлении для правонарушителя неблагоприятных последствий в виде лишений (ограничений) неимущественного или имущественного характера.

За преддоговорные правонарушения возможны санкции неимущественного характера, например расторжение подписанного договора при существенном нарушении обязательств одной из сторон (ст. 445, 493, 517, 548, 582, 626, 672 ГК и др.).

Размер имущественной ответственности по неисполнению преддоговорных обязательств в подавляющем большинстве случаев равен реальным убыткам потерпевшей стороны. В отдельных случаях предусмотрено право на истребование доходов и процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 973 ГК).

### ***Список использованных источников***

1. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность : (очерк теории) / С. Н. Братусь. — М. : Юрид. лит., 1976. — 215 с.

2. Ойгензихт, В. А. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / В. А. Ойгензихт, О. Э. Лэйст. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 239 с.

3. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М. : Статут, 2020. — 681 с.

4. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. — М. : Госюриздат, 1961. — 381 с.

5. Самощенко, И. С. Ответственность по советскому законодательству» / И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин. — М. : Юрид. лит., 1971. — 240 с.

6. Малейн, И. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях / И. С. Малейн. — М. : Наука, 1968. — 207 с.

7. Мильков, А. В. Очерки теории гражданско-правовой ответственности : учеб. пособие / А. В. Мильков. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.

8. Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчикова / В. Ф. Яковлев [и др.]; 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1985. — Т. 2. — 544 с.

9. Общая теория права и государства : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. С. Нерсисянц. — М., Инфра-М, 2024. — XII. — 547 с.

10. Хачатуров, Р. Л. Позитивная и ретроспективная юридическая ответственность [Электронный ресурс] / Р. Л. Хачатуров // Вектор науки ТГУ. Сер. Юридические науки. — 2014. — № 1 (16). — С. 106-109. — Режим доступа: <https://vektornaukipravo.ru/jour/article/view/574/558>. — Дата доступа: 23.04.2024.

11. Гражданское право. Общая часть : учеб. пособие / В. А. Витушко [и др.] ; под ред. В. А. Витушко, М. Н. Шинкович. — Акад. Упр. при Президенте Респ. Беларусь. — Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. — 464 с.

12. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Белова. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во «Юрайт», 2019. — Т. 2. — 525 с.

13. Устиненко, Ю. Ю. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Устиненко // КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti/viewer>. — Дата доступа: 23.03.2024.

14. Попондопуло, В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность / В. Ф. Попондопуло. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. — 112 с.

15. Иоффе, О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе ; отв. ред. А. К. Юрченко. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. — 310 с.

16. Гражданское право : учебник для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования по юридической специальности : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. — Минск : Амалфея, 2008 — 2011. — Т. 2. — 966 с.

17. Гражданское право : учебник : в 3 т. / А. В. Каравай [и др.] ; под общ. ред. В. Ф. Чигира. — Минск, 2008. — 864 с. // Колбасин, Д. А. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д. А. Колбасин. — Минск, Академия МВД, 2016. — Т. 1. — 496 с.



18. Гражданское право : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» : в 2 ч. / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — Т. 1. — 543 с.

19. Гражданско-правовая ответственность по отдельным видам обязательств : монография / кол. авторов ; под. ред. В. В. Кулакова. — М. : РУСАЙНС, 2022. — 380 с.

20. Хохлова, Г. В. «Понятие гражданско-правовой ответственности/ Г. В. Хохлова // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. / под ред. В. В. Витрянского. — М. : Статут, 2002. — Вып. 5. — С. 64–85.

21. Груздев, В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву : монография / В. В. Груздев. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 272 с.

22. Малашко, А. П. Возмещение убытков как форма имущественной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. П. Малашко. — Минск, 2005. — 52 с.

23. Постановление ВС Республики Беларусь от 29.06.2021 по Делу № 155 ЭНП21498/А/А/А/К [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. — Режим доступа: [https://court.gov.by/ru/justice\\_rb/praktice/acts\\_vs/economics/0c4634bff1a84578.html/](https://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/economics/0c4634bff1a84578.html/). — Дата доступа: 27.04.2024.

24. Постановление ВС Республики Беларусь от 20.10.2020 по Делу № 181-3/2018/16/962А/1022К [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. — Режим доступа: [https://court.gov.by/ru/justice\\_rb/praktice/acts\\_vs/economics/6d7c9a4bdd2043ea.html/](https://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/economics/6d7c9a4bdd2043ea.html/). — Дата доступа: 27.04.2024.

25. Калинин, А. Доктрина эстоппель как она есть [Электронный ресурс] / А. Калинин // Юрист. — 2018. — № 10. — Режим доступа: <http://jurist.by/zhurnal/statia/doctrina-estoppel-kak-ona-est/>. — Дата доступа: 23.05.2024.

03.06.2024.

**V. F. Ermolovich**

Professor of the Department of Criminal Law Disciplines  
International Law of the International University "MITSO",  
Doctor of Law, Professor

**N. A. Volkova**

Lecturer at the Department of International Law  
of the International University "MITSO"

**CIVIL LIABILITY AT THE PRE-CONTRACTUAL  
AND CONTRACTUAL STAGES OF A TRANSACTION:  
THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS**

*Abstract.* The problem of civil liability at the pre-contractual stage of transactions has been updated. The main conceptual approaches to determining civil liability at the contractual and pre-contractual stages of a transaction are considered. The signs of civil liability in relation to the stages of a transaction are systematized and characterized.

*Key words:* civil liability, differentiation, concept, non-property liability, liability for violated pre-contractual obligations, pre-contractual liability, pre-contractual stage of civil transactions, structure.

**А. А. Капитанова**

заместитель начальника следственно-экспертного факультета  
учреждения образования «Академия Министерства  
внутренних дел Республики Беларусь» по учебной работе,  
кандидат юридических наук

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

*Аннотация.* Статья посвящена некоторым проблемам реализации преимущественных прав в наследственных правоотношениях. Анализируется законодательство Республики Беларусь и стран — участниц ЕАЭС в сфере регулирования преимущественных прав в наследственных правоотношениях, научные подходы ученых-цивилистов. Предлагается авторское видение решения этих проблем, выносятся предложения по совершенствованию гражданского законодательства Республики Беларусь.

*Ключевые слова:* преимущественное право, наследство, наследственные правоотношения, право общей собственности, собственник, доля, неделимая вещь, жилое помещение.

**Введение.** Преимущественные права в наследственных правоотношениях занимают особое место в системе преимущественных прав, закрепленных в ГК Республики Беларусь. Вместе с тем в современной белорусской цивилистике наследственные преимущественные права являются наименее изученными и единая концепция преимущественных прав в наследственных правоотношениях до сих пор не сформировалась.

Наличие правовой категории «преимущественные права» в наследственных правоотношениях обусловливается рядом обстоятельств. Во-первых, защитой прав наследника, обладающего совместно с наследодателем правом общей собственности на наследственное имущество. Во-вторых, необходимостью обеспечения определенных категорий лиц жизненно важным

имуществом, в частности жильем и другими предметами повседневного пользования (домашней утварью и предметами домашнего обихода). В-третьих, потребностью в недопущении споров, связанных с разделом наследственного имущества, нередко возникающих между наследниками. В этой связи в правовой доктрине обращается внимание на то, что преимущественные права нацелены на защиту имущественных интересов наследника, имеющего наиболее полное основание претендовать на получение в счет своей доли определенных вещей, входящих в состав наследства [1, с. 32]. Таким образом, основная цель установления наследственных преимущественных прав состоит в необходимости обеспечить стабильность отношений собственности и гражданских правоотношений, объектом которых является входящее в состав наследства имущество, а также разумную целесообразность, состоящую в том, чтобы имущество осталось в пользовании тех же лиц, которые пользовались им ранее.

**Основная часть.** Согласно ст. 1035 ГК Республики Беларусь «наследство открывается вследствие смерти гражданина или объявления его судом умершим» [4]. Так, с момента открытия наследства у лица, ставшего наследником, может возникнуть преимущественное право на определенные объекты из состава наследства при его разделе. Существование такого права обусловлено определенной множественностью лиц, оно возможно только тогда, когда на одно и то же имущество претендуют несколько наследников. Вследствие этого к числу участников правоотношения, в рамках которого происходит реализация преимущественного права, следует отнести призванных к наследованию наследников. Для реализации этого преимущественного права необходимо также противостояние правопритязаний нескольких наследников на имущество. Поскольку, как полагает С. Е. Никольский, преимущественное право представляет своего рода привилегию перед обычным правом, для его реализации необходимо наличие как минимум двух наследников и наделение преимущественным правом одного из них, а также заинтересованность в получении в счет своей наследственной доли

конкретного спорного наследственного имущества [11, с. 32]. Следует также принимать во внимание, что преимущественное право наследника может быть реализовано лишь при условии, когда решение о разделе наследственного имущества принято всеми наследниками.

В соответствии с п. 1 ст. 1082 ГК Республики Беларусь, наследник, обладающий совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь... доля в праве на которую входит в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли вещи, находящейся в общей собственности [4].

Примечательно, что законодатель не устанавливает требования относительно размера доли в праве общей собственности на вещь для предоставления преимущественного права на ее получение при разделе наследства. Поэтому даже незначительная доля в праве общей собственности дает обладателю такой доли преимущественное право. Баланс интересов в таком случае обеспечивается правилами о компенсации несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей, установленными п. 3 ст. 1082 ГК Республики Беларусь.

Толкуя буквально п. 1 ст. 1082 ГК Республики Беларусь, можно отметить, что одной из особенностей входящей в состав наследства вещи является то, что эта вещь неделима. В соответствии с ч. 1 ст. 133 ГК Республики Беларусь неделимой признается вещь, раздел которой в натуре невозможен без изменения ее назначения. Неделимость вещи может быть обусловлена как ее физическими и (или) потребительскими свойствами, так и требованиями закона. Данный тезис подтверждается требованиями п. 4 ст. 246 ГК Республики Беларусь, где отмечено, что возникновение общей собственности характеризуется поступлением в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения либо не подлежит разделу в силу законодательства. Неделимыми признаются также вещи, раздел которых влечет существенное ухудшение их технического состояния либо снижение материальной или художественной ценности. Таким образом, можно констатировать, что для возникновения у наследника

преимущественного права, предусмотренного п. 1 ст. 1082 ГК Республики Беларусь, необходимо, чтобы в состав наследства вошла одна или несколько вещей, признаваемых неделимыми.

Следующей особенностью исследуемого нами преимущественного права является то, что такое право принадлежит наследнику, обладающему совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь. Этим правом наследник может воспользоваться преимущественно перед всеми другими наследниками, которые не являлись при жизни наследодателя участниками общей собственности на вещь, хотя бы и пользовались ею. Очевидно, что законодатель предоставляет преимущественное право на получение вещи тому наследнику, который имеет к ней самое непосредственное отношение. Приведенная норма не позволяет дать определенный ответ на вопрос о том, что же имеет в виду законодатель, употребляя термин «совместно»: только общую совместную собственность или долевую также. По нашему мнению, из этого не вполне корректного использования терминов не следует делать вывод, что ГК Республики Беларусь имеет в виду лишь собственность совместную, в данном случае речь идет обо всех видах общей собственности.

В соответствии с п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь наследник, который совместно с наследодателем или самостоятельно постоянно пользовался неделимой вещью, входящей в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение этой вещи в счет своей наследственной доли. Анализируя указанное положение, можно отметить, что в данном случае преимущественное право у наследника возникает только в случае, если по поводу указанной неделимой вещи до дня открытия наследства не возникло отношений общей собственности. У такого наследника отсутствуют какие-либо субъективные права на неделимую вещь, основанием для его преимущественного права является постоянное пользование этой вещью, в силу которого он знает особенности этой вещи, возможно, понес определенные денежные расходы на ее поддержание в надлежащем состоянии и улучшение ее потребительских качеств. Вполне закономерно, что у такого наследника

возникает дополнительный имущественный интерес в использовании конкретно этой вещи, отсутствующий у всех прочих наследников. Следует учитывать, что только правомерное постоянное пользование вещью имеет значение, незаконное пользование неделимой вещью не может послужить основанием для возникновения преимущественного права. Анализ п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь позволяет утверждать, что возможность признания за наследником преимущественного права на получение неделимой вещи не обусловлена каким-либо сроком постоянного пользования ею, законодатель также не требует обязательного наличия надлежащим образом оформленного основания пользования.

В п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь законодатель использует прошедшее время, то есть речь идет о «наследнике, постоянно пользовавшемся неделимой вещью», тем самым акцентируется внимание на факте пользования этим имуществом до момента открытия наследства. Данная норма разъяснена в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г. № 17 «О судебной практике по делам о наследовании и выполнении постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 "О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании"», где указывается на необходимость судам, рассматривающим дела о разделе наследственного имущества, учитывать преимущественное право наследников, пользовавшихся до открытия наследства неделимой вещью, жилым домом, квартирой (иным жилым помещением), входящими в состав наследства, на получение в натуре при наличии условий, предусмотренных ст. 1082 ГК [12]. В литературе высказано мнение о том, что пользование наследником неделимой вещью после открытия наследства должно квалифицироваться в качестве фактического принятия наследства, а не основания для предоставления преимущественного права на получение вещи при его разделе [10, с. 107].

Проанализированное нами преимущественное право наследника является не единственным, урегулированным п. 2

ст. 1082 ГК Республики Беларусь. Данная норма закрепляет положение, согласно которому наследники имеют при разделе наследства преимущественное право на получение в счет их наследственных долей принадлежавшего наследодателю жилого помещения, а также находящихся в нем домашней утвари и предметов домашнего обихода, если для таких наследников это жилое помещение в течение года до открытия наследства являлось единственным местом постоянного проживания.

Полагаем логичным высказать ряд соображений, касающихся границ применения п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь, предусматривающего преимущественное право наследника на получение жилого помещения в счет своей наследственной доли. Прежде всего отметим, что в данном случае наследник не должен иметь ко дню открытия наследства никаких прав на жилое помещение, в котором он проживал. В свою очередь, используя термин «проживание», законодатель закрепляет характер такого проживания — «постоянное», то есть имеет в виду постоянное или преимущественное проживание наследника в помещении, а не временное пребывание в нем в связи с краткосрочной или периодической потребностью наследника (например, учеба, каникулы, командировка и т. п.). В то же время, например, в гражданском законодательстве России нет указаний на характер проживания наследника в жилом помещении наследодателя (п. 3 ст. 1168 ГК Российской Федерации) [6]. Полагаем, что установить факт постоянного проживания наследника в спорном жилом помещении возможно как с помощью письменных доказательств, подтверждающих регистрацию по месту жительства, пребывания, так и иных доказательств (свидетельские показания соседей, документы, подтверждающие несение расходов, связанных с проживанием в этом помещении, и др.).

В п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь также закреплено, что жилое помещение является для наследника «единственным местом постоянного проживания», при этом остается неясным, может ли у такого наследника быть в наличии иное жилое помещение. Примечательно, что в российском гражданском законодательстве такая проблема решена. Так, в п. 3 ст. 1168 ГК Российской Федерации дается четкое указание на отсутствие



управомоченного наследника другого жилья: «наследники, проживавшие в этом жилом помещении ко дню открытия наследства и не имеющие иного жилого помещения...».

Несмотря на то, что использование формулировки «единственное место постоянного проживания» в п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь подразумевает отсутствие у управомоченного наследника другого жилья, по нашему мнению, дополнение названной нормы тезисом «не имеющим иного жилого помещения» было бы целесообразным. Полагаем, что заимствование опыта российского законодателя позволит более эффективно реализовывать преимущественное право такого наследника.

В связи с этим считаем необходимым изложить п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь в следующей редакции:

«Наследники, для которых принадлежавшие наследодателю жилой дом, квартира или иное жилое помещение в течение одного года до открытия наследства являлись единственным местом постоянного проживания и не имеющие иного жилого помещения, имеют при разделе наследства преимущественное право на получение в счет их наследственных долей этого жилого помещения, а также находящихся в этом помещении домашней утвари и предметов домашнего обихода».

В п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь указано, что приоритет отдается лишь тем наследникам, которые проживали в жилом помещении в течение года до открытия наследства. Нельзя не отметить, что в законодательстве некоторых государств — участников ЕАЭС не содержится подобное положение (п. 3 ст. 1168 ГК Российской Федерации, ст. 1235 ГК Республики Армения [3]). Вместе с тем в п. 1 ст. 1078 ГК Республики Казахстан, напротив, закреплен подобный срок такого проживания [5].

Пунктом 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь установлено преимущественное право наследников, проживавших на день открытия наследства совместно с наследодателем, на получение домашней утвари и предметов домашнего обихода. Такое преимущественное право предоставлено наследнику, проживавшему на день открытия наследства в принадлежащем наследодателю жилом доме, квартире или ином жилом помещении, ко-

торые являлись единственным местом его проживания, в течение года до открытия наследства. Отметим, что законодатель не дает разъяснений, что следует понимать под домашней утварью и предметами домашнего обихода, поэтому составить какой-либо перечень таких предметов затруднительно. При разрешении споров подобного рода необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела, а также местные обычаи. Согласимся с Л. В. Лайко в том, что в каждом отдельном случае решение по такому вопросу необходимо принимать с учетом имущественного положения наследодателя и наследников [9, с. 31]. Вместе с тем антикварные предметы, предметы, представляющие художественную, историческую или иную культурную ценность, к указанным предметам относиться не могут. Не относятся к категории домашней утвари и предметов домашнего обихода также предметы профессиональной деятельности умершего, а также личные вещи. Такое имущество наследуется в общем порядке.

Можно утверждать, что данное преимущественное право обусловлено особой значимостью указанных предметов для наследника, который проживал совместно с наследодателем. Думается, для такого наследника важно сохранить возможность использовать домашнюю утварь и предметы домашнего обихода в комплексе, то есть так, как это было до смерти наследодателя. По нашему мнению, указанные предметы и жилое помещение, которое в течение года до открытия наследства являлось единственным местом постоянного проживания наследника, необходимо рассматривать в качестве единого имущественного комплекса. Именно поэтому преимущественное право на получение домашней утвари и предметов домашнего обихода при разделе наследства закреплено в п. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь и неотделимо от правового статуса жилого помещения.

При реализации преимущественного права на получение некоторых видов имущества одного наследника перед другими может возникнуть ситуация, когда получаемое им имущество будет несоразмерно его доле в наследстве. В соответствии с п. 3 ст. 1082 ГК Республики Беларусь такая несоразмерность имущества наследственной доле устраняется передачей остальным

наследникам другого имущества из состава наследства либо иной компенсацией, в том числе выплатой соответствующей денежной суммы. Если соглашением между всеми наследниками не установлен иной порядок и условия реализации преимущественного права, то по общему правилу оно реализуется после предоставления соответствующей компенсации другим наследникам.

Передача компенсации применяется только в случаях, если стоимость имущества, которое получает наследник при осуществлении преимущественного права, превышает наследственную долю этого наследника. Это обязывает такого участника наследственных отношений компенсировать другим наследникам не полученное ими имущество, приходящееся на их наследственную долю. Т. Д. Чепига выделяет три вида компенсационных обязательств: 1) перераспределение наследственного имущества в натуре; 2) предоставление другого имущества в натуре или имущественных прав не из состава наследства; 3) выплату наследником денежной суммы [8, с. 258]. Первый вид компенсационного обязательства предоставляет право наследникам, чья наследственная доля не покрыта или недостаточно покрыта наследственным имуществом, требовать предоставления в свою собственность другого имущества из состава наследства в целях восполнения не полученной ими наследственной доли. Второй вид такого рода обязательства предоставляет наследникам возможность получить взамен не полученной им наследственной доли другое имущество в натуре или имущественные права не из состава наследства, а из состава иного имущества, которым обладает наследник, воспользовавшийся преимущественным правом. Правовая конструкция третьего вида компенсационного обязательства состоит в выплате наследникам денежной суммы, составляющей стоимость принадлежащих им наследственных долей в части, не покрытой передаваемым в натуре наследственным имуществом. При этом логично согласиться с Е. А. Ходырёвой в том, что в подобных случаях право выбора вида компенсации должно предоставляться получающим ее наследникам, а не «преимущественному»

наследнику, что позволит обеспечить защиту прав и законных интересов всех участников наследственного правоотношения [13].

Предоставление соответствующей компенсации другим наследникам при разделе наследственного имущества необходимо произвести до осуществления наследником преимущественного права (п. 3 ст. 1082 ГК Республики Беларусь). Между тем на практике возникают случаи, когда наследник, заявляющий о своем преимущественном праве на получение наследственного имущества, не может реализовать это право ввиду отсутствия у него другого имущества из состава наследства или при наличии другого имущества из состава наследства, но которое не может служить достаточной компенсацией, а каких-либо иных средств или имущества для предоставления такой компенсации остальным наследникам у него нет. Следует отметить, что данная проблема также не осталась вне научного осмысления, и учеными были предложены пути ее преодоления. Так, Л. В. Лайко полагает, что если в случаях, когда наследник не имеет возможности предоставить компенсацию немедленно, а другие наследники настаивают на разделе наследства, то они могут отказать наследнику в реализации его преимущественного права. В качестве разумного и взаимовыгодного выхода из данного затруднения может рассматриваться выдача заинтересованным наследником заемной записки или векселя или установление обеспечительного обязательства [9, с. 32]. В. Ф. Чигир придерживается несколько иной точки зрения, отмечая, что управомоченный наследник может воспользоваться своим преимущественным правом, предоставив лишь частичную компенсацию, либо перенести предоставление компенсации на более поздний срок [7, с. 256]. Но при таком подходе нарушается закрепленный в ст. 2 ГК Республики Беларусь принцип юридического равенства участников гражданских правоотношений. Преимущественное право уже само по себе является отступлением от принципа равенства сторон, поскольку дает своим обладателям юридическое превосходство над другими субъектами. Как отмечает Н. Л. Бондаренко, «Преимущественные права... обеспечивают их обладателю первоочередность, первенство

при прочих равных возможностях» [2, с. 98]. Поэтому предоставление двойных преимуществ вступит в противоречие с требованиями основного начала гражданского законодательства.

Нет сомнения в том, что наделение преимущественным правом какого-либо наследника не должно ставить его в зависимое положение от других наследников, что, в свою очередь, может привести к нарушению такого права. В противном случае остальные наследники могут препятствовать управомоченному наследнику в реализации его преимущественного права, пока тот не исполнит все требования по поводу компенсации. По этой причине, по нашему мнению, наследники могут предусмотреть в соглашении о разделе наследства возможность реализации преимущественного права управомоченным наследником до предоставления остальным наследникам соответствующей компенсации, при этом оговорив размеры, вид, сроки и порядок ее предоставления.

Думается, что предоставление компенсации может считаться гарантированным при условии внесения владельцем преимущественного права соответствующей денежной суммы на депозит нотариуса с условием выдачи ее остальным наследникам при наличии поручительства или гарантии со стороны третьих лиц, не вызывающих обоснованных сомнений в их платежеспособности, и т. д. Наследник должен представить конкретные доказательства того, что он располагает достаточными денежными средствами для выплаты компенсации несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей. В целях определения размера компенсационных выплат необходима оценка наследственного имущества, которая может быть произведена самими наследниками по соглашению между ними.

ГК Республики Беларусь также не закрепляет срок реализации преимущественных прав наследников на наследственное имущество при его разделе. В ч. 2 ст. 1164 ГК Российской Федерации такой срок предусмотрен в течение трех лет со дня открытия наследства. Следует обратить внимание на то, что ГК Республики Беларусь содержит сходную правовую норму ст. 1078 ГК Республики Беларусь, однако срок в ней не установлен. В целях

совершенствования правовой регламентации данной сферы наследственных отношений считаем приемлемым заимствовать опыт законодателя Российской Федерации.

В связи с этим предлагаем изложить ст. 1078 ГК Республики Беларусь в следующей редакции:

«К общей собственности наследников на наследственное имущество применяются правила главы 16 настоящего Кодекса об общей долевой собственности, если иное не установлено правилами настоящего Кодекса о наследовании. При разделе наследственного имущества правила ст. 1082 настоящего Кодекса применяются в течение трех лет со дня открытия наследства».

**Заключение.** Актуальность исследования преимущественных прав в наследственных правоотношениях подтверждается значимостью таких прав в гражданском законодательстве Республики Беларусь. Это обусловлено тем, что преимущественные права представляют собой некоторое изъятие из общих начал гражданского законодательства. Поставленные нами проблемы и предложенные пути их решения определяют основные направления исследования преимущественных прав в наследственных правоотношениях и послужат основой для дальнейших научных изысканий в области правового регулирования преимущественных прав.

### ***Список использованных источников***

1. Блинков, О. Е. Преимущественные права в наследственном праве России и зарубежных стран : монография / О. Е. Блинков, С. Е. Никольский // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

2. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь : монография / Н. Л. Бондаренко. — Минск : БГЭУ, 2007. — 179 с.

3. Гражданский кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 28 июля 1998 г., № ЗР-239 : в ред. Закона Респ. Армения от 06.12.2023 // Законодательство стран СНГ. — Режим доступа: [http://base.spinform.ru/show\\_doc.fwx?rgn=2998](http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2998). — Дата доступа: 10.04.2024.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт.

1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноя. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

5. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 1 июля 1999 г., № 409-І : с изм. и доп. по сост. на 01.01.2024 // ПАРАГРАФ: информ. системы. — Режим доступа: [http://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=1013880#sub\\_id=7310000](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880#sub_id=7310000). — Дата доступа: 10.04.2024.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. : в ред. Федер. Закона от 24.07.2023 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2024.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. / отв. ред. и рук. автор. коллектива В. Ф. Чигир. — Минск : Амалфея, 2006. — Кн. 3 : Раздел 4 (главы 51–59). Разд. 5–8. — 720 с.

8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный). Комментарий к ст. 1168 ГК РФ [Электронный ресурс] / отв. ред. Л. П. Ануфриева // Гарант-Максимум. Вся Россия / ООО «Гарант-Сервис». — М., 2004.

9. Лайко, Л. В. Раздел наследственного имущества: теория, практика и тактика / Л. В. Лайко // Наследств. право. — 2008. — № 1. — С. 30–33.

10. Леонова, Л. Ю. Преимущественные права в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. Ю. Леонова. — М., 2005. — 194 л.

11. Никольский, С. Е. Условия осуществления преимущественных прав наследника / С. Е. Никольский // Наследств. право. — 2006. — № 1. — С. 31–34.

12. О судебной практике по делам о наследовании и выполнении постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 20 дек. 2007 г., № 17 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

13. Ходырева, Е. А. Преимущественные права в наследственных отношениях / Е. А. Ходырева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

20.05.2024

**A. A. Kapitanova**

Deputy Head of the Investigative and Expertise Faculty  
of the Educational Institution "Academy of the Ministry  
of Internal Affairs of the Republic of Belarus" for Academic Affairs,  
Candidate of Legal Sciences

## **IMPLEMENTATION OF PREFERENTIAL RIGHTS IN INHERITANCE LEGAL RELATIONS**

*Abstract.* The article is devoted to some problems of realization of pre-emptive rights in inheritance legal relations. The legislation of the Republic of Belarus and EAEU member states in the field of regulation of pre-emptive rights in inheritance legal relations, and scientific approaches of civil law scholars are analyzed. The author's vision of solving these problems is suggested, and proposals for improving the civil legislation of the Republic of Belarus are made.

*Key words:* preferential right, inheritance, inheritance legal relations, common property right, owner, share, indivisible thing, residential premises.



**Н. В. Пантелеева**

заведующий кафедрой юриспруденции  
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова,  
кандидат юридических наук, доцент

## **ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

*Аннотация.* Активность молодежи и реализация ее трудового, творческого, интеллектуального потенциала является одним из значимых направлений осуществления молодежной государственной политики и социально-экономического развития Республики Беларусь, что находит свое подтверждение в ст. 32<sup>1</sup> Конституции Республики Беларусь. Немаловажное значение в этом процессе имеет поддержка и стимулирование инициативы, проявляемой молодыми людьми, в том числе в предпринимательской сфере. Правовое регулирование молодежного предпринимательства в Республике Беларусь представлено рядом нормативных правовых актов, однако с учетом трансформации социально-правовых отношений, развития новых направлений на уровне молодежной государственной политики правовое положение субъектов в области предпринимательства, в том числе молодежи, нестатично и в полной мере не определено. В статье предложены критерии, уточняющие правовое положение субъекта молодежи, осуществляющего предпринимательство.

*Ключевые слова:* молодежное предпринимательство, молодежь, субъект молодежного предпринимательства, инициатива, правовой статус, правовое положение, предприимчивость.

**Введение.** Вопрос о правовом положении субъекта молодежного предпринимательства является как актуальным, так и дискуссионным.

Направление по осуществлению молодежного предпринимательства является частью молодежной государственной политики, имея стратегическое значение для будущего развития социально-экономической сферы страны. Оно нашло свое отражение в государственных программах, затрагивающих различные сферы (науку, образование, финансирование), имеет свою

стратегию развития, рассчитанную на годы, урегулировано рядом нормативных правовых актов. Отсюда и не вызывающее сомнения значение, которое представляет собой молодежь как стратегический и интеллектуальный ресурс, направленный на развитие всех сфер жизнедеятельности общества и государства, обеспечение социальных, экономических и культурных прав. Так, формирование правового положения субъекта молодежного предпринимательства и, соответственно, молодежной предпринимательской деятельности связано:

- с основами государственной молодежной политики, предусмотренными Законом Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики», в редакции Закона от 05.10.2022 (далее — Закон № 65-З);

- с аспектами образования в области обеспечения предпринимательских компетенций, а также внедрения и экспорта собственных научно-технических разработок и создания предпринимательской среды, предусмотренными Государственной программой «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57;

- с отдельными операциями в области молодежного предпринимательства, в том числе с созданием инноваций, определенными Стратегией развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 (далее по тексту — Постановление Совета Министров № 349);

- со стимулирующими выплатами (грантами) на осуществление молодежного предпринимательства, предусмотренными Положением «О порядке предоставления и выплаты грантов Президента Республики Беларусь в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, молодежной политики», утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 13 сентября 2013 г. № 425, и иными.

С другой стороны, аспекты отнесения лица к субъекту, осуществляющему именно молодежное предпринимательство, определение его правового положения и статуса, на наш взгляд, подлежат отдельному рассмотрению. Это связано с тем, что на

существующем уровне правового регулирования неясны критерии определения молодого предпринимателя как отдельного субъекта, правовая регламентация его деятельности, полный спектр прав и обязанностей, а также возрастные границы, которые не только относят физическое лицо к молодежи, но и одновременно придают ему статус молодого предпринимателя. Более того, официального определения предпринимателя как молодого в законодательстве не предусмотрено. Сформулировать его возможно лишь по косвенным признакам.

Таким образом, в рамках рассматриваемого вопроса исследованию подлежат:

1) условия формирования правового положения субъекта молодежного предпринимательства;

2) критерии, обозначающие правовое положение субъекта молодежного предпринимательства и его отличие от иных субъектов как лица, выступающего в качестве «особого» участника государственной молодежной политики, деятельность которого направлена на реализацию собственного потенциала по производству материальных и нематериальных благ;

3) определение социально-демографической группы «молодежь» как объекта правового регулирования в рамках государственной молодежной политики и возрастной среды для становления субъекта молодежного предпринимательства, что позволит конкретизировать его место в системе иных субъектов предпринимательства.

**Основная часть.** Поскольку определение лица, осуществляющего молодежное предпринимательство, на законодательном уровне отсутствует, то следует, что им является лицо из числа молодых граждан. Закон № 65-З к молодым гражданам относит граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, в возрасте от четырнадцати до тридцати одного года.

Постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы имеют право заниматься предпринимательской деятельностью наравне с гражданами Республики Беларусь в порядке, установленном законодательством, регулирующим правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства

в Республике Беларусь, с учетом ограничений, предусмотренных ст. 19 и 20 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь». Однако данные ограничения к правовому режиму осуществления предпринимательской деятельности данными лицами отношения не имеют.

При осуществлении предпринимательской деятельности, к иностранным гражданам и лицам без гражданства, постоянно проживающим в Республике Беларусь, применяются нормы законодательства, обусловленные режимом пребывания на территории страны. Например, при государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или создания юридического лица соискателям государственной регистрации необходимо предоставить дополнительный пакет документов, предусмотренный пп. 13–15 Декрета Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования».

Что касается иностранных граждан, временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь, то в соответствии со ст. 11 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» они не вправе осуществлять в Республике Беларусь предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь, из чего следует, что осуществлять предпринимательскую деятельность посредством создания коммерческой (некоммерческой) организации, в качестве учредителя юридического лица они могут. Соответственно, исключать их из состава субъектов молодежного предпринимательства на основании режима временного пребывания или проживания в Республике Беларусь нецелесообразно.

Отсюда к молодым предпринимателям можно отнести молодых граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, осуществляющих предпринимательскую деятельность индивидуально либо в составе учредителей юридичес-

кого лица, а также иностранных граждан, временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь, осуществляющих предпринимательскую деятельность только в качестве учредителя юридического лица, обладающих полной дееспособностью, в возрасте от 18 (от 16 — в случае эмансипации) до тридцати одного года.

Несмотря на то, что принадлежность к группе молодых предпринимателей возможна до 31 года, за пределом этого возраста правовое положение субъекта как предпринимателя не прекращается. Он продолжает свою деятельность, но без преференций в поддержку инициативы и предпринимательства молодежи как особой социально-демографической группы, выступающей в качестве субъекта правоотношений, на которые распространяется специальный правовой режим.

Вместе с тем рассматриваемый возрастной диапазон молодежного предпринимательства имеет значение для правового положения его субъектов. В рамках рассматриваемых возрастных границ условно можно выделить следующие группы: период окончания школы и поступления в университет (14–17); период студенчества (18–24); период становления профессиональной зрелости и приближения к рубежу окончания условной категории «молодежь» (25–31). При этом в каждой группе преобладают определенные возрастные психоэмоциональные особенности.

В возрасте от 14 до 17 лет в жизнедеятельность молодежи входят новые задачи, требующие сложных решений, что предполагает высокую интеллектуальную активность и самодисциплину. Одновременно молодые люди начинают рассматривать различные варианты карьеры и развивать свои профессиональные навыки. Уровень любопытства и склонность к исследованию новых сфер, свойственный детскому и подростковому возрасту, остается по-прежнему высоким. Гарантией своего благополучного будущего они считают открытие собственного бизнеса (51,8 %), установки «много, настойчиво работать» (48,8 %), «постоянно учиться, повышать свою квалификацию» (47,7 %) [7].

Особый правовой статус в данном возрастном диапазоне имеют ограниченно дееспособные и эмансипированные лица: с одной стороны, предварительное (до эмансипации) согласно

ст. 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь осуществление работы по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занятие предпринимательской деятельностью является позитивным критерием, говорящим о психоэмоциональной готовности несовершеннолетнего к дальнейшему развитию в выбранном направлении, с другой стороны, возникает вопрос: каким образом несовершеннолетний может осуществлять предпринимательскую деятельность до достижения полной правосубъектности и государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя?

Исходя из дефиниций ст. 26 ГК, основанием для такой предпринимательской деятельности является разрешение родителей, усыновителей или попечителей. Однако их одобрения недостаточно для придания законности предпринимательской деятельности в возрасте до 16 лет. Даже если предположить, что несовершеннолетний осуществляет такую деятельность в формате помощи родителям или в рамках семейного предпринимательства, то ее все равно нельзя отнести к законной предпринимательской деятельности. Несовершеннолетний, уже имеющий доход, реализуя свой творческий и трудовой потенциал, несомненно, выступает как субъект молодежной инициативы, но стать субъектом молодежного предпринимательства он может после соблюдения, предусмотренных законом требований. Как писала Н. Л. Бондаренко в этой связи «...личный, индивидуальный труд, приносящий трудовой доход, осуществляемый без государственной регистрации в качестве ИП или без создания юридического лица (самозанятость) с правовых позиций, стал квалифицироваться как незаконное предпринимательство, влекущее наступление административной либо уголовной ответственности в зависимости от размера полученного в результате такой деятельности дохода» [2, с. 2–3].

Полагаем, ст. 26 ГК может быть изменена в части исключения условия об осуществлении предпринимательской деятельности для получения статуса эмансипированного и условного совершеннолетия. И оставить в качестве такого условия трудовую, творческую, ремесленную и самозанятую деятельность, для осуществления которой государственной регистрации не

требуется. И это вполне объективно, так как, опираясь на утверждение Н. Л. Бондаренко, «...деятельность самозанятых лиц не обладает такой важной характеристикой, как цель — систематическое извлечение прибыли» [2, с. 3].

С учетом этого субъект в возрасте от 14 до 18 лет может осуществлять хозяйственно-трудовую деятельность, не требующую государственной регистрации, субъектом предпринимательской деятельности, даже при условии ее отнесения к молодежной, является полностью дееспособное и правосубъектное лицо (с 16 — в случае эмансипации на основании реализации своей трудовой функции).

Возрастная группа 18–24 лет является одной из самых динамичных и революционных в молодежной категории, этот период требует от нее высокой интеллектуальной активности и самодисциплины, осознанности, самоопределения и выбора будущего образования и будущей деятельности на профессиональной основе. Важным аспектом для рассматриваемой категории молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет является социализация. Студенты до 24 лет часто находятся в периоде активной самоидентификации и поиска своего места в обществе. Они начинают образовывать сообщество по интересам и находить единомышленников [4]. Отношения, основанные на общности интересов и ценностей по реализации творческого потенциала и предприимчивости, в перспективе могут способствовать организации предпринимательства, в том числе и предпринимательской деятельности.

Возрастная группа молодых людей в возрасте от 24 до 31 года уже имеет некоторый опыт работы, обладает базовыми навыками и знаниями, которые позволяют им занять свою нишу в сфере предпринимательства и развивать ее качественно и эффективно [8].

К преимуществам субъектов предпринимательства этой возрастной категории относятся оригинально новый подход к решению задач, гибкость и быстрота в принятии решений, активность и энергичность, навыки работы в команде и совместного решения проблем, ориентация на профессиональный рост и успех, предприимчивость.

Представляется, что предприимчивость является отличительным признаком молодого предпринимателя. При этом существуют мировоззренческие различия в понимании предприимчивости, вызванные разницей в поколениях. Так, молодые люди 21–30 лет считают предпринимательство не только средством достижения целей, но и самой целью. Они более других возрастных групп воспринимают и понимают роль предприимчивости в достижении этой цели, которая подкрепляется качественным образованием и наличием идейного подхода.

Представители среднего возраста 31–45 лет рассматривают предприимчивость только как инструментальную ценность, то есть средство, используя которое привычным образом, можно получить уже достигаемый ранее результат. Поколение этого периода балансирует между молодежью и более старшим поколением, избегая революционных решений. Отмечается высокая устойчивость их социально-экономических стереотипов и нежелание что-либо менять в своих привычках.

Наиболее негативные высказывания о предприимчивости свойственны лицам старше 45 лет, как правило, такая возрастная категория считает такой тип поведения молодежным и ей уже несвойственным [1]. Полагаем, для предприимчивости характерна перманентная трансформация, уход от статичности, консерватизма и стагнации. Сторонникам стабильности и покоя проявление предприимчивости, несущее риск разрушения существующих устоев и выход на иной уровень, часто сопряженный с риском, не только не свойственно, но и нежелательно. Из вышеизложенного очевидно, что чем младше поколение, тем выше предприимчивость и оригинальность в принятии решений. Как отмечают Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, «предприимчивый человек — это тот, кто может быстро сориентироваться и свершить некое дело, причем оно не всегда должно иметь целью извлечение прибыли...» [3, с. 12]. К. Маркс в своих работах одной из причин успешной деятельности и получения дохода указывал предприимчивость: «Исключительно большие и исключительно малые прибыли являются соответственно наградой за предприимчивость и расплатой за непредусмотрительность...» [9]. Разумеется, предприимчивость свойственна не



только предпринимателям и не всегда направлена на извлечение прибыли. Но это качество может сыграть ключевую роль в генерировании и реализации идей через предпринимательскую инициативу, выраженных в конкретных активных действиях, совокупность которых преобразуется в предпринимательскую деятельность.

Этапы формирования зрелости и осознанности личности нельзя недооценивать, особенно в сфере предпринимательства, где залогом успеха как раз выступают индивидуальные качества субъекта, когда риски он несет самостоятельно.

Фактор возраста и виды осуществляемой деятельности в сфере молодежного предпринимательства придают предпринимательской деятельности, предпринимательству молодежи социальную роль, которая заключается в возможности реализации молодым предпринимателем социальной активности, способствующей развитию и трансформации общества. Вместе с тем существует масса рисков, обусловленных тем же возрастом. Молодежной среде свойственны формы социально опасного поведения, недостаточно сформировано критическое отношение к здоровому образу жизни, дисциплине, размыты границы правовой культуры, характерно также стремление к высокому уровню материальных благ некорректным способом, с возможными злоупотреблениями и правонарушениями [5]. В этой связи рассматриваемая социально-демографическая группа не является однородной. Внутри нее есть фракции с характерными для них возрастными социально-психологическими особенностями, личностными ценностями и интересами, что может послужить негативному исходу в осуществлении предпринимательства (несостоятельности, прекращению деятельности, долгам и иному). Эти и подобные аспекты должны учитываться при формировании режима правового регулирования молодежного предпринимательства.

Правовому положению молодого предпринимателя присущи общие принципы права (основополагающие, незыблемые идеи построения всей правовой системы и взаимоотношения государства с субъектом, то есть законность, принцип равенства всех перед законом, справедливости и иное), гражданство, пра-

воспособность, дееспособность деликтоспособность. Центральную часть правового положения составляют права, свободы и обязанности, при этом права, свободы и обязанности ничто без правовых, экономических, социальных и политических гарантий, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь. Например, ст. 13 Конституции Республики Беларусь гласит: «Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Однако, как справедливо заметила А. Г. Демичева, «...нормы, регулирующие экономические отношения, обладают спецификой, имеют свой особый «характер», поскольку осуществление той или иной деятельности, приносящей доход, зависит не от воли государства, а находится в поле формирования предпочтений самого субъекта рынка» [6]. Отсюда, чтобы скорректировать индивидуальное поведение молодых людей и стимулировать их деловую активность на законодательном уровне, необходимо принимать во внимание не только существующие правила, но также относящиеся к делу факторы в тех специфических обстоятельствах, в которых действуют такие субъекты.

Особый подход к правовому регулированию предпринимательства молодежи заключается в дополнительной поддержке государства, которой иные субъекты не имеют. Она представляет собой гранты и субсидии для реализации инновационных идей при участии Белорусского фонда финансовой поддержки предпринимателей. Немаловажную роль в повышении компетенции субъекта молодежного предпринимательства играет механизм совершенствования образовательной системы в области предпринимательства.

**Заключение.** На этой основе критериями правового положения субъекта молодежного предпринимательства могут быть следующие:

- лица в возрастном диапазоне от 16 (в случае эмансипации) до 31 года;
- молодыми предпринимателями являются граждане Республики Беларусь. К ним также относятся иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие

в Республике Беларусь, в том числе временно, если они осуществляют свою деятельность в составе учредителей юридического лица;

- они наделены значительным потенциалом к предпринимательству, результатом которого может быть, например, инновация;

- мотивация предпринимательства может выражаться в реализации, созидании, повышении личного и социального благосостояния. Здесь сопряжены индивидуальные факторы, выраженные в амбициях, идеях, интересах, с воздействием на их реализацию объективной реальности в формате экономических, политических и социальных рычагов;

- ресурсом для реализации инициативы может выступать использование существующего уровня науки и техники, высоких технологий, механизмы международного и внешнеэкономического сотрудничества, информационные ресурсы, направления и преференции, заложенные в государственных программах и механизмах финансовой поддержки;

- обладают высокой степенью предприимчивости как стимулирующим фактором для реализации предпринимательской инициативы.

Предприимчивость в контексте предпринимательства следует рассматривать, на наш взгляд, как воплощение через предпринимательскую инициативу новых идей и подходов, качественно отличающихся от устоявшегося опыта или существующих форм и видов деятельности, обеспечивающих самореализацию субъекта предпринимательства;

- поскольку в отношении молодого предпринимателя предусмотрен ряд специальных государственных программ и финансовой поддержки, то режим осуществления молодежного индивидуального предпринимательства является преференциальным. К лицам старше 31 года данные преференции не применяются.

Учитывая все вышеперечисленные характеристики, молодой предприниматель — это относящееся к социально-демографической группе «молодежь» физическое лицо, социально активное, мотивированное на освоение различных сфер экономики для реализации потенциала в предпринимательстве по

производству материальных и нематериальных благ с целью получения дохода.

Молодой предприниматель может быть из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, в возрасте от шестнадцати до тридцати одного года, обладающий полной право- и дееспособностью. Он может осуществлять свою деятельность в любой из сфер экономики самостоятельно или в составе учредителей юридического лица как коммерческого, так и некоммерческого характера. В том случае, когда субъект является индивидуальным молодым предпринимателем, то от своего имени, под свою индивидуальную ответственность, с учетом всех рисков, свойственных предпринимательству.

### ***Список использованных источников***

1. Базунова, М. Е. Предприимчивость личности как социальный феномен : дис. ... канд. соц. наук / М. Е. Базунова. — Екатеринбург, 2007.
2. Бондаренко, Н. Л. Правовой статус самозанятых лиц / Н. Л. Бондаренко // Юстиция Беларуси. — 2021. — № 7. — С. 2-3.
3. Бондаренко, Н. Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права : науч. журнал. — 2022. — № 1 (19). — С. 12.
4. Возрастные группы молодежи: какие они? [Электронный ресурс] // Стриж. — Режим доступа: <https://uchet-jkh.ru/i/vozrastnyegruppu-molodezi-kakie-oni>. — Дата доступа: 30.05.2024.
5. Гречнева, Е. Ф. Реализация государственной молодежной политики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Е. Ф. Гречнева. — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream>. — Дата доступа: 30.04.2024.
6. Демиева, А. Г. Некоторые проблемы нормативно-правовой регламентации активной экономической деятельности // А. Г. Демиева // Пермский юридический альманах. — 2021. — № 4. — С. 245-256.
7. Демографический ежегодник Республики Беларусь [Электронный ресурс] : стат. сб. // Национальный статистический комитет. — Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=142344>. — Дата доступа: 30.04.2024.

8. Какой возраст в Беларуси считается молодежным? [Электронный ресурс] // АИФ. — Режим доступа: [https://aif.by/dontknows/kakou\\_vozrast\\_v\\_belarusi\\_schitaetsya\\_molodezhnym](https://aif.by/dontknows/kakou_vozrast_v_belarusi_schitaetsya_molodezhnym). — Дата доступа: 30.04.2024.

9. Маркс, К. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: 2-е гос. изд-во полит. литературы, 1961. — Т. 25, ч. 1. — 545 с.

30.04.2024

### **N. V. Panteleeva**

Head of the Department of Jurisprudence, Mogilev State University  
named after A. A. Kuleshov, PhD in Law, Associate Professor

### **LEGAL STATUS OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP ENTITIES**

*Abstract.* The activity of young people and the implementation of their labor, creative, intellectual potential is one of the significant areas of implementation of youth state policy and socio-economic development of the Republic of Belarus, which is confirmed in Article 321 of the Constitution of the Republic of Belarus. Of no small importance in this process is the support and stimulation of initiative shown by young people, including in the entrepreneurial sphere. Legal regulation of dairy entrepreneurship in the Republic of Belarus is represented by a number of normative legal acts, however, taking into account the transformation of social and legal relations, the development of new directions at the level of youth state policy, the legal status of entities in the field of entrepreneurship, including youth, is not static and is not fully defined. The article proposes criteria that clarify the legal status of a youth entity engaged in entrepreneurship.

*Key words:* youth entrepreneurship, youth, youth entrepreneurship entity, initiative, legal status, legal status, enterprise.

**В. А. Рябоволов**

генеральный директор Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь, кандидат юридических наук

**В. В. Бессарабова**

ученый секретарь Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь, соискатель ученой степени кандидата юридических наук

## **ДОГОВОР ФРАНЧАЙЗИНГА: УСТРАНЕНИЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

*Аннотация.* Соблюдение принципа свободы договора, являющегося одним из основных начал гражданского законодательства Республики Беларусь и регламентированного в абз. 7 ч. 2 ст. 2 и п. 1 ст. 391 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) [1], сегодня представляется особенно актуальным для договора комплексной предпринимательской лицензии — договора франчайзинга, определенного в п. 1 ст. 910 ГК Республики Беларусь в качестве самостоятельного вида обязательства. Это обусловлено, с одной стороны, наличием с 1998 по 2004 год [2] в ГК Республики Беларусь императивной нормы, представляющей собой законодательный запрет на заключение договора франчайзинга, кроме случаев, прямо предусмотренных законодательством, а с другой стороны — общей тенденцией постепенного признания свободы франчайзинговых соглашений в обязательственном праве европейских стран, где франчайзинг на законодательном уровне развивался с XVI в. Тогда договор франчайзинга рассматривался как договоренность двух лиц, закрепляющая партнерские отношения и устанавливающая условия производства и продажи товаров (работ, услуг), а также взаимные права и обязанности сторон [3, с. 73]. Сегодня в Республике Беларусь из всех специальных понятий, используемых при осуществлении хозяйственной деятельности на основании договора комплексной предпринимательской лицензии (договора франчайзинга), законодательно закреплено только понятие самого соглашения о франчайзинге (п. 1 ст. 910

ГК Республики Беларусь). С целью устранения понятийно-терминологической неопределенности и предотвращения противоречий в законодательстве Республики Беларусь, регламентирующем договорные отношения по франчайзингу, авторами в работе раскрываются основные понятия и категории франчайзинговой деятельности.

*Ключевые слова:* франчайзинг, франчайзер, франчайзи, франшиза, объекты интеллектуальной собственности, договор франчайзинга.

**Введение.** Отсутствие четкой терминологической определенности в правовом регулировании договорных отношений по франчайзингу в Республике Беларусь приводит к проблемам неоднозначности толкования основных понятий франчайзинговой деятельности.

Первоначально термин «франчайзинг» в Соединенных Штатах Америки применялся не только для обозначения способа осуществления хозяйственной деятельности, но и с целью описания отношений различных видов. С принятием в 1947 году в США специализированного закона «О франчайзинге» устав корпорации, например, также рассматривался как генеральный (общий) франчайзинг, а в специальный франчайзинг включалось любое право, предоставленное обществом, по использованию имущества в общественно-полезных целях и в целях получения личных преимуществ и выгод [4, с. 516].

Сегодня термин «франчайзинг» интерпретируется с различных позиций. Экономическая наука, как правило, рассматривает франчайзинг с позиции предоставления специальных преимуществ (привилегий) франчайзером франчайзи на основании заключенного договора (по сравнению с иными субъектами хозяйствования в процессе осуществления предпринимательской деятельности).

Наиболее проблематичным и сложным является юридическое толкование термина «франчайзинг» при его рассмотрении как комплексной предпринимательской лицензии, коммерческой концессии, исключительного договора [5, с. 5]. Исходя из сущности, франчайзинг в настоящее время во всем мире рассматривается как эффективный способ предоставления права использования объектов интеллектуальной собственности, включенных в лицензионный комплекс, который передается по

договору комплексной предпринимательской лицензии франчайзером франчайзи с целью использования при осуществлении хозяйственной деятельности.

В юридической литературе анализ становления и развития взглядов на понятие «франчайзинг» отражен в работах зарубежных авторов М. Мендельсона, Д. Беджерса, Д. Стэнворта, Б. Смита, Д. Штайнхоффа, А. Майлера и др. [6–8]. В Республике Беларусь и Российской Федерации анализу проблем осуществления франчайзинговой деятельности посвящены работы Я. И. Функа, Р. А. Томковича, В. В. Хвалея, А. С. Тынея, А. А. Шулуса, Н. Л. Быченко и других авторов [9, с. 15–16; 10, с. 44–47].

**Основная часть.** Единая точка зрения на этимологию и лексическое значение термина «франчайзинг» отсутствует. В переводе с французского языка термин «франшиза» («franchise») обозначает определенную (специальную) привилегию [11, с. 253]. Одним из наиболее распространенных лексических значений английского слова «franchising» является право или основание (причина) участия [12, с. 309]. При исследовании франчайзинга используют оба иноязычных термина: «франчайзинг» — способ предпринимательства; «франшиза» — тип договорных отношений [13, с. 25]. Слово «франчайзинг» может обозначать явления производственной, культурной, общественной жизни [14, с. 662].

Соблюдение требования переводимости при терминологии изучаемого явления свидетельствует о смысловом искажении понятия «франчайзинг» в различных вариантах перевода. Поэтому применяется «международность» иностранного термина, когда используется общепринятое иностранное слово, а не перевод, позволяющее однозначно интерпретировать рассматриваемое понятие.

Это связано с тем, что в соответствии с одним из основных методологических принципов терминологии — принципом отражения — именно реально существующее явление создало понятие «франчайзинг», а не наоборот.

При исследовании франчайзинга принципиально используются производные термины:

- франчайзер (от английского слова franchiser) — компания-правообладатель, предоставляющая франчайзинг;
- франчайзи — пользователь;



– франшиза — комплексная предпринимательская лицензия, включающая совокупность принадлежащих правообладателю исключительных прав, которые передаются франчайзи для использования с целью извлечения прибыли.

Большинство определений франчайзинга не охватывают всех его форм, поэтому существуют различные трактовки этого понятия. Часто франчайзинг рассматривается как метод договорного сотрудничества между самостоятельными хозяйствующими субъектами — правообладателем и пользователем — с целью предоставления франчайзи комплекса исключительных прав, включающего определенные объекты интеллектуальной собственности, для использования при осуществлении предпринимательской деятельности, включая (в соответствии со ст. 980 ГК Республики Беларусь) средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ (услуг): фирменные наименования, товарные знаки (знаки обслуживания).

Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее — ВОИС) рассматривает франчайзинг как «систему, при которой хозяйствующий субъект (владелец франшизы), разработавший определенный способ ведения бизнеса, расширяет этот бизнес путем предоставления другим реальным или потенциальным предпринимателям (пользователям франшизы) права использовать проверенную модель бизнеса владельца франшизы в другом месте в течение определенного периода времени в обмен на уплату первоначального и текущих взносов. Наряду с правом на использование бизнес-модели владелец франшизы позволяет пользователю франшизы использовать интеллектуальную собственность и ноу-хау владельца франшизы, а также обеспечивает первоначальное и текущее обучение и поддержку» [15]. В руководстве по франшизе Международного бюро ВОИС 1994 года франшиза определяется как договор, по которому владелец франшизы, имеющий разработанную модель ведения определенной деятельности, разрешает пользователю франшизы использовать эту систему согласно требованиям владельца франшизы в обмен на вознаграждение (компенсацию) [16].

Российские исследователи гражданского права зарубежных стран В. В. Зайцева, А. А. Костин, Р. Л. Нарышкина и др. договор

о франшизе определяют как соглашение между поставщиком товаров и (или) услуг и «привилегированным покупателем», предусматривающее поставку товаров, при которой покупатель приобретает их в собственность для перепродажи на рынке или для оказания услуг, а продавец обязуется на систематической основе предоставлять покупателю коммерческую информацию об эффективных методах реализации товаров и (или) оказания услуг, составляющих ноу-хау поставщика [17, с. 385].

Российская ассоциация франчайзинга рассматривает франчайзинг как форму ведения бизнеса, при которой «франчайзор» за вознаграждение предоставляет франчайзи право использования его товарного знака и технологии ведения бизнеса с целью продажи товаров и услуг [18]. При этом следует отметить, что в гражданском законодательстве Российской Федерации (как и в законодательстве Республики Беларусь) отсутствует определение непосредственно понятия «франчайзинг». Коммерческой концессии, позволяющей предоставлять право использования в предпринимательской деятельности пользователя комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав, посвящена глава 54 Гражданского кодекса Российской Федерации [19].

Ассоциация франчайзеров и франчайзи Республики Беларусь, учрежденная в 2011 году [20] и с 2018 года являющаяся членом Международного совета по франчайзингу [21], объединяющего более 40 национальных ассоциаций франчайзинга, определяет франшизу как инструмент создания бизнеса с использованием знаний, опыта, имени и системы крупной компании, которая успешно работает на рынке.

Таким образом, можно констатировать отсутствие в международном праве единообразного подхода к определению понятий «франчайзинг» и «франшиза».

В широком смысле франчайзинг рассматривается как форма долгосрочных партнерских отношений, при которой хозяйственная деятельность пользователей осуществляется под руководством правообладателя, включая не только поддержку, но и постоянный контроль с его стороны.

Краткие определения (определения-дефиниции) понятий «франчайзинг» и «франчайзинговая деятельность» в юридической литературе не встречаются. Все определения полноте являются, отражающие эти понятия, по своей развернутыми.

В целом структурная модель самых распространенных определений франчайзинга одинакова, так как они содержат одни и те же определяющие признаки и дополнительные характеристики. Практикой доказано: если какое-либо понятие не поддается однозначному, четкому и завершенному определению, следовательно, оно изучено не в полной мере, а это, в свою очередь, помогает определить направления, которые требуют дополнительного изучения. Это правило является конструктивным для развития любой науки, в том числе юридической.

Этимология франчайзинга помогает правильно определить происхождение этого явления, оказывая влияние на современные трактовки исследуемого понятия, а толкование сущности франчайзинга на практике зависит от соответствующей лексической группы, в которой употребляется это слово. Поэтому культурная, правовая, экономическая, бытовая, деловая, книжная и другие группы лексики по-разному понимают значение рассматриваемого явления.

В настоящее время термин «франшиза» обозначает два понятия:

- комплексную предпринимательскую лицензию, как указывалось ранее;

- сеть однородных точек — субъектов хозяйствования пользователей (франчайзи), использующих единое фирменное наименование и (или) товарный знак (знак обслуживания), другие объекты интеллектуальной собственности, исключительное право на которые принадлежит франчайзеру как правообладателю, а также использующих непосредственно при осуществлении предпринимательской деятельности (при производстве продукции, выполнении работ, оказании услуг) нераскрытую информацию в соответствии с договором франчайзинга. Франчайзи обязаны соблюдать все условия, содержащиеся в брендбук франчайзера, являющемся приложением к договору франчайзинга, включая одинаковый стиль и методы работы, а также единые цены, устанавливаемые и регулируемые централизованно правообладателем.

Франчайзер (франчайзор, правообладатель, франшизодатель) является на рынке крупной компанией, характеризующейся идентичностью для соответствующей целевой аудитории

потребителей, имеющей апробированную, успешно работающую на рынке бизнес-стратегию развития, применяемую на практике с учетом специфики отдельных территорий, с учетом особенностей (в том числе законодательных) охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, входящие в лицензионный комплекс. Франчайзер, являясь управомоченной стороной в договоре франчайзинга, при необходимости осуществляет поставку сырья, материалов, самой продукции, а также оборудования для соблюдения технологии производства.

Процесс расширения границ франчайзинга на международном уровне позволяет интерпретировать соглашение о франчайзинге уже не столько как «куплю-продажу» лицензионного комплекса, а как его «аренду» (что нехарактерно для нематериальных активов).

Франчайзи (пользователь) — это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, получающее от правообладателя лицензионный комплекс, предназначенный для использования в предпринимательской деятельности, которая осуществляется им самостоятельно и под свою имущественную ответственность, но с учетом требований п. 4 ст. 910-2 и ст. 910-6 ГК Республики Беларусь. Одновременно франчайзи является частью единой франчайзинговой сети, объединенной франчайзером и его единым фирменным наименованием. Он обязан в соответствии с франчайзинговым соглашением использовать при производстве товаров, их реализации, а также при выполнении работ (оказании услуг) один или несколько товарных знаков (знаков обслуживания), входящих в лицензионный комплекс.

Таким образом, сущность франчайзинга проявляется в распространении товаров, работ и услуг путем коммерциализации объектов интеллектуальной собственности.

В Беларуси с 1970-х гг. в практической деятельности и публицистике начал проявляться интерес к франчайзинговой деятельности, который в 1998 году в связи с принятием действующего ГК Республики Беларусь (гл. 53 «Комплексная предпринимательская лицензия (франчайзинг)» раздела IV «Отдельные виды обязательств») нашел отражение в национальном законодательстве. По мере усиления значения результатов интеллектуальной деятельности в производственных и технологических

процессах получили развитие правовые механизмы, которыми регулируются договорные отношения по франчайзингу. Государственная регистрация договоров франчайзинга в Национальном центре интеллектуальной собственности в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)» [22] способствует охране объектов интеллектуальной собственности, входящих в лицензионный комплекс, от несанкционированного использования.

ГК Республики Беларусь рассматривает договор франчайзинга как самостоятельный тип договора. Типология является общим родовым понятием для классификации и систематики. Тип — это форма, которой соответствуют определенные явления, а вид представляет собой конкретную группу явлений, которые имеют общие качественные признаки, отличающие их от других явлений. Тип — это обособляющий квалифицирующий признак, вид — это группирующий квалифицирующий признак. Договор франчайзинга фактически порождает обязательства различных видов, когда использование объектов интеллектуальной собственности сочетается с оказанием услуг, поставкой или куплей-продажей и, следовательно, является смешанным типом гражданско-правового договора.

В соответствии с п. 1 ст. 910 ГК Республики Беларусь по договору комплексной предпринимательской лицензии (договору франчайзинга) одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный в договоре франчайзинга срок либо без указания срока лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных договором франчайзинга, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя. По правовой природе договор франчайзинга является двусторонним, возмездным и консенсуальным.

Договор франчайзинга является традиционным для англосаксонской системы права. Франчайзинговая деятельность является предметом нормативно-правового регулирования преимущественно в странах Восточной и Западной Европы, а также в США. Однако отсутствие специального регулирования франчайзинговых правоотношений в национальных правовых системах стран не мешает широкому использованию договора франчайзинга в гражданском обороте тех стран, законодательство которых не содержит ограничений, влияющих на возможность его заключения. Из всех стран, где применяется франчайзинг, только законодательство США полно и всесторонне регламентирует порядок и условия осуществления франчайзинговой деятельности посредством договора.

Договор франчайзинга не получил нормативной регламентации в международных соглашениях.

Сегодня франчайзинг рассматривается в системе права Республики Беларусь как самостоятельный гражданско-правовой институт, являющийся реальным механизмом эффективного управления объектами интеллектуальной собственности. Анализ международной практики применения договора франчайзинга характеризует это соглашение существенными отличиями по сравнению с иными видами обязательств.

Законодательство Республики Беларусь не содержит правовых норм, регламентирующих виды франчайзинговых структур (виды франчайзинга). В ст. 910-2 ГК Республики Беларусь предусмотрена возможность заключения только договора субфранчайзинга (договора комплексной предпринимательской сублицензии).

Условно, исходя из предмета договора франчайзинга, можно выделить товарный (деловой и сбытовой) франчайзинг, производственный (в том числе бизнес-формат) франчайзинг, а также ограничительный франчайзинг (исходя из территории действия договора).

В соответствии с п. 1 ст. 910 ГК Республики Беларусь предметом договора франчайзинга является передача пользователю лицензионного комплекса, который в обязательном порядке должен включать фирменное наименование правообладателя и нераскрытую информацию. Иные объекты интеллектуальной

собственности (товарные знаки, знаки обслуживания, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, сорта растений, топологии интегральных микросхем) не являются обязательным элементом предмета договора франчайзинга. На практике при обращении за регистрацией договоров комплексной предпринимательской лицензии, по аналогии с законодательством Российской Федерации [19, ст. 1027], франчайзер пытается передать только права на товарный знак и нераскрытую информацию. В этом случае патентный орган вынужден отказать в регистрации договора по причине отсутствия его обязательного элемента — фирменного наименования правообладателя. Представляется, что более оправданным является включение в качестве возможной альтернативы (наряду с фирменным наименованием) обязательного элемента договора франчайзинга — товарного знака. Фирменное наименование не всегда обеспечивает схожесть комплекса объектов правообладателя и пользователя в той мере, в которой это достигается с помощью товарных знаков. Именно товарные знаки (знаки обслуживания) формируют у потребителя определенное отношение к бизнесу правообладателя, его товарам, работам, услугам и обеспечивают схожесть комплекса объектов франчайзера и франчайзи.

**Заключение.** Для дальнейшего развития франчайзинга как формы организации предпринимательской деятельности в Республике Беларусь, а также с целью защиты интересов всех субъектов франчайзинга целесообразно регламентировать на законодательном уровне понятия «франчайзинг», «франчайзер», «франчайзи», «франшиза», «франчайзинговая сеть», а также определить конкретные виды франчайзинговых структур с учетом мировой и национальной практики осуществления предпринимательской деятельности по договору франчайзинга.

Необходимо утвердить на законодательном уровне типовой договор франчайзинга, что позволит минимизировать специфические риски не только конкретных франшиз, но и франчайзинговой деятельности в целом, а также определить особенности взаимодействия правообладателя и пользователя с целью беспрепятственного и эффективного осуществления франчайзинговой деятельности в процессе исполнения договора комплексной предпринимательской лицензии.

## Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. — Дата доступа: 02.06.2024.
2. О внесении дополнений и изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь по вопросам регистрации недвижимого имущества, состава участников ассоциаций и союзов, комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), правового режима имущества крестьянского (фермерского) хозяйства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 авг. 2004 г. № 316-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=N10400316>. — Дата доступа: 02.06.2024.
3. Guyenot, J. La franchise commercial / J. Guyenot // Revue trim de droit comparé. — 1973. — № 83. — P. 73-84.
4. Тынель, А. С. Курс международного торгового права / А. С. Тынель, Я. И. Функ, В. В. Хвалей. — Минск : Амалфея, 1999. — 704 с.
5. Бессарабова, В. В. Правовые аспекты франчайзинга / В. В. Бессарабова. — Минск : ИООО «Право и экономика», 2002. — 31 с.
6. Мендельсон, М. Руководство по франчайзингу / М. Мендельсон — М. : Сибли интернэшнл, Инк., 1995. — 275 с.
7. Стэнворт, Д. Франчайзинг в малом бизнесе / Д. Стэнворт, Б. Смит ; под ред. А. П. Павловой. — М. : Одиссей, 1996. — 887 с.
8. Майлер, А. Договор коммерческой концессии / А. Майлер. — М. : Юрид. фирма «Контракт», 1996. — 215 с.
9. Функ, Я. И. Международный предпринимательский франчайзинг и его отличие от сходных отношений / Я. И. Функ, В. В. Хвалей // Белорусский рынок. — 1998. — № 28. — С. 15-16.
10. Шулус, А. А. Франчайзинговые формы предпринимательства (объективные основы, противоречия, принципы господдержки) / А. А. Шулус, Н. Л. Быченко // Российский экономический журнал. — 1998. — № 1. — С. 44-47.
11. Гринева, Е. Ф. Французско-русский словарь / Е. Ф. Гринева, Т. Н. Громова. — М. : Цитадель, 2000. — 576 с.
12. Мюллер, В. К. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер ; под ред. М. М. Маковского. — 2-е изд., доп. — М. : Изд. дом «Диалог», 2002. — 895 с.
13. Сосна, С. А. Новое в гражданском праве: франчайзинг / С. А. Сосна // Государство и право. — 1997. — № 7. — С. 25-32.



14. Современный словарь иностранных слов : 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 2001. — 742 с.

15. В хорошей компании. Вопросы интеллектуальной собственности в франчайзинге [Электронный ресурс] : пособие ВОИС ; сер. «Интеллектуальная собственность для бизнеса» № 5 // WIPO. — Режим доступа: [https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo\\_pub\\_1035.pdf](https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1035.pdf). — Дата доступа: 03.06.2024.

16. Руководство Всемирной организации интеллектуальной собственности по франчайзингу 1994 года [Электронный ресурс] // WIPO. — Режим доступа: [https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo\\_pub\\_480.pdf](https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_480.pdf). — Дата доступа: 03.06.2024.

17. Зайцева, В. В. Гражданское и торговое право капиталистических государств : учебник для юрид. вузов ; под ред. Е. А. Васильева. — 2-е изд., перераб. и доп. / В. В. Зайцева [и др.]. — М. : Междунар. отношения, 1993. — 560 с.

18. Вопрос-ответ. Что такое франчайзинг [Электронный ресурс] // Российская ассоциация франчайзинга. — Режим доступа: <https://www.rusfranch.ru/franchising/faq/#:~:text=1,2>. — Дата доступа: 03.06.2024.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 24.07.2023 // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

20. Белфранчайзинг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://belfranchising.by/>. — Дата доступа: 03.06.2024.

21. World franchise council [Electronic resource]. — Mode of access: <https://worldfranchisecouncil.net/>. — Date of access: 03.06.2024.

22. О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 марта 2009 г., № 346 : в ред. от 20.11.2023 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: [https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C2090\\_0346](https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C2090_0346). — Дата доступа: 03.06.2024.

04.06.2024

**V. A. Ryabovlov**

General Director of the National Center for Intellectual Property  
of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences

**V. V. Bessarabova**

Scientific Secretary of the National Center for Intellectual Property  
of the Republic of Belarus, applicant for the academic degree of Can-  
didate of Legal Sciences

**FRANCHISING AGREEMENT: ELIMINATING CONCEPTUAL  
AND TERMINOLOGICAL UNCERTAINTY**

*Abstract.* Compliance with the principle of freedom of contract, which is one of the main principles of the civil legislation of the Republic of Belarus and regulated in paragraph. 7 hours 2 tbsp. 2 and paragraph 1 of Art. 391 of the Civil Code of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as the Civil Code of the Republic of Belarus) [1], today it seems especially relevant for a comprehensive entrepreneurial license agreement — a franchising agreement, defined in paragraph 1 of Art. 910 of the Civil Code of the Republic of Belarus as an independent type of obligation. This is due, on the one hand, to the presence from 1998 to 2004 [2] in the Civil Code of the Republic of Belarus of a mandatory norm, which represents a legislative prohibition on concluding a franchise agreement only in cases directly provided for by law, and on the other hand, to the general trend of gradual recognition of freedom franchise agreements in the law of obligations of European countries, where franchising at the legislative level has developed since the 16<sup>th</sup> century. Then the franchising agreement was considered as an agreement between two persons, consolidating partnership relations and establishing the conditions for the production and sale of goods (works, services), as well as the mutual rights and obligations of the parties [3, p. 73]. Today in the Republic of Belarus, of all the special concepts used when carrying out business activities on the basis of a comprehensive business license agreement (franchise agreement), only the concept of the franchising agreement itself is legally enshrined (clause 1 of Article 910 of the Civil Code of the Republic of Belarus). In order to eliminate conceptual and terminological uncertainty and prevent contradictions in the legislation of the Republic of Belarus regulating contractual relations in franchising, the authors in the work reveal the basic concepts and categories of franchising activities.

*Key words:* franchising, franchisor, franchisee, franchise, intellectual property, franchise agreement.

**Э. И. Самойлов**

старший преподаватель кафедры  
гражданско-правовых дисциплин и профсоюзной работы  
Международного университета «МИТСО»

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ПРИНЦИПОВ РЕАЛИЗАЦИИ КОММЕРЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА**

*Аннотация.* Акцентируется внимание на современных проблемах правового обеспечения коммерческого представительства в Республике Беларусь. Разработана система принципов реализации коммерческого представительства, позволившая сформировать систему устойчивых и постоянных идей, имеющих фундаментальный и основополагающий характер, отражающих сущность коммерческого представительства и способствующих достижению его цели. Даны понятия принципов стратегической важности и эффективности, доступности посреднической деятельности, обеспечения экономической безопасности, создания правовых условий взаимодействия. Обоснована необходимость разработки и принятия общих норм права, закрепляющих принципы реализации коммерческого представительства. Доказано, что для последующего совершенствования законодательства в области правового регулирования коммерческого представительства необходимо выработать систему мер правовой защиты интересов коммерческих представителей — резидентов Республики Беларусь за рубежом с учетом разработанной классификации объективных и субъективных пределов правового воздействия на экономические отношения и выявленного комплекса рисков, препятствующих посреднической деятельности.

*Ключевые слова:* коммерческое представительство, система принципов, защита интересов, правовые условия взаимодействия, доступность посреднической деятельности, обеспечение экономической безопасности, стратегическая важность и эффективность.

**Введение.** Глобализация породила целый комплекс явлений и институтов, среди которых особое место в предпринима-

тельской деятельности субъектов хозяйствования занимает институт коммерческого представительства. Стремительное развитие внешней торговли и экономической интеграции предопределяет необходимость совершенствования правового регулирования посреднической деятельности.

К осознанию необходимости дальнейшего развития коммерческого представительства привели именно потребности субъектов хозяйствования, так как возможность заключения сделок без физического присутствия, увеличение количества операций на рынках, скорость их совершения чаще всего предопределяют успешность осуществления их деятельности [1, с. 3]. Коммерческое представительство во многом положительно сказывается на улучшении экономических показателей и помогает стимулированию деловой активности за рубежом, однако отсутствие теоретического переосмысления и обоснования отдельных положений, связанных с его правовым и организационным обеспечением, затрудняет реализацию данного вида деятельности на практике.

Кроме того, особую актуальность в современных условиях приобретает проблема защиты интересов коммерческих представителей — резидентов Республики Беларусь за рубежом. На первый план выходят вопросы приоритета государственной политики в области обеспечения экономической безопасности, создания благоприятных правовых условий для осуществления коммерческого присутствия за рубежом, а также улучшения качества такой деятельности.

В науке гражданского права указанные выше проблемы не получали достаточного научно обоснованного освещения или к ним не выработано однозначного подхода в теории права и в правоприменительной практике, научные исследования до недавнего времени не проводились, за исключением ряда публикаций Э. И. Самойлова [2–4]. Таким образом, целью настоящего исследования является определение и научное обоснование теоретико-прикладных основ регулирования коммерческого представительства и обсуждение научно-обоснованных предложений по внесению дополнений в законодательство Республики Беларусь с последующим совершенствованием правового регулирования участия коммерческих представителей

в хозяйственных правоотношениях и защиты их интересов за рубежом.

**Основная часть.** Развитие посредничества позволяет расширить спектр привлечения вспомогательных лиц, наделяя их полномочиями на выполнение поручений в интересах субъектов хозяйствования. В настоящее время объективно востребовано желание предпринимателей связать возникновение своих прав и обязанностей посредством совершения вспомогательных действий дополнительно привлеченных посредников. Данные примеры во многом положительно сказываются на развитии экономики и помогают стимулировать деловую активность.

В своей работе «Представительство в советском гражданском праве» В. А. Рясенцев высказывал мнение, что для того, чтобы познать сущность и происхождение института представительства, «необходимо, прежде всего, установить, какие экономические отношения лежат в основе представительства и им юридически опосредуются, при каких условиях получают выражение в институте представительства и в чем состоит его социально-экономическое значение» [5, с. 7].

Вне поля зрения не должно оставаться то, что современная геополитическая обстановка обостряет ряд вопросов, связанных с социально-экономическим и политическим развитием общества. Наиболее важным становится вопрос, связанный с созданием условий для оптимального взаимодействия между коммерческими представителями, доверителями, третьими лицами и государством.

Согласно абз. 8 п. 4 разд. 1 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, экономическая безопасность — состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь [6].

Вместе с тем, по нашему мнению, в процессе регулирования экономической деятельности коммерческих представителей особое значение следует уделять доведению до всех участников рыночных отношений порядка взаимодействия на основании партнерства и равенства. Вышеуказанный тезис соответствует и развивает фундаментальные положения, закрепленные в ч. 4 ст. 13 Конституции Республики Беларусь, государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах

человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях [7].

Сегодня существует проблема защиты интересов коммерческих представителей — резидентов Республики Беларусь внутри страны и за рубежом. Можно согласиться с точкой зрения Л. С. Мальцева, который отмечал, что «наши зарубежные партнеры должны формировать объективное мнение о транспарентности белорусской внешней и внутренней политики, готовности страны участвовать в любых не противоречащих национальным интересам инициативах, направленных на укрепление всеобщего мира и безопасности» [8, с. 141]. Заложенный вектор служит сближением экономических процессов в рамках ЕАЭС и Союзного государства.

Вместе с тем не вызывает сомнения вывод Г. А. Василевича о том, что «работа по унификации законодательства в рамках СНГ должна быть гибкой, в одних случаях целесообразно принять унифицированный акт, в других — ограничиться гармонизацией законодательства стран СНГ. Однако польза от модельных законодательных актов состоит в том, что в них часто содержатся принципы, которые становятся концептуальной основой для подготовки национальных актов» [9, с. 25].

Для обеспечения экономической безопасности в том числе необходимо выработать определенные меры правовой защиты интересов коммерческих представителей Республики Беларусь. В результате в дальнейшем будут раскрыты объективные и субъективные пределы правового воздействия на экономические отношения и выявлен комплекс рисков, препятствующих осуществлению посреднической деятельности.

Для этого в первую очередь следует классифицировать основные начала, на которых должна основываться деятельность коммерческих представителей. Как отмечал известный русский публицист Н. П. Огарев, «классификация — необходимая потребность ума, потому что ум не может ничего понять не в порядке. Поскольку существует множество критериев классификации вообще в зависимости от авторского подхода, постольку и принципы права, в частности, группируются по-разному» [10, с. 62].

Так, принцип обеспечения экономической безопасности, выражающийся в защите национальных интересов Республики

Беларусь, прав и законных интересов белорусских субъектов хозяйствования в процессе осуществления коммерческого представительства, позволяет рассматривать посредническую деятельность *в широком смысле*, исключая признание отдельных видов такой деятельности при отсутствии должного правового понимания незаконной предпринимательской деятельностью.

В работе коллектива белорусских авторов «Страновой маркетинг» показано, что в основе идеи странового маркетинга лежит продвижение и защита национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере [11, с. 14]. В данном контексте можно рассматривать коммерческое представительство как форму коммерческого присутствия в целях развития идей странового маркетинга, на основании чего принцип стратегической важности и эффективности, выражающийся в необходимости продвижения интересов белорусских субъектов хозяйствования за рубежом и эффективного реагирования на существующие угрозы при продвижении продукции на новых рынках сбыта и поиске партнеров для производственной кооперации, в режиме специальных мер правовой защиты позволяет нейтрализовать угрозы национальной безопасности.

Данные принципы одновременно согласуются с исследованием, проводимым Е. Н. Гладкой в разрезе долгосрочной перспективы способствования нейтрализации таких угроз национальной безопасности, как «рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления», а также поддержания такого направления нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в научно-технологической сфере, как «завершение формирования эффективной национальной инновационной системы и реализация новой технологической стратегии развития экономики Республики Беларусь» [12].

Еще одним из таких принципов, наряду с принципами обеспечения экономической безопасности, создания правовых условий взаимодействия, стратегической важности и эффективности, может являться принцип доступности посреднической деятельности, который, в свою очередь, сможет лечь в основу беспрепятственного обращения за содействием к коммерческим представителям в процессе осуществления предпринимательской деятельности субъектами хозяйствования.

Таким образом, в настоящем исследовании предложены направления дальнейшего совершенствования коммерческого представительства с учетом развития национального законодательства и зарубежного опыта. Для последующего совершенствования законодательства в области правового регулирования коммерческого представительства необходимо выработать систему мер правовой защиты интересов коммерческих представителей — резидентов Республики Беларусь за рубежом с учетом разработанной классификации объективных и субъективных пределов правового воздействия на экономические отношения и выявленного комплекса рисков, препятствующих осуществлению посреднической деятельности.

**Заключение.** Резюмируя, остановимся на ключевых выводах проведенного исследования.

1. В спектре решаемых задач установлено, что под основными началами коммерческого представительства понимается система принципов, определяющих и регламентирующих гражданские отношения, складывающееся между субъектами хозяйствования и государством в процессе реализации коммерческого представительства.

2. Разработана система принципов реализации коммерческого представительства, позволившая сформировать систему устойчивых и постоянных идей, имеющих фундаментальный и основополагающий характер, отражающих сущность коммерческого представительства и способствующих достижению его цели.

3. Научно обоснованы предложения о необходимости внедрения системы принципов реализации коммерческого представительства, включающей принципы доступности посреднической деятельности, создания правовых условий взаимодействия, обеспечения экономической безопасности, стратегической важности и эффективности.

4. Аргументирован вывод о необходимости законодательного закрепления системы принципов реализации коммерческого представительства, которыми являются:

4.1. Принцип стратегической важности и эффективности, выражающейся в необходимости продвижения интересов белорусских субъектов хозяйствования за рубежом и эффективного



реагирования на существующие угрозы при продвижении продукции на новых рынках сбыта и поиске партнеров для производственной кооперации в режиме специальных мер правовой защиты.

4.2. Принцип доступности посреднической деятельности, выражающийся в обеспечении возможности для каждого субъекта хозяйствования Республики Беларусь беспрепятственного обращения за содействием к коммерческим представителям в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

4.3. Принцип обеспечения экономической безопасности, выражающийся в защите национальных интересов Республики Беларусь, прав и законных интересов белорусских субъектов хозяйствования в процессе осуществления коммерческого представительства.

4.4. Принцип создания правовых условий взаимодействия, выражающийся посредством доведения до всех участников внешнеэкономической деятельности правового порядка взаимодействия с посредниками для наращивания их потенциала.

Предложенная система принципов реализации коммерческого представительства позволит сформировать теоретико-правовые основы в области посреднической деятельности, дающие возможность рассматривать данную деятельность *в широком смысле*, исключая признание отдельных видов посреднической деятельности при отсутствии должного правового понимания незаконной предпринимательской деятельностью. Данное предложение является предпосылкой для формирования в гражданском праве *новой категории* — посредническая деятельность.

### ***Список использованных источников***

1. Овчаренко, М. Д. Коммерческое представительство в гражданском праве: основные виды и регуляторы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Д. Овчаренко. — М., 2014. — 205 с.

2. Самойлов, Э. И. Теоретические аспекты заключения договора поручения с коммерческим представителем / Э. И. Самойлов // Актуальные вопросы государства и права: проблемы и перспективы совершенствования : сб. материалов ежегод. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию академика С. З. Зиманова, г. Алматы, 30 марта 2021 г. / Казахская Академия труда и социальных отношений ; редкол.:

Г. К. Муханова (гл. ред.) [и др.]. — Алматы : Центр оперативной печати, 2021. — С. 146–150.

3. Самойлов, Э. И. Отличительные особенности коммерческого представительства / Э. И. Самойлов // Право. Экономика. Социальное партнерство : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. 92-летию учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», г. Минск, 28 апреля 2022 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. — С. 265–267.

4. Самойлов, Э. И. Генезис и перспективы развития коммерческого представительства в законодательстве Республики Беларусь / Э. И. Самойлов // Право. Экономика. Социальное партнерство : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 27 апреля 2023 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. — С. 202–205.

5. Рясенцев, В. А. Представительство в советском гражданском праве : в 2 т. : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.00 / В. А. Рясенцев. — М., 1948. — Т. 1. — 259 л. ; Т. 2. — 343 л.

6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. решением Всебелор. народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. — Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. — 77 с.

8. Мальцев, Л. С. Концепция национальной безопасности — стратегия мира, созидания и согласия / Л. С. Мальцев // Актуальные проблемы гражданского права : науч. журнал. — 2018. — № 2. — С. 139–163.

9. Василевич, Г. А. Обеспечение гармоничного развития правовых систем Союзного государства и его государств-участников / Г. А. Василевич // Актуальные проблемы строительства и развития Союзного государства : материалы науч.-практ. конф., Москва, 5–6 июля 2018 г. / редкол.: С. В. Калашников [и др.]. — М. : ООО «Принт», Секретариат Парламентского Собрания Беларуси и России. — С. 23–30.

10. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.]; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. — Минск : БГУ ; изд-во «Четыре четверти», 2014. — 416 с.

11. Страновой маркетинг / сост.: Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич. — Минск : Ковчег, 2022. — 652 с.

12. Гладкая, Е. Н. Гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в современных

условиях развития общественных отношений (с применением законодательного опыта отдельных государств — участников СНГ) / Н. С. Минько [и др.] // Теоретико-методологические основы совершенствования правового обеспечения экономической безопасности / под общ. ред. Н. С. Минько ; Нац. академия наук Беларуси, Институт экономики. — Минск : Беларуская навука, 2023. — Разд. 2.1. — С. 104–132.

02.05.2024

### **E. I. Samoilo**

Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines  
and Trade Union Work International University «MITSO»

#### **IMPROVING CIVIL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLES OF IMPLEMENTING COMMERCIAL REPRESENTATION**

*Abstract.* The attention is focused on modern problems of legal support of commercial representation in the Republic of Belarus. A system of principles for the implementation of commercial representation has been developed, which made it possible to form a system of stable and permanent ideas that have a fundamental and fundamental character, reflecting the essence of commercial representation and contributing to the achievement of its goal. The concepts of the principles of strategic importance and effectiveness, accessibility of intermediary activities, ensuring economic security, and creating legal conditions for interaction are given. The necessity of developing and adopting general rules of law that enshrine the principles of the implementation of commercial representation is substantiated. It is proved that in order to further improve legislation in the field of legal regulation of commercial representation, it is necessary to develop a system of legal protection measures for the interests of commercial representatives' resident in the Republic of Belarus abroad, taking into account the developed classification of objective and subjective limits of legal impact on economic relations and the identified set of risks that impede intermediary activity.

*Key words:* commercial representation, a system of principles, protection of interests, legal conditions of interaction, accessibility of intermediary activities, ensuring economic security, strategic importance and effectiveness.

**Т. М. Халецкая**

доцент кафедры гражданского и хозяйственного права  
Института управленческих кадров Академии управления  
при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент

## **ДОМОХОЗЯЙСТВО КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Аннотация.* В специальной литературе домашние хозяйства чаще всего анализируются с позиции экономической теории, философии, статистики, социологии, истории, но не с позиции права. Вместе с тем нет сомнений в том, что домашнее хозяйство является одним из наиболее распространенных субъектов хозяйствования, способным самостоятельно участвовать в экономической деятельности и принимать решения, создавать для себя права и обязанности, участвуя в обязательствах от своего имени, нести экономическую ответственность за результаты своей хозяйственной деятельности. В статье предпринята попытка обосновать необходимость проведения изучения домохозяйств с точки зрения правовой науки.

*Ключевые слова:* хозяйственное право, хозяйственная деятельность, домашнее хозяйство, семья, индивид.

**Введение.** Согласно современным теоретическим подходам, имеющим место в экономической науке, домашнее хозяйство относится к ключевым социально-экономическим субъектам, снабжающим экономику ресурсами и выступающим потребителем созданных в обществе товаров и услуг [1–3]. Домашние хозяйства участвуют в процессе производства продукции, работ и услуг, предназначенных частично для собственного потребления, частично для продажи (обмена) с целью получения иных благ. В научной литературе отмечается, что домашние хозяйства являются единственным субъектом, в рамках которого воспроизводится важнейший экономический ресурс — рабочая сила [4, с. 12]. Немаловажна роль домашних хозяйств в процессе

обеспечения занятости населения. Домашние хозяйства также взаимодействуют с государством, перечисляя налоги, получая социальные выплаты. Социальная роль домашних хозяйств выражается в том, что они обеспечивают передачу традиций, присутствующих конкретному обществу, влияют на формирование мировоззрения, образа жизни, культуры отдельной личности, во многом определяют отношение личности к различным общественным институтам.

Домашние хозяйства чаще всего анализируются с позиции экономической теории, философии, статистики, социологии, истории, но не с позиции права. Надо отметить, что в Республике Беларусь интерес к изучению правовых аспектов деятельности домашних хозяйств только начал зарождаться. Возникновение этого интереса связано с разработкой в 2022 году кафедрой хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета Типовой учебной программы по учебной дисциплине «Хозяйственное право» (рег. № ТД-Е 915/тип.) [5], авторы которой в числе субъектов хозяйственной деятельности назвали в том числе домашние хозяйства, посвятив изучению особенностей правового регулирования их деятельности отдельную тему (надо отметить прогрессивность содержания этой программы, поскольку до момента ее разработки в Республике Беларусь был совсем иной подход к преподаванию и изучению хозяйственного права). В числе белорусских ученых, обращающихся в своих работах к тем или иным аспектам правового регулирования деятельности домашних хозяйств, можно назвать Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневича [6–8].

В рамках настоящей статьи нами будет предпринята попытка определить, нуждается ли такое явление, как домохозяйство, в исследовании его особенностей с точки зрения правовой науки.

**Основная часть.** Нередко в литературе можно встретить указание на то, что термины «домашнее хозяйство» и «домохозяйство» имеют разное содержание. Так, например, с точки зрения статистики, домашнее хозяйство рассматривается как элемент сектора экономики, а домохозяйство — как группа лиц,

объединенных общим бюджетом и жилищем. В работах экономистов домохозяйство рассматривается как совокупность отношений семьи с другими экономическими субъектами (государством, фирмами, банками и т. п.), под домашним хозяйством при этом понимают экономические отношения и взаимосвязи внутри самой семьи (например, распределение между членами семьи трудовых функций, обязанностей по ведению домашнего быта, воспитанию детей, обеспечению собственных потребностей и т. п.). Поскольку домашнее хозяйство представляет собой особую систему отношений, характеризующуюся наличием как внутренней системы взаимосвязей между своими членами, так и взаимосвязей с внешней средой, то термины «домашнее хозяйство» и «домохозяйство» можно признать синонимичными.

На современном этапе домашние хозяйства рассматривают с точки зрения институциональной экономической теории, делающей акцент на анализе домашнего хозяйства как особой формы организации, отличной и от юридических лиц, и от государства. С этой точки зрения домохозяйство рассматривают как институциональную социальную единицу, представляющую собой общность физических лиц, ведущих совместное хозяйство в одном пространстве (под одной крышей), которое предполагает совместное производство благ, их обмен, распределение и потребление [9, с. 23]. Такой подход отражен в Системе национальных счетов (СНС-2008) (Нью-Йорк, ООН, 2012 г.), где домашнее хозяйство определяется как институциональная единица, представляющая собой группу лиц, проживающих в одном и том же жилище, объединяющую весь свой доход и имущество или их часть и потребляющую коллективно некоторые виды товаров и услуг, главным образом жилищные услуги и продукты питания. СНС-2008, как видно из определения, к домашним хозяйствам как институциональным единицам относит только «группу лиц». Отдельное физическое лицо, составляющее домохозяйство, но самостоятельно управляющее принадлежащими ему активами, рассматривается в СНС-2008 как самостоятельная институциональная единица.

Национальное законодательство Республики Беларусь со-держит иное определение и признает домашним хозяйством как группу лиц, которые совместно проживают в жилом помещении, обеспечивают себя всем необходимым для жизни, ведут общее хозяйство, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства, так и одно лицо, живущее самостоятельно и обеспечивающее себя всем необходимым для жизни (п. 2 Методики по расчету чистых налогов на продукты в сопоставимых ценах, утвержденной постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь от 26 ноября 2021 г. № 103; ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2006 г. № 144-З «О переписи населения»). То есть белорусский законодатель в структуру института домашних хозяйств включает не только группу лиц, но и одно лицо, обеспечивающее себя в рамках своего хозяйства. Одно лицо, живущее самостоятельно и обеспечивающее себя всем необходимым для жизни, отнесено к домашним хозяйствам и на основании подп. 3.1 п. 3 Статистического классификатора СК 00.007-2015 «Институциональные единицы по секторам экономики», утвержденного постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 219. Подобная точка зрения высказывается и в научной литературе. Например, Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич и Е. Н. Гладкая определяют домохозяйство как «единый имущественный комплекс гражданина или группы граждан» [8, с. 48]. О домашнем хозяйстве отдельного физического лица говорят в своих работах А. Р. Хафизова и Э. О. Вафина [10, с. 125].

Следует констатировать, что домохозяйства преимущественно рассматриваются и в литературе, и в отечественном законодательстве как экономический институт. Домохозяйственная проблематика активно анализируется в экономической теории в связи с тем, что домохозяйство «опосредует многие социально-экономические отношения; выступает важнейшим фактором перераспределения доходов, а следовательно, и формирования платежеспособного спроса; выступает в качестве базового потребителя на товарном рынке, а значит, и основной потребительской единицей; является фактическим монополистом

на рынке труда, определяя его предложение; является важным источником накопления капитала... а следовательно, источником экономического прогресса» [11]. При этом правовые науки традиционно скептически относятся к изучению домохозяйств, не выделяя и не изучая правовые основы их функционирования.

Нет сомнений в том, что домашнее хозяйство является одним из наиболее распространенных субъектов хозяйствования, способным самостоятельно участвовать в экономической деятельности и принимать решения, создавать для себя права и обязанности, участвуя в обязательствах от своего имени, нести экономическую ответственность за результаты своей хозяйственной деятельности. Домашние хозяйства свободно распоряжаются имеющимися у них ресурсами (материальными, трудовыми, финансовыми), а также доходами, полученными от своей хозяйственной деятельности. Домохозяйство даже экономистами признается организацией особого рода, «содержание хозяйственной деятельности которой имеет принципиальные особенности» [12, с. 39]. О важности выявления и изучения особенностей правового статуса домохозяйств указывают в своих работах Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкая и Ю. Г. Конаневич, отмечая при этом, что домохозяйства, не являясь субъектом права, «бесспорно выступают в качестве субъекта хозяйственной деятельности, участника банковских правоотношений и т. д.» [13, с. 26]. При этом авторы акцентируют внимание на необходимости определения особенностей различного уровня правового статуса домохозяйств: домохозяйств без статуса юридического лица и домохозяйств со статусом юридического лица (например, крестьянских (фермерских) хозяйств); единоличных, групповых и коллективных домохозяйств и т. п.

В экономической литературе зачастую домохозяйства рассматриваются вне контекста института семьи. Более того, утверждается, что понятие «домашнее хозяйство» и понятие «семья» не идентичны, и приводятся признаки, позволяющие отграничить институт домашнего хозяйства от института семьи. В числе таких признаков чаще всего выделяют:



– структуру: домохозяйство — понятие более широкое, чем понятие «семья», поскольку в систему отношений, определяемых категорией «домашнее хозяйство», могут быть вовлечены как лица, имеющие родственные связи, так и не имеющие их. Например, к домашним хозяйствам могут быть отнесены не-семейные пары без детей (совместно проживающие), друзья и коллеги, живущие вместе, и др. Этот вывод подтверждается указанием, содержащимся в п. 4.150 СНС-2008: «члены домашнего хозяйства не обязательно должны принадлежать к одной и той же семье, пока они делят ресурсы и потребление»;

– содержание: домашнее хозяйство — это субъект, участвующий в экономических отношениях, для которого значение имеют общность ведения домашнего хозяйства, общность ресурсов, используемых для этого, общность целей и решаемых задач. Для семьи указанные признаки не являются обязательными. Члены одной семьи могут проживать в одном жилом помещении, имея при этом самостоятельные источники доходов; они могут не вести совместное хозяйство; имуществом, принадлежащим каждому из членов семьи, они распоряжаются самостоятельно и в своих интересах. Иными словами, в основе понятия «домашнее хозяйство» лежит экономическая составляющая, в то время как понятие «семья» рассматривается с точки зрения родственных, духовных, морально-этических, психологических отношений и т. д.

Полагаем, что подобный подход является ошибочным. Именно семья или семейноподобные отношения составляют основу домохозяйств. Семья, по мнению В. А. Боброва, является ячейкой «процесса накопления общественного богатства, которая формирует стандарт не только материального, но и интеллектуального, чувственного и нравственного мира человека» [14, с. 164]. Семья, по мнению ряда исследователей, представляет собой «не только социальный и общественный институт, который с правовой точки зрения является образованием некоммерческого типа, но и хозяйствующий субъект, коммерческая и некоммерческая составляющие которого детерминированы и соотносятся в разных пропорциях» [15, с. 35].

Активная экономическая деятельность семейных домохозяйств способна повысить стоимость национального богатства. Основу деятельности семейных домохозяйств составляет прежде всего собственность домохозяйств. По справедливому замечанию М. М. Хайкина, «собственность домохозяйства — это особый не только правовой, но и экономический институт, который исследован недостаточно глубоко и комплексно... Вместе с этим собственность домохозяйства с научной точки зрения основополагающая категория, а с прикладной — необходимое условие принятия управленческих решений как во внутренней, так и во внешней среде домохозяйства» [15, с. 75]. Круг наиболее проблемных вопросов собственности домохозяйств, по мнению ученого, сводится к ситуациям «раздела имущества между супругами, в частности к правовому режиму имущества супругов, которое приобретено до брака, в период брака и при его расторжении; правовому режиму имущества супругов при условии заключения брачного договора до брака и во время брака; разделу имущества супругов (в период брака, при расторжении и после расторжения брака); ситуациям изменения статуса личного имущества мужа и жены в браке; процедуре рассмотрения споров в порядке судебного разбирательства о разделе совместного имущества мужа и жены; правовому режиму имущества лиц, состоящих в гражданском браке в результате последствий реальных брачных отношений по существу; специфике раздела имущества в зависимости от его вида (недвижимого, транспортных средств, вкладов, ювелирных изделий, долей, ценных бумаг, имущественных прав)» [15, с. 76].

Экономический потенциал домохозяйств напрямую зависит от демографических характеристик семьи. Так, по мнению В. А. Боброва, благоприятные демографические параметры семьи, наряду с наличием стартового капитала, соответствующей мотивации, определенной рыночной ниши, являются ресурсом, позволяющим наладить семейный бизнес, а следовательно, дать возможность домохозяйствам включиться в рыночные отношения в качестве конкурентоспособных хозяйственных единиц [14, с. 166]. В этой связи важным направлением правовых исследований видится изучение тех частно-правовых и публично-

правовых мер, посредством которых государство стремится стимулировать демографический потенциал семьи с целью определения их эффективности.

**Заключение.** Домохозяйство, несомненно, является общественным и правовым институтом, требующим своего тщательного анализа и определения. Основу большинства домохозяйств составляет семья — институт, трудно поддающийся изменениям, несмотря на исторически обоснованные попытки внести коррективы в ее структуру и общественные функции. Необходимо подчеркнуть, что именно эта историческая изменчивость и делает необходимым изучение современного состояния института домохозяйства в Республике Беларусь. Актуальность изучения домохозяйств в рамках правовой науки подтверждается важностью того факта, что семейное хозяйство, как правило, основано на общей совместной собственности, построено на организации совместного производства, что, без сомнения, оказывает большое влияние на всю современную экономику.

Изучение сущностных характеристик и функций домохозяйств как субъектов хозяйственных отношений позволит укрепить институт домохозяйства и повысить предпринимательскую инициативу его членов, что плодотворно скажется на развитии малого бизнеса, углублении конкуренции, увеличении рабочих мест и росте производительности общественного труда.

Немаловажное значение имеет и изучение домохозяйств с точки зрения правовой науки в контексте укрепления института семьи.

### ***Список использованных источников***

1. Бонадаренко, И. А. Домохозяйства в системе отношений экономических субъектов России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / И. А. Бонадаренко ; Армавирская гос. пед. академия. — СПб., 2014. — 37 с.
2. Денисова, Д. Е. Воспроизводственные функции домохозяйства и их поддержка государством : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Д. Е. Денисова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2003. — 32 с.

3. Попов, М. В. Домашнее хозяйство: эволюционно-функциональный подход : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / М. В. Попов ; Волгоград гос. технический ун-т. — Волгоград, 2003. — 24 с.

4. Заводчикова, Т. Б. Социально-экономическая роль домашних хозяйств / Т. Б. Заводчикова, Е. А. Мазная // Вестник самарского университета. Экономика и управление. — 2018. — № 4. — С. 12–17.

5. Хозяйственное право [Электронный ресурс] : учеб. программа учреждения высшего образования по учеб. дисциплине для специальностей 1-24 01 02 Правоведение, 1-24 01 03 Экономическое право. № УД-12352/уч. — Режим доступа: // <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310122>. — Дата доступа: 29.04.2024.

6. Бондаренко, Н. Л. К вопросу об институционализации фискального права [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22–23 апр. 2022 г. / отв. ред. И. А. Минникес. — Иркутск : Изд. дом БГУ, 2022. — С. 173–182. — Режим доступа: <http://lib-catalog.bgu.ru>. — Дата доступа: 06.01.2023.

7. Бондаренко, Н. Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. — С. 9–23.

8. Бондаренко Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Право.by. — 2022. — № 1. — С. 46–51.

9. Маринова, М. А. Основные социологические и экономические подходы к изучению домохозяйства / М. А. Маринова // Вестник РУДН. Сер. Социология. — 2004. — № 6–7. — С. 202–211.

10. Хафизова, А. Р. Домашнее хозяйство как участник налоговых отношений / А. Р. Хафизова, Э. О. Вафина // Евразийский союз ученых. — 2016. — № 3. — С. 125–129.

11. Митрофанова, В. В. Поведение домохозяйств в рыночной и трансформируемой экономиках [Электронный ресурс] / В. В. Митрофанова // Dissercat. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/povedenie-domokhozyaistv-v-rynochnoi-i-transformiruemoi-ekonomikakh>. — Дата доступа: 27.04.2024.

12. Хайкин, М. М. Проблемы управления хозяйственной деятельностью домохозяйства / М. М. Хайкин // Управление. — 2017. — № 1 (15). — С. 35–40.

13. Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим» / Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкая, Ю. Г. Конаневич — Актуальные проблемы гражданского права : науч. журнал // 2023. — № 1 (21). — С. 9–26.

14. Человеческий капитал / В. А. Бобров [и др.]. — М. : Инфра-М, 2017. — 289 с.

15. Хайкин, М. М. Собственность как основа управления хозяйственной деятельностью домохозяйства / М. М. Хайкин // Управление. — 2016. — № 3 (13). — С. 74–79.

30.04.2024.

### **T. M. Khaletskaya**

Associate Professor of the Department of Civil and Economic Law  
of the Institute of Management Personnel of the Academy of Public  
Administration under the President of the Republic of Belarus,  
PhD in Law, Associate Professor

## **HOUSEHOLD AS AN OBJECT OF LEGAL RESEARCH**

*Abstract.* In the specialized literature, households are most often analyzed from the standpoint of economic theory, philosophy, statistics, sociology, history, but not from the standpoint of law. At the same time, there is no doubt that the household is one of the most common economic entities, capable of independently participating in economic activity and making decisions, creating rights and obligations for itself, participating in obligations on its own behalf, and bearing economic responsibility for the results of its economic activity. The article attempts to justify the need to conduct a study of households from the point of view of legal science.

*Key words:* economic law, economic activity, household, family, individual.

## **РАЗДЕЛ III**

### **МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

УДК 347

**В. А. Витушко**

профессор кафедры гражданского и хозяйственного права  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
доктор юридических наук, профессор

#### **ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ**

*Аннотация.* Система межотраслевого института защиты прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйственной деятельности в современном законодательстве и праве государств — членов ЕАЭС не сформирована. В гражданском законодательстве имеет место дисбаланс открытого перечня субъективных прав и относительно закрытого перечня способов защиты прав и законных интересов. Исторически, особенно в древнеримском праве, всем субъективным правам, а в некоторых случаях и законным интересам для их защиты давалось право на иск. В современном праве стран ЕАЭС нет открытого перечня предупредительных исков, примерного перечня способов самозащиты, исков о защите общественных интересов. Суды могут применять собственное усмотрение только в ограниченных случаях. Требуется своей легализации на национальном уровне и в рамках ЕАЭС единый цивилизационный принцип справедливости как основа правоприменения. Граждане и субъекты хозяйствования сами несут бремя имущественных потерь и иных последствий, если не предпримут мер по защите и самозащите своих прав, используя авторитет, компетенцию и возможности публичных и негосударственных национальных, региональных и глобальных судебных (арбитражных), иных публичных и частных инстанций и процедур. При этом в ЕАЭС у граждан и субъектов хозяйствования нет универсального права ссылаться на обычаи и свои обыкновения при определении размера убытков. В превентивных целях досудебного урегулирования разногласий, защиты своих

прав, особенно в форме самозащиты, они должны максимально широко использовать договорные меры, способы и средства. Необходимо также использовать энергию и инициативу общественных объединений граждан и юридических лиц, средства массовой информации, посреднические процедуры.

*Ключевые слова:* самозащита, частноправовая защита, публично-правовая защита, институт защиты прав, законные интересы, способы защиты.

**Введение.** Современное состояние института защиты прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйственной деятельности (институт защиты прав) определяется национальными, межнациональными, наднациональными и глобальными интеграционными процессами. Институт защиты прав является комплексным, межотраслевым. Лицами, осуществляющими защиту прав, являются национальные и международные общественные (частные) и публичные, судебные, квазисудебные, иные организации, государственные органы, должностные лица и омбудсмены. К числу частных лиц относятся общественные (негосударственные) судебные и арбитражные организации, третейские суды. К публичным лицам, осуществляющим защиту прав субъектов хозяйствования, относятся специализированные экономические и иные суды, омбудсмены (омбудсмены могут быть и частными, например в банковских организациях) и др. Кроме того, публичные лица, обеспечивающие защиту прав субъектов хозяйствования, подразделяются на национальные, государственные и международные глобальные и региональные. К национальным публичным структурам, обязанным обеспечивать защиту прав субъектов хозяйствования, относятся правительства, представительные, а также иные государственные органы и должностные лица. К международным глобальным публичным организациям такого рода относятся ООН, ВТО, ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА и др. Глобальное интеграционное правосудие и защита прав субъектов хозяйствования в Республике Беларусь осуществляется в рамках Международного арбитражного суда (МАС) при Белорусской торгово-промышленной палате, а также в аналогичных арбитражных судах других стран

ближнего и дальнего зарубежья. Региональное межнациональное интеграционное правосудие и защита прав субъектов хозяйствования Республики Беларусь осуществляется Экономическим судом СНГ и Судом ЕАЭС. Для формирования полноценного и эффективного института защиты прав субъектов хозяйствования в рамках СНГ и ЕАЭС необходимо изучение своего национального и международного опыта, приемлемого с учетом национальных и региональных особенностей государств — членов ЕАЭС. Необходим комплексный подход к определению современного состояния и возможных направлений развития межотраслевого института защиты прав.

**Основная часть.** Институт защиты прав в истории цивилизации прошел ряд этапов и продолжает эволюционировать. Так, в период собирательного образа жизни человека разумного и последовательного перехода к производительному натуральному хозяйствованию, а затем товарному производству защита прав осуществлялась мерами общинного правосудия, посредничества авторитетных духовных лидеров, волей вождей [1]. У древних народов, включая славян, разрешение споров опиралось на примирительные процедуры, которые сохраняют свое значение и ныне. В древнеримской первобытной общине также существовал институт претора, изначально как частного лица, примирявшего спорящие стороны. Такие меры основывались на неразрывном единстве духовных и иных частных и общественных интересов, взаимопонимании и взаимодействии всех слоев общества той поры. Для первобытного человека разумного не было различий между личным (частным) и общественным (публичным). Он не оперировал понятиями частного, конкуренции интересов. Частное и общественное для первобытного человека было одно и то же. Это было время золотого века цивилизации. Позже единство частного и общественного было утрачено. И только в XVI в. с идеей утопистов человечество стало пытаться восстановить единство частного и общественного, но до сих пор не всегда удается найти баланс между частным и общественным, не говоря об их единстве.



Единство частных и общественных интересов исторически формировалось на основе соглашений, которые приобрели универсальную для цивилизации социально-правовую форму договоров. Это значит, что договор всегда выполнял и выполняет частноправовые и публично-правовые функции по регулированию общественных отношений, обеспечению исполнения обязанностей, осуществлению защиты и самозащиты прав на основе сбалансированного сочетания личных и неразрывно связанных с ними общественных интересов. Ошибочно думать, что договор есть сугубо частное соглашение двух и некоторого числа иных лиц. Как и семья, а позже и юридическое лицо, договор есть социально-правовой институт, обеспечивающий реализацию общественно значимых интересов, защищающий и иным образом затрагивающий интересы не только его субъектов, но и неопределенного числа третьих лиц, то есть всего общества. Для этого в договорах не только отражается единство воли их субъектов, но и используются меры формально-юридического свойства по определению их содержания, разрешению споров, использованию посредничества авторитетных частных лиц, медиации, мер обеспечения исполнения обязательств, оперативного воздействия на должников, дополнительные санкции, иные меры, способы и средства. С учетом изложенного первобытную систему защиты прав нужно рассматривать как *первый цивилизационный этап в формировании института защиты прав на основе соглашений и единства частных и общественных интересов*.

Впоследствии, с развитием товарно-денежных отношений, община заменялась государственной формой сообщества людей со своей системой защиты прав. Так, древнеримское государство взяло на себя роль властного посредника в разрешении споров. Во избежание самоуправства при самозащите оно обязало граждан обращаться за защитой прав в государственные суды. Защита прав в судах постоянно видоизменялась.

Изначально судьи были частными выборными лицами. Позже правосудие осуществлял судья-чиновник, который руководствовался формулами иска, определяемыми претором, ставшим государственным должностным лицом [2, с. 59–64].

Древнеримскую систему права юрист Гай описывал так: «все то право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к правовым действиям [искам]» [2, с. 22]. Давая разъяснение данному постулату, российский профессор С. А. Муромцев писал, что древнеримские юристы «сводили всю сущность права как такового на судебный иск, которым оно защищалось. Они даже почти нигде не говорят о правах, но только об исках» [3, с. 586]. Советские правоведы И. Б. Новицкий и И. С. Петерский также признавали, что «римское частное право есть система исков» [2, с. 64].

Профессор С. А. Муромцев, как и другие указанные авторы, отмечал особенности древнеримской государственной судебной защиты прав следующим образом. Во-первых, они выражались в том, что для предъявления иска в суд требовалось предварительно получить по каждому индивидуальному делу формулу иска у магистрата (консула, претора). Во-вторых, в Древнем Риме не всякая исковая защита утверждала наличие права. Защита давалась и при отсутствии констатации права. В частности, по словам С. А. Муромцева, «римляне давали судебную защиту владению и тем не менее не признавали его правом» [3, с. 587]. Как нам представляется, такой подход стал *первым историческим прецедентом зарождения представлений о необходимости защиты не только прав, но и законных интересов*. В то же время претор мог самостоятельно принять решение по существу, не передавая дела в суд [2, с. 61–63, 76, 88].

Из сказанного можно сделать и еще один вывод, что предоставление защиты при отсутствии констатации права, но при наличии формулы иска претора означало признание *открытого перечня способов защиты прав в древнеримском праве, который мог расширяться волей государственных должностных лиц*. Это существенно повышало действенность и эффективность процесса защиты прав, поскольку претор, действуя параллельно с судом, имел право на собственное усмотрение. Особенности древнеримской государственной защиты прав, адаптированные к средневековой Европе болонской школой глоссаторов, были переняты последующими европейскими системами защиты прав с учетом своих национальных особенностей. Зарождение

*государственной защиты прав можно считать вторым этапом в развитии института защиты прав.*

Но рассматривать складывавшуюся в те времена защиту прав как самостоятельный институт нельзя. Первым пробелом в нем было то, что в древнеримском праве не было четких понятий и терминов «объективное», «субъективное право», подлежащих защите. В древнеримском праве не было индивидуализации и иных системформирующих понятий. Так, термин *ius* означал не только право, но и норму права, а также право как систему в целом [2, с. 12].

Определения и разграничения понятий субъективного и объективного права в древний период истории Рима не могли быть в силу сохранявшегося еще единства интересов личности и общества той поры. Данное обстоятельство нашло свое отражение в законах XII таблиц V в. до н. э., закреплявших это единство. Попытка древнеримского юриста Ульпиана в III в. н. э. абсолютно разделить право на частное и публичное, опираясь на индивидуализм древнегреческой эпикурейской философии, стоицизма и иных течений, зародившихся в IV–III вв. до н. э., закончилась для него печально — он был казнен. Данные философские течения не получили широкого распространения, хотя и были популярными среди отдельных представителей греко-римского мегаполиса. Кроме того, объективные права формализуются законодательно и трансформируются в субъективные по факту их осуществления личностью. А у римлян наличие права, которому предоставлялась защита, определялось претором. Причем, предоставляя защиту, претор не давал «право на иск», а говорил следующую фразу: «Я даю иск» [2, с. 17]. Соответственно, совокупность норм и понятий о защите прав той поры носила не системный, а фрагментарный характер. И. Б. Новицкий и А. С. Перетерский в своем учебнике о древнеримском праве включили авторский «Раздел II. Осуществление и защита прав» лишь для целей более понятного современного восприятия защиты прав в Древнем Риме, а не отражения наличия там данного института [2, с. 23].

Важно отметить и то, что централизация государством системы защиты прав влекла за собой универсализацию этой системы и видов исков. Данная *универсализация системы защиты сочеталась с индивидуализацией защиты конкретного лица в каждой конкретной ситуации формулами претора* [2, с. 66]. Универсализм древнеримской защиты прав обусловлен, во-первых, общеобязательностью исковой формы защиты. Во-вторых, претор публиковал в систематическом порядке формуляры исков, носивших обобщенный (универсальный) характер. Профессор С. А. Муромцев в связи с этим говорил об обобщении в древнеримском праве «формул исков, соответствующих целой группе правомочий» [3, с. 589]. С методологической точки зрения сочетание универсальных и индивидуальных способов защиты в древнеримской системе защиты можно охарактеризовать как проявление единства комплексно-индивидуальных подходов.

В то же время в древнеримском праве система исков еще не различала исков о защите вещных и личных неимущественных прав. К защите личных неимущественных прав по аналогии применялись иски о защите вещных прав. Некоторые авторы указывают, что древнеримскому праву были известны иски о признании сделок недействительными [4]. Данные утверждения можно рассматривать не иначе как романтическое перенесение на древнеримскую почву современных правовых представлений о сделках. В действительности древнеримское право не имело столь высокого уровня абстракции, чтобы сформировались представления, а тем более учение о понятии и системе сделок [2, с. 22]. Первая теория юридических фактов как основа для возникновения представлений о сделках была разработана Савиньи в начале XIX в. Причем данная теория ограничивалась системой событий [5, с. 623]. Виды действий в ней не рассмотрены. Система сделок как обособленный институт не была закреплена даже с принятием 21 марта 1804 г. Французского гражданского кодекса.

В то же время привлекательной особенностью древнеримской системы защиты прав было наличие в ней защиты ответчиков от неправомерного предъявления исков истцами. Так, в случае предъявления иска при отсутствии действительного права ответчик мог возбудить против истца *иск о сутяжничестве* с понуждением истца к уплате десятой доли от иска в пользу ответчика [2, с. 92]. Такого рода гражданско-правовой защиты ответчиков *нет в современном гражданском праве ЕАЭС*.

*Третий этап развития системы защиты прав в рамках европейской цивилизации зарождался в период Новой истории.* Он характерен тотальным распространением индивидуалистических интересов и настроений в европейских странах, признанием высшими ценностями общества личных свобод человека, равенства людей, независимо от их имущественного и социального статуса, что нашло свое отражение в буржуазных революциях, законодательно закрепивших указанные идеи (принципы). Наиболее ярко индивидуальный подход к защите прав каждой личности нашел свое отражение *в англосаксонской системе права*.

Признаки общего и особенного у древнеримской и англосаксонской системы защиты прав выражаются следующим образом. Во-первых, древнеримская и англосаксонская системы защиты используют в той или иной мере связь и единство универсализма и индивидуализма способов защиты. Но в древнеримской системе это сочетание проистекало прежде всего из вышеуказанных «обобщений» претором своих индивидуальных формул исков, а в англосаксонской системе обобщались судебные прецеденты. Публикации формул исков осуществляли государственные должностные лица, что придавало этим публикациям абсолютно обязательный характер для судьи. В то же время публикации судебных прецедентов англосаксонского права и попытки их универсализации носят частный, авторский, а значит рекомендательный характер. В Древнем Риме судебным решениям не придавалась сила обязательного прецедента. Решение древнеримского суда должно было опираться на формулу пре-

тора, а не предыдущий прецедент. Универсализация англосаксонской защиты прав основывалась на относительной обязательности некоторых общих положений судебных прецедентов. Ошибочно думать, что англосаксонское право есть система застывших прецедентов. Уважающий себя английский судья всегда придает каждому своему решению индивидуальный прецедентный характер. Прецедентное англосаксонское право — это динамично и постоянно развивающаяся система защиты прав. Англосаксонская система правосудия и защиты прав опирается на сочетание универсального предшествующего судебного прецедента и индивидуального судебного усмотрения судьи по каждому новому делу. Причем решение по каждому новому делу способно стать новым универсальным прецедентом. С XX в. в этой системе защиты активно развивается законотворчество, формирующее универсальные способы и средства защиты наряду с судебными прецедентами.

Во-вторых, единый цивилизационный принцип справедливости при отсутствии нормы права и должных иных ориентиров для разрешения дела древнеримские суды применяли самостоятельно, как и впоследствии англосаксонские суды. В ЕАЭС принцип справедливости закреплен законодательством не всех стран — членов этого союза. Так, принцип справедливости не упомянут в ст. 2 ГК Беларуси, ст. 1 ГК России. А вот ст. 2 ГК Казахстана предусматривает, что субъекты гражданских правоотношений осуществляют свои права на началах справедливости. Это дает право судам руководствоваться принципом справедливости при разрешении споров. *Данный опыт следует унифицировать в рамках ЕАЭС.*

С принятием Французского гражданского кодекса (далее — ФГК) институт защиты гражданских прав также получил свое развитие. Но и на этом этапе развития европейской цивилизации нормы о защите прав не были объединены в самостоятельный правовой институт. Позитивным в новой французской системе защиты прав стало то, что *в отличие от древнеримской системы исковых формул претора граждане и субъекты хозяй-*

*ственной (предпринимательской) деятельности Франции получили всеобщее право на судебную защиту. Данное всеобщее (универсальное) право на судебную защиту стало основой системы защиты частных прав в Европе. Кроме того, впервые в истории, согласно ст. 4 Вводного титула ФГК, судья, который откажется судить под предлогом молчания, неясности или недостаточности закона, может подлежать преследованию по обвинению в отказе от правосудия. Тем самым впервые было законодательно легализовано право суда континентальной системы права на собственное усмотрение при рассмотрении дел, что отличало его от компетенции древнеримского судьи, который был ограничен в своем усмотрении формулой иска претора. Одновременно это сближало французскую и англосаксонскую системы защиты прав. Причем французскому суду было запрещено выносить решение «в виде общего распоряжения», ориентируя суд на учет конкретных обстоятельств каждого дела и индивидуализацию своего решения (ст. 5 ФГК). Кроме того, в правовом мышлении европейской цивилизации уже сложилась абстрактная система гражданских субъективных прав, подлежащих защите. Однако французская доктрина времени принятия ФГК основывалась на том, что «различные виды исков соответствуют различным, уже известным видам прав», то есть законодательно определенным [6, с. 93]. Это сужало перечень видов исков и отличало систему защиты ФГК от древнеримской системы защиты, в которой виды исков оперативно определялись претором, а не законом.*

В свою очередь, система защиты по ФГК отличалась от защиты в англосаксонском праве, где виды исков определялись судебными прецедентами. Тем не менее *логика и методология развития мышления человека и общественных отношений такова, что всякое частное (индивидуальное) имеет свойства и общего (универсального)*. Поэтому с течением времени в индивидуальных судебных решениях французских судов по защите конкретных прав все больше обнаруживались универсальные признаки и свойства исков. Наглядным примером трансформации индивидуального иска в свою универсальную форму является

практика применения ст. 1382 ФГК. Данная норма изначально была направлена на предоставление права возмещения вреда по внедоговорным обязательствам. Но с течением времени она стала применяться и к отношениям, связанным с проявлениями монополистической деятельности, а также иным квазиделиктным действиям. Таким образом, *эта норма приобрела статус генерального деликта*, устанавливая универсальное правило об ответственности за виновные деяния. Отмечая особенности развития института защиты прав в Европе, профессор С. А. Муромцев писал, что известное древнеримскому праву обобщение исков «в настоящее время... достигло своих крайних пределов: одна форма иска защищает все права» [3, с. 589]. Таким образом, только к концу XIX в. универсализация видов исков в Европе получила легальное развитие.

Одновременно судебное прецедентное право Франции, а вслед за ней и других стран континентальной Европы сближалось с англосаксонским правом в части возвышения роли судебного индивидуального правоприменения. Ныне система судебного прецедентного права в западноевропейском правоприменении повсеместна.

Виды исков в ФГК были рассредоточены в его трех книгах. Так, ст. 8 Книги первой «О лицах» ФГК *установила судебную защиту личного немущественного права*. Согласно данной норме «каждый имеет право на уважение его частной жизни», а нарушение этого права позволяло судье вынести вердикт о возмещении причиненного вреда, а также предписать любые иные меры, препятствующие посягательству на тайну частной жизни или пресечь посягательства. Статья 526 Книги второй «Об имуществе и различных видоизменениях собственности» устанавливает право на «иски, имеющие своим предметом возвращение недвижимого имущества». А ст. 545 ФГК устанавливает запрет на «принуждение к уступке своей собственности», кроме случаев, когда это необходимо «по причине общественной пользы и за справедливое и предварительное возмещение». Данный запрет вытекал из того, что ФГК изначально основывался на приоритете принципа священности и неприкосновенности права



частной собственности. В современных условиях ФГК уже обременяет интересы собственника общественными интересами. Тем не менее *ФГК сохраняет баланс, паритет, равенство частных интересов собственника и общественных интересов при защите права собственности*. ФГК не использует таких терминов, как «прекращение, изъятие, лишение права собственности», «изъятие земельного участка для государственных нужд». Нет в ФГК и указаний о «приоритете общественных интересов». ФГК легализует правило, согласно которому принуждение связано с правом гражданина *«уступить свою собственность или не уступить»*. А если собственник не намерен уступать свою собственность, то общество должно обратиться в суд и доказать в суде наличие общественной пользы. Примечательно, что в данной норме ФГК интересы государства как субъекта гражданских правоотношений, а тем более их приоритет не выделяются. Это означает, что положительный эффект от принятия частной собственности в общественную собственность должен быть получен всем обществом, неопределенным числом всех частных лиц, а не только государством.

Не закрепляло приоритета государственных или общественных интересов и советское гражданское право. В ст. 1 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. (далее — Основы гражданского законодательства) было дословно сказано, что советское гражданское законодательство способствует «охране материальных и культурных потребностей граждан и правильному сочетанию этих интересов с интересами общества». *Нет такого приоритета и в нынешнем гражданском законодательстве России и Казахстана как партнеров Беларуси в ЕАЭС*. Данный приоритет следует исключить из ст. 2 ГК Беларуси, поскольку при отсутствии унифицированного гражданского законодательства Беларуси с законодательством государств — членов ЕАЭС белорусские субъекты хозяйственной деятельности не смогут эффективно защищать свои экономические права и законные интересы.

*В Российской империи к началу XIX в. в составе законов, регулировавших материальные гражданско-правовые отношения, по примеру римских институций излагались и нормы гражданского судопроизводства.* Так было в первых двух изданиях X тома Свода законов Российской империи 1832 и 1842 гг. Но с течением времени (во второй половине XIX в.) процессуальные нормы в основном были выделены в особые уставы, а в гражданских законах остались некоторые постановления об охране прав, имеющие особенно тесную связь с материальным гражданским правом (например, ст. 690–694 Свода законов «О праве судебной защиты по имуществам» и др.). Эта тенденция получила развитие и при подготовке проекта Гражданского уложения, который должен был содержать лишь немногие общие правила об охране прав (о способах охранения прав и об исковой давности), выделенные в самостоятельный пятый раздел [9, с. 505, 506].

*Германское гражданское уложение от 18 августа 1896 г. (далее — ГГУ) также не содержало единого межотраслевого либо отраслевого правового института защиты прав, а также системы универсальных способов защиты гражданских прав* [7, с. 122–185]. Российский цивилист Д. И. Мейер писал, что судебная защита гражданских прав там рассматривается как институт не столько материального, сколько процессуального гражданского права. В состав материального гражданского права включалась только самозащита [8, с. 303]. Даже с учетом дополнений и изменений ГГУ, как писала профессор М. Г. Масевич, гражданские права не имели «фактического обеспечения» [7, с. 124].

Позитивным было закрепление в параграфе 12 Книги первой «Общая часть» ГГУ нормы, что в том случае, если право на имя оспаривается другим лицом или интересы одного лица нарушаются тем, что другое лицо неосновательно присваивает себе такое же имя, управомоченное лицо может потребовать устранения нарушения. *А при опасении дальнейших нарушений лицо может предъявить требования о запрещении нарушений в будущем.* Это

значит, что защита такого права допускалась не только в силу последствий правонарушения, но и необходимости недопущения нарушений субъективного права в будущем. Таким образом, формула данного искового требования предусматривает *право на предъявление предупредительного иска*. В государствах постсоветского пространства *предупредительные иски не легализованы как универсальный способ защиты всех субъективных прав*. Такого иска в ст. 11 ГК Беларуси и законодательстве других государств — членов ЕАЭС нет. Исключение составляет право на предупредительный иск в силу ст. 934 ГК Беларуси и аналогичных норм государств — членов ЕАЭС для предупреждения причинения вреда во внедоговорных обязательствах.

Представляется, что предупредительные иски могли бы предъявляться при применении подпунктов 3 и 11 ст. 11 ГК Беларуси, абзацев 3 и 12 ст. 12 ГК России, дающих право на пресечение действий, создающих угрозу нарушения права, а также прав на прекращение или изменение правоотношений, установленных законодательством. Отсутствие общего права на предупредительные иски создает предпосылки для недобросовестной конкуренции и иных правонарушений. Это особо необходимо для защиты имени, чести, достоинства и деловой репутации. Защита данных прав после их нарушения неспособна восстановить в прежнем состоянии доброе имя, лояльное отношение неопределенного числа потенциальных партнеров субъекта хозяйственной деятельности, равно как и компенсировать все убытки и иные прямые и косвенные потери потерпевшей стороны. защите должен подлежать любой юридически значимый личный интерес граждан и субъектов хозяйственной деятельности, вытекающий объективным образом из существа договора и иных правоотношений. Касательно возможности взыскания вреда, вытекающего из деликта, который может возникнуть в будущем, позитивным примером является действующая редакция ст. 14 ГК Беларуси и аналогичных норм законодательства государств — членов ЕАЭС.

Характерным для периода Новой истории было то, что в условиях господства частного индивидуализма государства

отказались брать на себя функции по защите прав граждан, легализовав для этого буржуазный принцип судебной состязательности. В условиях действия этого принципа бедные слои населения и малый бизнес не всегда способны защитить свои права. *В рамках ЕАЭС можно использовать опыт советских государственных судов, которые обременялись обязанностями содействовать процессуальными мерами гражданам в собирании доказательств в целях защиты их прав.*

Первое советское государство, принявшее Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г., в ст. 1 устанавливало, что гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречие с их социально-хозяйственным назначением. Аналогичным было и содержание ст. 1 и 2 Гражданского кодекса БССР от 2 февраля 1923 г. Но в данных кодексах не было *норм, закреплявших открытый перечень способов защиты*. Как ФГК и ГГУ, данные кодексы закрепляли гражданские права, но защита предоставлялась только обособленно для отдельных прав. Литература тех лет по гражданскому праву также демонстрирует поверхностные и несистемные подходы к освещению института защиты прав, причем авторы склоняются к приданию процессуальному праву большего веса, чем материальному гражданскому праву. Так, в учебнике профессора С. И. Вильнянского институту защиты прав посвящен объем полутора страниц, да и то описывающих в основном процессуальные аспекты [10, с. 86, 87]. Таким образом, состояние института защиты прав в советском праве системно не отличалось от защиты права в рассмотренных выше зарубежных гражданских кодексах.

Одним из первых примеров универсальной системы способов защиты гражданских прав можно назвать нормы ст. 6 Основ гражданского законодательства. Но данные Основы гражданского законодательства не закрепляли открытый перечень способов защиты и имели ряд иных недостатков. Эти пробелы отчасти восполнялись ст. 5 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судеустройстве в СССР от 8 декабря 1961 г.,

закреплявшей всеобщее право на судебную защиту. Впоследствии в гражданских кодексах союзных республик перечень способов защиты был приведен, но оставался относительно закрытым, поскольку иные способы защиты прав могли быть определены только законом, а не правоприменителями. Но в это время законодательство вовсе *не предусматривало права на самозащиту*. Только Модельный ГК СНГ в ст. 14 предусмотрел самозащиту. Гражданские кодексы государств — членов ЕАЭС также содержат нормы о самозащите (ст. 13 ГК Беларуси, ст. 14 ГК России, п. 3 ст. 9 ГК Казахстана и др.). В то же время *примерный перечень способов самозащиты законодателем не определен*. Советское гражданское законодательство также не выделило защиту прав в отдельную главу как особый институт, несмотря на предложения советского профессора А. Л. Маковского и др. [11, с. 188].

Для современного правоприменения на постсоветском пространстве характерно, что в государствах — членах ЕАЭС апелляционные, кассационные, надзорные инстанции и верховные суды ориентируют практику судов первой инстанции указаниями на индивидуальные подходы к рассмотрению материалов и вынесению решений по каждому конкретному делу. Такая индивидуализация судебных решений является объективно необходимой, апробированной в процессе становления и развития института защиты прав в рамках европейской цивилизации. Однако законодательных тому оснований у постсоветских судов недостаточно. Так, у судов нет общего права на собственное усмотрение при рассмотрении каждого конкретного дела. Собственное усмотрение суды могут проявить только в рамках отдельных случаев, предусмотренных законодательством, например в рамках ст. 175, 176 ГК Беларуси, ст. 174, 175 ГК России либо в случаях, когда норма законодательства носит оценочный характер. Кроме того, законодательно не предусмотрено право судов выносить универсальные решения, то есть право творить универсальные, общеобязательные прецеденты. А без уравнения правового статуса судов и законодателя, то есть без реализации принципа разделения властей, предполагающего раздел

их компетенции творить индивидуальное и одновременно универсальное право, невозможна сбалансированность и стабильность правотворчества и правоприменения. При этом надо знать, что право судов творить универсальные нормы поведения, наряду с законодателями, достаточно системно проявляется на практике. Так, законодатель объективно создает универсальные нормы права, хотя и стремится их принимать под новые индивидуальные общественные отношения. В свою очередь, текст судебного решения всегда индивидуален. В то же время еще советской судебной практике было известно такое правовое явление, как универсальные судебные обычаи, например определения того, что такое уважительная причина пропуска срока исковой давности, неявки на работу, которые по каждому конкретному делу каждый суд определял индивидуально в силу своего судебного усмотрения. Данные прецеденты приобретали универсальный характер в процессе их последующего многократного применения. Легальность таких универсальных судебных норм права не вызывает сомнений и сегодня. Они действуют наряду с вышеуказанными законодательно установленными судами случаями осуществления собственного усмотрения. Кроме того, суды обязаны в силу процессуального законодательства предоставлять защиту субъективных прав и законных интересов независимо от наличия пробелов в законе, то есть отсутствия легализации в законе соответствующих прав, опираясь на свое усмотрение (ст. 6 ГПК Беларуси). Действующая система защиты прав в ЕАЭС основана на приоритете законодательства над индивидуальным правоприменением. Системе защиты прав в ЕАЭС недостает волевого законодательного признания общего права судов на судебное усмотрение по каждому конкретному делу.

Как уже сказано, ст. 6 Основ гражданского законодательства, а также ст. 6 Гражданского кодекса БССР от 11 июня 1964 г., в том числе в редакции от 3 марта 1994 г., предусматривали *относительно закрытый перечень способов защиты*. Сами субъекты хозяйственной деятельности не могли определить способ защиты по своему усмотрению. Нынешний ГК Беларуси 1998 г.

также способы защиты прав перечисляет в ст. 11, как и в других странах ЕАЭС, чем повторяются нормы советского законодательства. Тем самым не создаются условия для активной самозащиты своих прав субъектами хозяйственной деятельности государств — членов ЕАЭС. Не учитывается, что по смыслу ст. 7 и 17 ГК Беларуси, а также ст. 8 и 18 ГК России и аналогичных норм иных государств — членов ЕАЭС *перечень имущественных и личных неимущественных прав граждан носит открытый характер, тогда как перечень способов защиты этих прав носит закрытый характер*. Такое правовое регулирование прав и их защиты нельзя назвать сбалансированным. Это противоречит и тому факту, что каждое субъективное право содержит в себе своим элементом право на защиту. Одно без другого субъективное право и право на его защиту не существуют. Коль есть право, должна быть обеспечена и его защита. Действующая система защиты прав в ЕАЭС сохраняет советскую систему административно-командных методов регулирования гражданских и хозяйственных отношений, не предоставляя право расширять перечень способов защиты и должностным лицам, как это делалось преторами Древнего Рима, либо Верховным судам государств — членов ЕАЭС. Необходимо закрепить в ст. 11 ГК Беларуси и унифицировать в рамках ЕАЭС норму о том, что *граждане и юридические лица вправе сами определять способы защиты своих субъективных прав (виды исков), если это не противоречит законодательству*.

Национальные и наднациональные судебные, административные органы и должностные лица осуществляют защиту прав субъектов хозяйствования, как правило, только по инициативе самих субъектов хозяйствования. Это значит, что субъекты хозяйствования осуществляют защиту и самозащиту своих прав и законных интересов самостоятельно, а также с использованием компетенции государственных, межгосударственных, наднациональных и глобальных международных судебных и иных органов, общественных судебных организаций, объединений, должностных лиц и иных правовых институтов.

При этом защита прав в национальных и наднациональных судебных и административных органах не всегда эффективна.

Так, постсоветские суды не наделены правом по своему усмотрению определять разумный размер убытков либо выносить решения о взыскании символической суммы убытков, как это было в древнеримском праве [2, с. 67], если их размер не удалось доказать заявителю иска, но правонарушение налицо. У субъектов хозяйствования Беларуси нет прав ссылаться на обычаи и свои обыкновения при определении размера затрат и потерь при нарушении договоров контрагентами.

**Заключение.** Система межотраслевого института защиты прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйственной деятельности в современном законодательстве и праве государств — членов ЕАЭС не сформирована. Не сформирован в должной мере данный институт и в рамках гражданского материального и процессуального права. В гражданском законодательстве имеет место дисбаланс открытого перечня субъективных прав и относительно закрытого перечня способов защиты этих прав. Исторически, особенно в древнеримском праве, всем правам, а в некоторых случаях и законным интересам для их защиты давалось право на иск. В современном праве стран ЕАЭС нет открытого перечня предупредительных исков, примерного перечня способов самозащиты, исков о защите общественных интересов. Национальные и наднациональные судебные, административные, иные институты и должностные лица осуществляют гражданско-правовую защиту при условии официального обращения к ним граждан и субъектов хозяйствования либо путем принятия нормативных правовых актов, мер протекционизма и иных косвенных мер. И только в случаях совершения уголовных, административных и некоторых иных правонарушений публичные инстанции могут сами инициировать защиту потерпевших. Суды могут применять собственное усмотрение только в ограниченных случаях. Так, суды не могут определять размер убытков на основе принципов доброй совести и справедливости, если их размер не доказан. Требуется своей легализации на национальном уровне и в рамках ЕАЭС единый цивилизационный принцип справедливости как основа правоприменения.



Граждане и субъекты хозяйствования сами несут бремя имущественных потерь и иных последствий, если не предпримут мер по защите и самозащите своих прав, используя авторитет, компетенцию и возможности публичных и негосударственных национальных, региональных и глобальных судебных (арбитражных), иных публичных и частных инстанций и процедур. В ЕАЭС у граждан и субъектов хозяйствования нет универсального права ссылаться на обычаи и свои обыкновения при определении размера убытков. В превентивных целях досудебного урегулирования разногласий, защиты своих прав, особенно в форме самозащиты, они должны максимально широко использовать договорные меры, способы и средства. Необходимо также использовать энергию и инициативу общественных объединений граждан и юридических лиц, средства массовой информации, посреднические процедуры.

В зарубежной и отечественной юридической литературе принято разделять системы (семьи) права отдельных народов и цивилизаций с уклоном на абсолютизацию их индивидуальности. В данном исследовании на примере института защиты прав установлено, что англосаксонская система (семья) общего права и европейская континентальная романо-германская система (семья) права при всей своей обособленности и индивидуальности имеют общие правовые основы развития и функционирования. Эта общность просматривается на всех четырех этапах развития института защиты прав.

*Первый этап становления института защиты прав* протекал в первобытный период истории цивилизации и характерен использованием самозащиты, договорных способов и средств защиты и урегулирования разногласий, а также общинных форм защиты, включавших общинные суды, посредничество авторитетных духовных лидеров и волевые решения вождей.

*Второй этап становления института защиты прав* пришел с момента появления государств и вытеснения самозащиты обязательной защитой прав в государственных судах. Древнеримская система правопорядка и защиты прав демонстрирует

в Европе переход от частного посредничества преторов в определении формул исков и разрешения споров избранными судьями к последующему переходу к определению формул исков преторами как государственными должностными лицами и разрешению споров судьями из числа государственных должностных лиц. Также данная система защиты дает первый пример индивидуального определения формул способов защиты для всех прав и некоторых законных интересов, а также универсального определения способов защиты путем обобщения исков. Кроме того, древнеримская система защиты породила предупредительные иски и иные способы защиты, каких нет и в некоторых современных национальных системах защиты.

*Третий этап становления института защиты прав* стал развиваться в период Новой истории и характерен тотальным распространением индивидуалистических интересов и настроений в европейских странах, появлением исков о защите личных неимущественных прав и представлений о субъективных правах, подлежащих защите. В это время буржуазными революциями были закреплены принципы равенства и свободы граждан, законодательно легализовано всеобщее право граждан на судебную защиту, что обусловило отстранение государства от защиты прав и интересов отдельных граждан. Получило дальнейшее развитие сбалансированное сочетание индивидуальных и универсальных исков, легализовано право судов на собственное усмотрение, включавшее применение принципа справедливости. Но и в этот период способы защиты и вся система защиты еще не были объединены в единый правовой институт. Существовала неопределенность в вопросе соотношения норм материального и процессуального права с некоторым перевесом приоритета норм процессуального права.

*Четвертый этап становления института защиты прав* начался с первой половины XX в. Он обусловлен переходом от индивидуалистической правовой идеологии к формированию социального государства и права, основанного на сбалансированном сочетании частных и общественных интересов. Первой

экспериментальной попыткой создания такого государства и права было советское социалистическое государство. Для данного этапа характерно зарождение межнациональной (международной) системы защиты прав, включающей региональные и глобальные институты, формы, способы и средства защиты прав.

### ***Список использованных источников***

1. Костогрызов, П. И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки : монография / под ред. В. Н. Руденко. — М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2018. — 248 с.
2. Римское частное право : учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. — М. : Зерцало-М, 2012. — 560 с.
3. Муромцев, С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву / С. А. Муромцев. — М. : Центр-ЮрИнфоР, 2004. — 765 с.
4. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного : учебник / Ч. Санфилиппо / под ред. Д. В. Дождева. — М. : Изд-во «БЕК», 2002. — 400 с.
5. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву / О. С. Иоффе. — М. : Статут, 2000. — 777 с.
6. Жюллио де ла Морандьер, Л. Гражданское право Франции : в 2 кн. / Л. Жюллио де ла Морандьер. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. — Кн. 1. — 742 с.
7. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран : сб. нормативных актов: гражданские и торговые кодексы : учеб. пособие / под ред. В. К. Пучинского, М. И. Кулагина. — М. : Изд-во УДН, 1986. — 336 с.
8. Мейер, Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902 г. Изд. 2-е. испр. / Д. И. Мейер. — М. : Статут, 2000. — 831 с.
9. Проектъ книги первой Гражданского уложенія съ объяснительною запискою. — С.-Петербургъ, 1985. — 521 с.
10. Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву / С. И. Вильнянский. — Харьков : Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1954. — Ч. I. — 339 с.
11. Маковский, А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А. Л. Маковский. — М. : Статут, 2010. — 736 с.

15.04.2024

## **V. A. Vitushko**

Professor of the Department of Civil and Commercial Law  
of the Academy of Public Administration under the President  
of the Republic of Belarus, Doctor of Law, Professor

### **HISTORICAL LESSONS IN THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE FOR THE PROTECTION OF RIGHTS**

*Abstract.* The system of an intersectoral institute for the protection of the rights and legitimate interests of citizens and business entities in the modern legislation and law of the EAEU member states has not been formed. In civil legislation, there is an imbalance between an open list of subjective rights and a relatively closed list of methods for protecting rights and legitimate interests. Historically, especially in ancient Roman law, all subjective rights, and in some cases legitimate interests, were given the right to sue for their protection. In the modern law of the EAEU countries, there is no open list of preventive claims, an approximate list of self-defense methods, or claims for the protection of public interests. Courts can exercise their own discretion only in limited cases. A single civilizational principle of justice as a basis for law enforcement requires its legalization at the national level and within the EAEU. Citizens and business entities themselves bear the burden of property losses and other consequences if they do not take measures to protect and self-defense their rights, using the authority, competence and capabilities of public and non-governmental national, regional and global judicial (arbitration), other public and private instances and procedures. At the same time, in the EAEU, citizens and business entities do not have a universal right to refer to customs and their own practices when determining the amount of damages. For preventive purposes, pre-trial settlement of disagreements, protection of their rights, especially in the form of self-defense, they must use contractual measures, methods and means as widely as possible. It is also necessary to use the energy and initiative of public associations of citizens and legal entities, the media, and mediation procedures.

*Key words:* self-defense, private law protection, public law protection, institution of protection of rights, legitimate interests, methods of protection.

**Е. А. Гурьева**

доцент кафедры хозяйственного права  
юридического факультета Белорусского государственного  
университета, кандидат юридических наук

## **СИСТЕМА ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ**

*Аннотация.* В настоящее время электронное правосудие находится на этапе активного развития. Об актуальности развития электронного правосудия в информационном обществе и электронном государстве свидетельствуют значительные изменения, происходящие ввиду внедрения в процесс судопроизводства технических средств, способствующих реализации большинства функций судебной системы. Информатизация судебных органов с каждым годом охватывает все больше сфер судебного процесса. Информационные коммуникационные технологии позволяют сократить время рассмотрения дел, минимизировать трудовые затраты, сократить материальные издержки как суда, так и участников процесса. Это может и должно служить решению задач гражданского судопроизводства, обеспечивая высокую степень доступности правосудия. В статье рассматриваются вопросы определения понятия системы электронного правосудия, ее элементов. Приводятся аргументы и доводы в обоснование разделения элементов системы электронного правосудия на два вида: элементы, применяемые и используемые для совершения процессуальных действий; элементы электронного обеспечения судебной деятельности.

*Ключевые слова:* электронное правосудие, элементы электронного правосудия, электронный документ, электронная подпись, аудиопротокол, видеоконференцсвязь, информационные коммуникационные технологии.

**Введение.** В настоящее время физические и юридические лица имеют возможность взаимодействовать друг с другом посредством сети Интернет или закрытых автоматизированных систем, дистанционно ведут переговоры, участвуют в торгах, за-

ключают сделки. Гражданское законодательство и правоприменительная практика предусматривают возможность заключения договоров посредством подписания документов электронной цифровой подписью, направления электронной почтовой корреспонденции и даже документооборота через мессенджеры. Указанные факторы требуют уделять все больше внимания цифровизации именно цивилистического процесса. Целью настоящей работы является определение системы электронного правосудия и ее элементов.

**Основная часть.** Согласно статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь, количество гражданских дел, рассматриваемых судами республики, составляет чуть меньше половины от общего количества дел, поступивших в суды общей юрисдикции и принятых к производству. Так, в 2020 году в рамках гражданского судопроизводства рассмотрено 207 290 дел (38,5 %), в 2021 году — 189 827 дел (43,4 %) [1].

Таким образом, гражданский процесс занимает одно из лидирующих мест в судопроизводстве Республики Беларусь, следовательно, его совершенствование в контексте активно развивающегося информативного общества должно стать одной из приоритетных задач государства.

Применение и использование в цивилистическом процессе IT-технологий образуют систему, в которой каждая форма применения и использования новых технологий, адаптированная для решения задач гражданского судопроизводства, является ее элементом. Элементы внутри системы самостоятельны, имеют собственное назначение, взаимодействуют друг с другом и объединены единой целью — решением задач гражданского судопроизводства [2, с. 61, 62].

Изучение каждого элемента системы электронного правосудия по отдельности не дает полного представления о реализации концепции электронного правосудия. О продуктивности внедрения электронного правосудия можно говорить только по результатам анализа применения всех элементов, входящих в систему, исследования взаимосвязи между элементами, связей вовне самой системы.

Многие ученые отмечают, что концепция электронного правосудия реализована в системе электронного правосудия [3, с. 13]. Сам термин «система электронного правосудия» широко используется в науке и практике. Вместе с тем анализ научных исследований выявил, что понятие «система электронного правосудия» не раскрыта в нормативных правовых актах.

Под системой электронного правосудия нами понимается совокупность независимых и взаимосвязанных элементов как видов применения информационных коммуникационных технологий в цивилистическом процессе с целью решения задач гражданского судопроизводства.

Категория «элементы электронного правосудия» используется многими учеными [4, с. 60], которые «классифицируют их на следующие группы: элементы электронного правосудия, отражающие открытость правосудия и судебной системы в целом; элементы электронного правосудия, направленные на взаимодействие с отдельными лицами, участвующими в судопроизводстве, по отдельным делам; элементы электронного правосудия, направленные на обеспечение деятельности суда и его взаимодействие с другими государственными органами» [5, с. 57–62].

Данная классификация, как отмечают ее авторы, условна: тот или иной элемент может относиться одновременно к разным группам.

Анализ действующего процессуального законодательства, научные мнения относительно природы электронного правосудия и практика применения его результатов предоставляют возможность классифицировать элементы системы электронного правосудия на две основные группы:

- элементы, применяемые и используемые для совершения процессуальных действий;
- элементы электронного обеспечения судебной деятельности [2, с. 66].

Исходя из сложившейся практики, к элементам, которые применяются и используются для совершения процессуальных действий, относятся средства доказывания, основанные на применении IT-технологий; применение и использование систем видеоконференцсвязи.

Во вторую группы входят размещение на сайте суда информации о деятельности судов; извещение участников гражданского процесса с помощью информационных коммуникационных технологий; фиксирование хода судебного разбирательства и совершения отдельных процессуальных действий с использованием средств звуко- и видеозаписи; публикация текстов судебных актов на правовом сайте в сети Интернет.

Рассмотрим каждый из приведенных элементов более детально.

Информационные сети радикально изменили представление о способах общения и документооборота в современном обществе, что привело к тому, что все чаще участники процесса в ходе судебного разбирательства предоставляют в суд средства доказывания, основанные на применении IT-технологий — документы, материалы фото-, аудио- и видеосъемки.

Определение электронного документа, содержащееся в Законе Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», не раскрывает его содержания с процессуальной точки зрения.

Не сформулирован единый подход к определению электронного документа и в научной литературе. Изучение мнений относительно понятия и сущности электронного документа показывает, что «под электронным документом понимается информация (набор данных), зафиксированная на электронном носителе» [6, с. 44–47].

Давая оценку электронному документу как процессуальному понятию, С. В. Ворожбит приводит следующее определение: «электронный документ — это информация, зафиксированная на электронном носителе, имеющая необходимые для идентификации реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подтверждающие обстоятельства, имеющие правовое значение» [7, с. 55].

По нашему мнению, наиболее полно отражающим признаки исследуемой категории с процессуальной стороны является определение А. Т. Боннера: «электронный документ — это информация, представленная в электронно-цифровой форме, за-



фиксированная на машинном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающаяся по каналам электросвязи посредством электромагнитных сигналов, с реквизитами, позволяющими идентифицировать эти сведения и их автора» [8, с. 145].

Электронный документ обладает только ему присущими свойствами, что, в свою очередь, влечет необходимость особого подхода при использовании его в качестве доказательств. Электронный документ прежде всего должен выполнять функции, присущие традиционному документу. Физическая форма документов может меняться (до недавнего времени менялись лишь материал носителей и методы их изготовления), но выполняемые ими функции сохраняются [9, с. 313]. Основным требованием к любому документу выступает пригодность к продолжительному хранению и способность достоверно передавать информацию. Долговечность электронного документа, соответственно, должна гарантироваться как при обновлении компьютерных программ, так и при изменении воспроизводящих устройств [10, с. 13].

В научной литературе часто используется термин «электронное доказательство». В действующих нормативных правовых актах данное понятие не раскрыто. К содержанию электронного доказательства в науке имеется три подхода.

Согласно первому подходу понятия «электронное доказательство» и «электронный документ» тождественны и в качестве электронных доказательств рассматриваются только электронные документы [11, с. 5].

Сторонники второго подхода указывают, что электронные доказательства включают в себя не только электронные документы, но и аудио- и видеозапись [12, с. 10]. Имея иную точку зрения, С. В. Ворожбит отмечает, что «звуковая запись и видеозапись могут быть представлены в цифровом формате; цифровая форма записи — это характеристика технического способа закрепления информации, а звуковая и видеозапись — это форма информационного сигнала, то есть то, что непосредственно воспринимается судом и лицами, участвующими в деле» [7, с. 20].

В соответствии с третьим походом — «по особенностям источника (носителя информации) необходимо выделять электронные средства доказывания как самостоятельный вид, поскольку электронным является источник (носитель) доказательственной информации, сама же форма информации осталась прежней: это письменные знаки, устные слова, вещественный код, то есть то, что доступно восприятию и пониманию судьей» [7, с. 20].

В настоящее время в судах в качестве электронного доказательства чаще всего предоставляются электронные документы, однако процессуальное законодательство, устанавливая допустимость электронных документов, не определяет признаки, которыми они должны обладать, чтобы быть принятыми в суде, что порождает проблемы достоверности и допустимости электронных документов в цивилистическом процессе [2, с. 78].

Представляется, что для признания электронного документа доказательством необходимо, чтобы он содержал не только достоверную информацию, необходимую для установления обстоятельств гражданских и экономических дел, полученную с соблюдением процессуального порядка собирания доказательств, но и отвечал требованию наличия возможности установления источника происхождения и проверки подлинности электронного документа.

Видится, что одним из основных способов установления достоверности электронного документа является электронная подпись.

Электронная подпись является одним из возможных и допустимых способов установления происхождения документа, то есть его идентификации, наряду с такими способами, как присвоение судом заявителю при электронной подаче документов идентификационного имени пользователя и пароля или использование цифровой подписи и сертифицированного электронного адреса [13, с. 52, 53]. Электронная подпись позволяет обеспечить целостность и неизменность документа, это в свою очередь определяет доказательственную силу документа.

Порядок использования электронной подписи установлен в Законе Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [14].

С вопросом доказательственной силы электронного документа тесно связан вопрос приобщения рассматриваемых доказательств к материалам дела, их исследования и оценки судом. Отмечается, что «среда электронного документа непостоянна, и ее характеристики разнятся в зависимости от используемых аппаратных и программных средств» [15, с. 163, 164]. Между тем законом установлено, что в определенных случаях суд может затребовать оригинал документа (ст. 84 ХПК).

Примером распространенного документа электронной формы является переписка по электронной почте. Сложившаяся судебная практика подтверждает возможность ссылки на данное доказательство [16; 17].

С развитием технологий в судебной практике появляются новые виды электронных доказательств, например переписка в мессенджерах (WhatsApp, Viber и др.) посредством SMS-сообщений, переписка в социальных сетях [18; 19].

К доказательствам, основанным на применении информационных технологий, кроме электронного документа, нужно отнести материалы фото-, аудио- и видеозаписи, эффективность использования которых в качестве доказательств также подтверждается судебной практикой [17; 20].

Не менее важным элементом системы электронного правосудия является «применение и использование систем видеоконференцсвязи».

В настоящее время суды активно используют возможность опроса сторон и иных участников гражданского процесса с помощью видеоконференцсвязи, что дает положительные результаты, поскольку позволяет рассматривать дела в сроки, предусмотренные законодательством.

Назначение данного элемента системы электронного правосудия в том, что видеоконференцсвязь обеспечивает лицам, участвующим в деле, и иным участникам гражданского

процесса возможность при содействии суда по месту их фактического нахождения принять непосредственное участие в судебном заседании [2, с. 137–141].

Применение и использование систем видеоконференц-связи — это, безусловно, эффективный элемент системы электронного правосудия, однако процедура его реализации в гражданском процессе требует унификации [2, с. 84].

Отличие второй группы «Элементы электронного обеспечения судебной деятельности» заключается в том, что данные элементы связаны в большей степени с обеспечительной деятельностью суда, а не с процессуальной.

К обеспечительной деятельности суда следует отнести информированность общественности о месте нахождения и компетенции судов, а также о порядке обращения в суд для защиты своих интересов. От уровня такой информированности непосредственно зависит эффективность работы судебной системы, обеспечивающей защиту нарушенных или оспоренных прав [2, с. 85].

К такой информации относится информация о деятельности судов, образцы процессуальных документов, электронные сервисы (компьютерные программы) по расчету государственной пошлины, штрафных санкций, определению сроков, подсудности дел.

Значение элемента «информирование участников гражданского процесса с помощью информационных коммуникационных технологий» обусловлено тем, что «извещение лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения судебного заседания является важной процессуальной гарантией осуществления прав участников судебного процесса, включая право на участие в судебном заседании» [2, с. 85]. Рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, — это безусловное основание к отмене судебного постановления ввиду существенного нарушения норм процессуального законодательства.

Еще одним элементом, входящим в группу элементов системы электронного правосудия, является «фиксирование хода

судебного разбирательства и совершения отдельных процессуальных действий с использованием средств звуко- и видеозаписи».

По мнению первого заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. Л. Калинковича, «внедрение аудиопротоколирования хода судебного заседания решило сразу несколько проблем, в том числе и по трудозатратам. Если в полный протокол, составляемый в письменной форме, можно внести неточную или неполную информацию, поскольку отразить все сказанное участниками процесса при выступлении не представляется возможным, то аудиозапись хода судебного заседания снимает практически все вопросы на тему кто прав, допустил ли суд нарушение процессуального закона при рассмотрении дела, соблюдены ли председательствующим в судебном процессе нормы судебной этики» [21].

Аудиопротоколирование представляет собой механизм записи судебного заседания посредством систем технической фиксации, интегрированных в автоматизированные модули делопроизводства. Результат аудиопротоколирования — аудиопротокол, который, как и традиционный письменный протокол, является важнейшим процессуальным документом, отражающим все процессуальные действия, совершаемые участниками гражданского дела в ходе судебного заседания, и относится к письменным доказательствам. Как элемент системы электронного правосудия аудиопротоколирование носит обеспечительный характер: это технология, позволяющая оптимизировать работу судов [2, с. 69].

Действующее законодательство не содержит легального термина «аудиопротоколирование», равно как не выработано такого определения и в научной доктрине.

Введенные в действие с 1 января 2021 г. изменения в ГПК и ХПК предусматривают, что ход каждого судебного заседания суда первой инстанции, а также ход совершения каждого отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания фиксируются с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола в письменной

форме с соблюдением требований процессуального кодекса (ст. 175 ГПК, ст. 189 ХПК).

Обязанность ведения аудиопроотолирования возлагается на секретаря судебного заседания. Данная обязанность включает обязанность проверки работы комплекса звукозаписи в штатном режиме, фиксации хода судебного заседания, выгрузки и сохранности произведенной записи, что в принципе не требует специальных познаний [22].

ХПК в ст. 189-2, а ГПК в ст. 176 закрепляет за юридически заинтересованными в исходе дела лицами право знакомиться со звуко- или видеозаписью хода судебного заседания, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания в течение пяти дней со дня подписания краткого протокола. Право подачи замечаний на протокол распространяется и на соответствующие звуко- или видеозапись с указанием на их неполноту и имеющиеся в них неправильности.

При поступлении ходатайства юридически заинтересованные в исходе дела лица вправе получать на предоставленном ими электронном носителе информации копию звуко- или видеозаписи хода открытого судебного заседания (ч. 5 ст. 175 ГПК, ч. 5 ст. 189-2 ХПК).

Копия выдается уполномоченным работником в день обращения в суд по письменному заявлению участников судебного разбирательства с разрешения председателя суда или его заместителя или судьи без взимания государственной пошлины. Копирование запрашиваемых материалов на личный носитель информации участников судебного разбирательства, до этого проверенный на наличие вредоносных программ, допускается только с отдельно выделенного ПК уполномоченным работником.

В цивилистическом процессе аудиозапись является основным средством фиксации сведений о ходе судебного заседания, совершения отдельных процессуальных действий; письменная форма протокола выступает дополнительным средством фиксации определенных данных о ходе судебного заседания.

Вместе с тем не все исследователи согласны с подходом законодателя, когда приоритетным способом фиксации хода судебного заседания является краткий протокол с неотъемлемой

его составляющей — аудиозаписью, а письменному протоколу отводится вспомогательная роль. В частности, С. В. Моисеев считает, что «такой подход законодателя сложно признать правильным по причине способности техники выходить из строя, хрупкости и возможной порчи материальных носителей (в настоящее время — CD), на которых хранятся аудиозаписи судебного заседания» [23, с. 877].

По нашему мнению, фиксация хода судебного разбирательства и совершения отдельных процессуальных действий с помощью средств звуко- и видеозаписи в настоящее время является необходимой в гражданском процессе. Вместе с тем аудиопотоколирование не должно полностью исключить письменную форму протокола. При этом письменный протокол должен отражать только ключевые моменты хода судебного разбирательства.

Во вторую группу элементов системы электронного правосудия нами включен и такой элемент, как «публикация текстов судебных актов в сети Интернет».

31 декабря 2020 г. Национальный центр правовой информации совместно с Верховным Судом создал электронный банк судебных решений, который доступен на Национальном правовом интернет-портале.

Заключение. В рамках исследования аргументировано разделение элементов системы электронного правосудия на два вида: элементы, применяемые и используемые для совершения процессуальных действий; элементы электронного обеспечения судебной деятельности.

Исходя из сложившейся практики, к элементам, которые применяются и используются для совершения процессуальных действий, относятся средства доказывания, основанные на применении IT-технологий; применение и использование систем видеоконференцсвязи.

Элементами электронного обеспечения судебной деятельности являются размещение на сайте суда информации о деятельности судов; извещение участников судебного процесса с помощью информационных коммуникационных технологий; фиксирование хода судебного разбирательства и совершения

отдельных процессуальных действий с использованием средств звуко- и видеозаписи; публикация текстов судебных актов на правовом сайте в сети Интернет.

### **Список использованных источников**

1. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://court.gov.by>. — Дата доступа: 24.01.2023.

2. Кондюрина, Ю. А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Ю. А. Кондюрина. — Омск, 2020. — 197 л.

3. Уемов, А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. — М. : Мысль, 1978. — 271 с.

4. Василькова, С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. В. Василькова. — СПб., 2018. — 251 л.

5. Шарифуллин, Р. А. Элементы электронного правосудия / Р. А. Шарифуллин, Р. С. Бурганов, Р. Г. Бикмиев // Рос. судья. — 2018. — № 6. — С. 57–62.

6. Вершинин, А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде : учеб.-практ. пособие / А. П. Вершинин. — М. : Городец, 2000. — 247 с.

7. Ворожбит, С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. П. Ворожбит. — СПб., 2011. — 235 л.

8. Боннер, А. Т. Электронный документ как доказательство в гражданском и арбитражном процессе / А. Т. Боннер // Закон. — 2009. — № 11. — С. 141–157.

9. Харсаги, В. Новеллы венгерского законодательства об электронных документах / В. Харсаги // Рос. ежегодник гражд. и арбитраж. процесса. — 2006. — № 4. — С. 313–323.

10. Терехова, Л. А. Электронное правосудие : учеб. пособие / Л. А. Терехова. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2013. — 106 с.

11. Панкратова, Е. Электронные доказательства / Е. Панкратова // ЭЖ-ЮРИСТ. — 2013. — № 22. — С. 5–6.

12. Горелов, М. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / М. В. Горелов ; Урал. гос. юрид. акад. — Екатеринбург, 2005. — 21 с.



13. Кудрявцева, Е. В. Внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство / Е. В. Кудрявцева // Закон. — 2011. — № 2. — С. 51–56.

14. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 28 дек. 2009 г. № 113-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

15. Медведев, И. Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции = Written evidence in private law of Russia and France / И. Г. Медведев. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 405 с.

16. Постановление апелляционной инстанции экономического суда г. Минска от 29.09.2022 (№ 115ЭИП222742ЭА) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

17. Решение суда Октябрьского района г. Минска от 30.12.2021 (№ 95ГИП213284) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

18. Определение судебной коллегии по гражданским делам Брестского областного суда от 14.11.2022 (№ 18ГИП22592/А) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

19. Постановление апелляционной инстанции экономического суда г. Минска от 24.08.2022 (№ 166ЭИП221717/А) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

20. Решение суда Барановичского района и г. Барановичи от 05.09.2022 (№ 4ГИП221479/2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

21. Валерий Калинин в интервью Sputnik рассказал, какие перемены в законодательстве важны для отечественного правосудия и простого человека, а также о том, что важнее — закон или справедливость [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. — Режим доступа: [https://court.gov.by/ru/justice/press\\_of\\_fice/657e97be84494b10.html](https://court.gov.by/ru/justice/press_of_fice/657e97be84494b10.html). — Дата доступа: 24.01.2023.

22. Инструкция по делопроизводству в судах общей юрисдикции [Электронный ресурс]: утв. приказом Председателя Верхов. Суда Респ. Беларусь, 3 нояб. 2021 г., № 84 // Верховный Суд Респ. Беларусь. — Режим доступа: [https://court.gov.by/ru/justice\\_rb/basis/instructions](https://court.gov.by/ru/justice_rb/basis/instructions). — Дата доступа: 24.01.2023.

23. Гражданский процесс : учебник / Е. А. Борисова [ и др. ] ; под ред. М. К. Треушникова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2014. — 960 с.

02.05.2024

**A. A. Huryeva**

Associate Professor of the Department of Economic Law  
Belarusian State University, Candidate of Law

### **ELECTRONIC JUSTICE SYSTEM**

*Abstract.* At present, e-justice is at the stage of active development. The relevance of the development of e-justice in the information society and e-state is evidenced by the significant changes that occur due to the introduction of technical means in the judicial process, which contribute to the realization of most functions of the judicial system. Informatization of the judiciary every year covers more and more areas of the judicial process. Information communication technologies make it possible to reduce the time of consideration of cases, minimize labor costs, reduce material costs of both the court and participants of the process. This can and should serve to solve the tasks of civil proceedings, providing a high degree of accessibility of justice. The article deals with the issues of defining the concept of e-justice system, its elements. Arguments and arguments are given to justify the division of elements of e-justice system into two types: elements applied and used to perform procedural actions; elements of electronic support of judicial activity.

*Key words:* electronic justice, elements of electronic justice, electronic document, electronic signature, audio protocol, videoconferencing, information communication technologies.

**Н. С. Минько**

ведущий научный сотрудник отдела исследований  
в области гражданского, экологического и социального права  
Института правовых исследований Национального центра  
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент

## **ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛАЕНС КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

*Аннотация.* В статье раскрываются актуальные вопросы правового обеспечения экологического комплаенса в контексте экологизации экономики на евразийском пространстве. Отмечается необходимость закрепления данного института в числе мер, обеспечивающих развитие «зеленой» экономики в Республике Беларусь (ст. 47 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»). Особое внимание уделено его содержанию в системе корпоративного управления.

*Ключевые слова:* экологический комплаенс, экологизация экономики, ЕАЭС, управление экологическими рисками, экологический менеджмент.

**Введение.** Актуальность вопроса управления экологическими рисками и дальнейшего формирования института экологического комплаенса связана с необходимостью обеспечения экономического суверенитета. Е. А. Дмитриева определяет экономический суверенитет как «свойство современного государства, которое находит свое выражение в осуществлении суверенных государственных прав и исполнении суверенных государственных обязанностей в экономической сфере» [1, с. 146]. Экономический суверенитет достигается в том числе путем реализации экологической функции государства и обеспечения экологических интересов субъектов в целях защиты стратегических интересов в сфере экологии, устойчивого экономического

роста. Рассматриваемая проблематика подлежит осмыслению с учетом опыта государств — участников ЕАЭС.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 февраля 2021 г. № 99 утверждена Государственная программа «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021–2025 годы (далее — Государственная программа) [2]. Реализация Государственной программы способствует достижению Целей устойчивого развития (далее — ЦУР), принятых 25 сентября 2015 г. членами Организации Объединенных Наций в соответствии с Повесткой дня в области устойчивого развития до 2030 года.

«Реализация ЦУР является актуальной задачей социально-экономического развития многих стран. Задачи, обозначенные в ЦУР, оставляют государствам право самостоятельной разработки национального перечня показателей и нормативных правовых и программных документов, учитывающих национальные особенности стран. Республика Беларусь предприняла множество шагов к исполнению и достижению ЦУР. Проведена имплементация задач и показателей ЦУР в государственные и национальные программы и планы действий, создана и четко выстроена архитектура достижения ЦУР, сформирован национальный механизм мониторинга достижения ЦУР, постоянно проводится работа по актуализации национального перечня показателей, разрабатываются метаданные, собираются и анализируются предложения» [3, с. 345]. Сегодня мировое сообщество избирательно подходит к их достижению.

ЦУР представляют собой универсальный набор целей и задач для государств, содействуют общему пониманию сотрудничества в достижении устойчивого развития, изменению подходов к охране окружающей среды, стимулируют переход к «зеленой» экономике, в которой приоритет отдается эффективному использованию ресурсов и экологической устойчивости.

П. Г. Никитенко приходит к выводу о том, что выделяются три основных направления обеспечения экологической устойчивости: «во-первых, сохранение расширенного производства естественных экосистем; во-вторых, управление природно-хозяй-

ственными системами, средообразующая функция которых эквивалентна функциям естественных экосистем, место которых они заняли; в-третьих, внедрение экологически чистых технологий, устраняющих последствия хозяйственной деятельности, неблагоприятные для жизни человека» [4, с. 34]. При этом следствием антропогенной деятельности является возникновение следующих разновидностей экологической опасности: «социально-экологической, связанной с ухудшением среды обитания людей и показателей их здоровья и благополучия; биосферно-экологической, связанной с нарушениями природного равновесия, деградацией ландшафтов, загрязнением окружающей среды; ресурсно-экологической, связанной с угрозой сокращения природно-ресурсного потенциала, потерей ресурсами свойства возобновления, исчерпанием их запасов [4]. Начиная с 2015 года и по настоящее время основное внимание уделяется сохранению природных ресурсов и экосистем, а также учету экологических факторов в различных аспектах хозяйственной и социальной деятельности.

Необходимость исследования сравнительно-правовых аспектов развития института экологического комплаенса в государствах — участниках ЕАЭС обусловлено рядом факторов, среди которых «схожесть большинства тенденций, состояния и развития современной экологической политики, интенсивность изменений экологического законодательства, цифровизация государственного экологического управления, наряду с созданием предпосылок с развитием государственно-частного партнерства в экологической сфере и др.» [5].

Аспекты устойчивого развития, экологизации экономики и социальной сферы, обеспечения стратегических интересов в сфере экологии затрагивались в трудах отечественных и зарубежных ученых (А. Г. Авдей, С. Н. Балашенко, И. И. Бобылев, В. А. Богоненко, М. М. Бринчук, С. А. Боголюбов, А. В. Бондарь, Г. Е. Быстров, Г. А. Василевич, А. К. Голиченков, Н. С. Губская, Д. М. Демичев, М. Н. Дмитрук, Н. И. Дорохов, О. Л. Дубовик, В. А. Егизаров, Л. С. Жегалин, А. А. Жлоба, Н. А. Карпович, С. П. Кацубо, В. В. Кванина, Е. И. Коваленко, О. С. Колбасов, М. А. Кравцова, О. И. Крассов, И. П. Кузьмич, В. Е. Лизгаро, Т. И. Макарова, Л. Н. Мороз,

Г. А. Мисник, А. И. Михнюк, А. И. Михайлова, Т. Н. Михалева, П. Г. Никитенко, М. Г. Орлова, В. В. Петров, Т. В. Петрова, И. П. Пушкарев, Е. Л. Середа, Д. Г. Сидоренко, В. Г. Тихиня, О. Н. Толочко, А. П. Чуракова, И. С. Шахрай, Н. А. Шингель, А. Э. Юницкий и др.).

Так, Г. А. Василевич поднимал актуальные вопросы государственного строительства в контексте устойчивого развития [6; 7]. В ряде научных публикаций Н. А. Карпович [8–10] раскрываются конституционные основания экологизации экономики и социальной сферы, затрагиваются фундаментальные аспекты по проблематике.

Вопросы экологизации экономики и социальной сферы, принимая во внимание аспекты достижения государствами Целей устойчивого развития, интеграционные тенденции и цифровизацию, последовательно рассматриваются в комплексных монографических работах Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Так, правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности (с учетом исторического опыта и сравнительно-правового аспекта) исследовались авторским коллективом в 2016 году (О. А. Бакиновская, С. А. Балашенко, М. М. Довгялло, С. П. Кацубо, И. П. Кузьмич, Е. В. Лавевская, В. Е. Лизгаро, Т. И. Макарова, И. П. Манкевич, О. В. Мороз, Е. В. Семашко, И. М. Чиж, Н. А. Шингель) [11].

Так, О. А. Бакиновская заключает, что «цель охраны окружающей среды предполагает разнообразие экономических мер, характер которых может изменяться, исходя из потребностей как экономики, так и охраны окружающей среды, особенностей социально-экономического развития государства на определенном этапе» [12, с. 10], причем «критерий максимизации роста социальной и экономической эффективности должен реализовываться при недопущении ухудшения состояния окружающей среды» [12, с. 15].

Е. В. Семашко, осмысливая конституционные и международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития Республики Беларусь, приходит к выводу о том, что «достижение Целей устойчивого развития в условиях глобализации во многом обусловлено факторами внешнего воздействия, международным и региональным сотрудничеством

в поддержку национальных усилий в этом направлении. Такой поддержкой для Республики Беларусь может выступать обеспечение ее доступа к экономически эффективным, социально приемлемым и экологически чистым энергетическим ресурсам» [13, с. 188].

Актуальные проблемы развития законодательства в сфере экономики, природопользования и охраны окружающей среды раскрывались в 2018 году (Ю. А. Амельчя, О. А. Бакиновская, А. В. Василевский, М. М. Довгялло, Е. Ю. Кириллова, Е. В. Лаевская, С. С. Лосев, В. В. Манкевич, И. П. Манкевич, М. В. Мещанова, М. А. Семенихин, Т. С. Таранова, И. М. Чиж, Е. В. Шаршун) [14]. Теоретико-правовые аспекты развития экологического, природо-ресурсного и аграрного законодательства Республики Беларусь в контексте участия Республики Беларусь в интеграционных процессах рассматривались авторским коллективом в 2019 году (О. А. Бакиновская, Н. Л. Бондаренко, О. В. Глеба, А. В. Горелько, Я. Б. Дицевич, М. М. Довгялло, В. С. Елисеев, Е. В. Золотарева, Е. В. Лаевская, В. В. Манкевич, И. П. Манкевич, С. Г. Мухин, И. М. Чиж, Е. В. Шаршун, Д. В. Шорников) [15].

Приоритетные направления развития экологического, земельного и аграрного права раскрываются учеными кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета. Т. И. Макарова права в том, что «формирование нормативной правовой основы охраны окружающей среды осуществляется не только посредством принятия нормативных правовых актов, содержащих нормы экологического права, но также при помощи разработки технических нормативов, устанавливающих экологические требования, предъявляемые к технологическим процессам и соответствующим методам контроля» [16, с. 7].

И. С. Шахрай приходит к выводу о том, что экологическую модернизацию организаций следует проводить путем внедрения наилучших доступных технологий [17]. «В новой редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. «Об охране окружающей среды» существенно детализированы нормы о наилучших доступных технических методах и комплексных природо-

охранных разрешениях в контексте продвижения принципов «зеленой» экономики, перехода к низкоуглеродной экономике, сокращения выбросов парниковых газов и увеличения их абсорбции поглотителями» [17, с. 372]. «Учитывая конкуренцию экологических и экономических интересов при внедрении наилучших доступных технологий, важнейшим условием успешного перехода на принципы «зеленой» экономики и формирования эффективной системы природоохранных инструментов служит государственная поддержка и экономическое стимулирование субъектов хозяйственной и иной деятельности... Уполномоченные органы России, Казахстана, Беларуси также размещают на своих официальных сайтах справочники (пособия) по применению наилучших доступных методов в различных областях» либо действуют путем «определения основных ориентиров на уровне программных документов и межгосударственных соглашений... Хотя иные государства — члены СНГ и ЕАЭС находятся на гораздо ранних стадиях создания правовой основы внедрения наилучших доступных технологий, уже сейчас на уровне ЕАЭС обсуждается создание банка наилучших доступных технологий» [17, с. 373].

В связи с отмеченными научными результатами сформулируем *цель* нашего исследования — выявление потребностей, принципов формирования и содержания правового обеспечения экологического комплаенса как инновационной формы экологизации экономики государств — членов ЕАЭС в контексте цифровизации и ЦУР (с учетом требований экологической и экономической безопасности).

В качестве научного инструментария для проведения данного исследования были выбраны следующие общенаучные и специальные методы: метод контент-анализа, метод системного анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический, телеологический, аксиологический, метод толкования, а также риск-ориентированный подход.

**Основная часть.** В новой редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. «Об охране окружающей среды» № 294-З [18] предусмотрено стимулирование применения наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий и практик, перехода к «зеленой» экономике



и др. в качестве основных направлений государственной экологической политики (ст. 7, 40, 47). В нем закреплён ряд инновационных категорий, среди которых «зеленая» экономика, экологический риск, экосистемные услуги и др. Среди приоритетных направлений правотворчества и правоприменения в направлении экологизации экономики предусмотрены совершенствование законодательства и институциональных основ, обеспечивающих развитие «зеленой» экономики. Вместе с тем определение понятия «экологический комплаенс» в белорусском законодательстве не предусмотрено. Нам видится, что данный вопрос также требует нормативного разрешения, поскольку предполагает дальнейшее формирование экономико-правовых оснований обеспечения экологической безопасности на национальном и интеграционном (наднациональном) уровнях. Внедрение данного инструмента может быть предусмотрено в числе мер, обеспечивающих развитие «зеленой» экономики в Республике Беларусь (ст. 47) [18].

Согласно ст. 28.1 Федерального закона Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» к областям применения наилучших доступных технологий могут быть отнесены хозяйственная и (или) иная деятельность, которая оказывает значительное негативное воздействие на окружающую среду, и технологические процессы, оборудование, технические способы и методы, применяемые при осуществлении хозяйственной и (или) иной деятельности [19].

Республика Казахстан также использует передовой опыт правового регулирования экологизации экономики и социальной сферы. В частности, в абз. 7 ч. 2 ст. 3 Экологического кодекса Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI закреплено поощрение и стимулирование государством привлечения «зеленых» инвестиций и широкого применения наилучших доступных техник, ресурсосберегающих технологий и практик, сокращения объемов и снижения уровня опасности образуемых отходов и эффективного управления ими, использования возобновляемых источников энергии, водосбережения, а также осуществления мер по повышению энергоэффективности, устойчивому использованию, восстановлению и воспроизводству природных ресурсов (задачи экологического законодательства Республики Казахстан).

Юридические лица и индивидуальные предприниматели осуществляют за свой счет необходимые меры по охране окружающей среды, в том числе по предотвращению загрязнения окружающей среды, деградации природной среды, причинения экологического ущерба в любой форме и связанных с этим угроз для жизни и (или) здоровья человека, которые могут возникнуть в результате осуществления их деятельности, а также несут иные обязанности в области охраны окружающей среды (ст. 13) [20]. Целями производственного экологического контроля являются: 1) получение информации для принятия оператором объекта решений в отношении внутренней экологической политики, контроля и регулирования производственных процессов, потенциально оказывающих воздействие на окружающую среду; 2) обеспечение соблюдения требований экологического законодательства Республики Казахстан; 3) сведение к минимуму негативного воздействия производственных процессов на окружающую среду, жизнь и (или) здоровье людей; 4) повышение эффективности использования природных и энергетических ресурсов; 5) повышение эффективности системы экологического менеджмента (ст. 182) и др. [20].

Закон Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. № 53 «Об охране окружающей среды» (в редакции Законов КР от 4 февраля 2002 г. № 22 и от 11 июня 2003 г. № 101) в ст. 18 предусматривает положение о том, что в процессе осуществления своей деятельности хозяйствующие и иные субъекты обязаны соблюдать утвержденные технологические режимы, иметь и обеспечивать надежную и эффективную работу очистных сооружений, установок и средств контроля, обеззараживание и утилизацию отходов, проводить внедрение экологически безопасных технологий и производств, осуществлять охрану и рациональное использование земель, недр, вод, атмосферного воздуха, лесов, растительного и животного мира, воспроизводство природных ресурсов. Контроль в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов имеет своими задачами наблюдение за состоянием и изменением окружающей среды под влиянием хозяй-

ственной и иной деятельности, проверку выполнения мероприятий по охране природы, рациональному использованию природных ресурсов, оздоровлению окружающей среды, соблюдение требований природоохранного законодательства и нормативов качества окружающей среды. Хозяйствующие и иные субъекты, воздействующие на окружающую среду, на соответствующих территориях и объектах осуществляют контроль за состоянием окружающей среды (ст. 30, 31) [21]. В экологическом законодательстве Киргизии нет прямого указания на организацию системы экологического комплаенса, это вытекает из его общих принципов и норм.

Верховный Совет Республики Армения в 1991 году принял Основы законодательства Республики Армения об охране природы, которые впервые определили принципы государственной политики в природоохранной области, ст. 15 предусмотрены экологические требования при эксплуатации предприятий, сооружений и иных объектов. Предприятия, объединения и организации, деятельность которых может оказать вредное воздействие на окружающую среду, обязаны принимать действенные и эффективные меры для сохранения здоровой природной среды и соблюдения экологических нормативов. Предприятия обязаны обеспечивать в соответствии с действующими нормативами охрану природной среды путем обеспечения бесперебойной и эффективной работы очистного оборудования, сооружений и установок, обезвреживания вредных отходов, внедрения экологически безопасных технологий и систем оборотного водоснабжения [22]. Кроме того, в Республике Армения действует Закон Республики Армения от 10 мая 2005 г. № ЗР-82 «Об экологическом контроле» (в редакции от 26 декабря 2022 г. № ЗР-375), который регулирует задачи организации и осуществления контроля за исполнением норм экологического законодательства Республики Армения и устанавливает правовые и экономические основы отношений, связанных с особенностями, порядками, условиями контроля за исполнением норм экологического законодательства и экологического контроля в Республике Армения [23].

Нужно обратить внимание, что в Модельном экологическом кодексе для государств — участников СНГ (Общая часть) предусмотрен ряд передовых категорий, среди которых «наилучшая доступная технология (далее — НДТ) — технология, основанная на последних достижениях науки и техники, направленная на снижение негативного воздействия на окружающую среду, условия жизни и здоровье граждан и имеющая установленный срок практического применения с учетом экономических и социальных факторов, а также наилучшая природоохранная практика — применение комбинации мер, включающих внедрение наилучших доступных технологий, сбережение энергии и других ресурсов, снижение количества образующихся отходов, информирование общественности и направленных на минимизацию воздействия объектов хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, условия жизни и здоровье граждан» [24, ст. 1].

В ст. 32 Модельного экологического кодекса для государств — участников СНГ (Общая часть) устанавливаются нормы и гарантии экологической безопасности хозяйственной и иной деятельности. Гарантии экологической безопасности субъектов хозяйственной и иной деятельности обеспечиваются соблюдением установленных технологических нормативов и регламентов, нормативов качества окружающей среды, нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, государственных стандартов в области окружающей среды и специальных нормативных документов по обеспечению экологической безопасности [24].

Корпоративная стратегия субъектов хозяйственной деятельности, направленная на улучшение экологической эффективности и снижение экологических рисков, для управления окружающей средой должна определяться действующим законодательством, корпоративной политикой. В свою очередь, эффективное управление экологическими аспектами необходимо осуществлять согласно экологической политике организации и ее корпоративной стратегии. Например, в экологической политике ОАО «Борисовдрев» на 2021–2025 гг. (утверждена 19.04.2021) предусмотрены, в частности, обязательства руко-

водства выделять необходимые ресурсы для внедрения, поддержания и постоянного улучшения системы экологического менеджмента; защищать окружающую среду, включая предотвращение загрязнений; постоянно совершенствовать систему экологического менеджмента, поддерживать коммуникации со всеми заинтересованными сторонами и привлекать их к участию в совместном решении вопросов охраны окружающей среды, обеспечивать понимание персоналом важности реализации экологической политики; предоставлять ресурсы для реализации экологической политики в области охраны окружающей среды; выполнения всех документально установленных требований системы экологического менеджмента каждым членом трудового коллектива предприятия в пределах своих полномочий. Руководство предприятия берет на себя ответственность за реализацию данной политики на основе постоянного повышения результативности и эффективности системы экологического менеджмента с учетом миссий и стратегических целей ОАО «Борисовдрев». Выполнение данной политики во многом обусловлено наличием экологической комплаенс-системы.

Экологический комплаенс составляет часть общекорпоративного комплаенса. Экологический комплаенс (комплаенс в сфере экологии) — это «универсальная, признанная и утвержденная система противодействия угрозам и управления экологическими рисками, которая обеспечивает соответствие деятельности организации требованиям законодательства, корпоративным нормам, правилам, рекомендациям и стандартам, регламентирующим ее деятельность (корпоративной стратегии)» [25, с. 151]. При разработке комплаенс-регламента организации целесообразно включить безусловно необходимые области контроля, которые действительны для организаций всех организационно-правовых форм, и дополнить их применимыми (в зависимости от отрасли хозяйственной деятельности) отраслевыми блоками.

Экологический комплаенс — это система соблюдения предприятием требований природоохранного законодательства, он предполагает построение на предприятии механизма, позволяющего снижать эколого-правовые риски за счет работы не

только с материальными факторами, но и с человеческим ресурсом, так как эколого-правовые риски могут выражаться в совершении незаконных и неэтичных действий, влекущих неблагоприятные с точки зрения экологического регулирования последствия. Цели экологического комплаенса вырастают из целей общего комплаенса: выявлять эколого-правовые риски; разрабатывать превентивные меры по снижению влияния основных факторов, которые могут влечь наступление опасных последствий; внедрив систему, реализующую эти меры, проводить постоянный мониторинг эффективности таких мер и корректировать их при необходимости [26].

В общем виде разработку экологической комплаенс-системы можно свести к следующим укрупненным этапам: разработка нормативных документов, стандартов и утверждение процедур и инструментов для предотвращения экологических рисков; определение и назначение ответственных лиц (за реализацию конкретных нормативных документов, стандартов и контрольных комплаенс-процедур), которые будут обеспечивать работу комплаенс-системы и осуществлять контроль за реализацией ее результатов, а также организовывать ее модификацию (таким лицом может быть сотрудник экологической или юридической службы); принимать соответствующие меры в отношении работников, допускающих нарушения; проводить внутреннее расследование; устранять факторы и условия, способствующие нарушениям; применять меры дисциплинарного воздействия.

В целом внедрение комплаенс-контроля имеет важное значение для организации, поскольку «в результате этих действий происходит снижение риска получения санкций за нарушение природоохранного законодательства, а также происходит повышение уровня конкурентоспособности организации на международном рынке» [27, с. 43, 44].

Отличительным признаком комплаенс-контроля является оценка состояния объекта контроля на его соответствие критериям (нормам, законам, принципам и т. д.), которые определяют степень ответственности организации перед другими субъектами экономических отношений и устанавливают допустимые и недопустимые отклонения от ожидаемых параметров [28, с. 146].

Необходимо признать, что конечной целью введения экологического комплаенса является выполнение законодательных требований, что обеспечивает соблюдение экологических прав, доступность эколого-правовой информации, экологическую безопасность.

М. А. Егорова в порядке исследования правовых проблем внедрения экологических технологий промышленного производства и экологических стандартов в России и в странах ЕС и их значении для предпринимательской деятельности отмечает, что «интеграция экологических стандартов в производство — ключевое требование для многих компаний, особенно это касается промышленности текстильной, химической, биотехнологической, автомобильной и авиационной, энергетического сектора. В данном случае имеется в виду оперативный экологический менеджмент, а интересы компаний объясняются стремлением продемонстрировать свою конкурентоспособность при производстве экологической продукции» [29].

В. В. Кванина, Т. И. Макарова рассматривают экологический комплаенс как «прикладной инструмент — прагматичную программу, которая включает оптимальный набор природоохранных мер, необходимых в определенном случае, при данном виде хозяйственной деятельности, с целью реализовать природоохранную политику конкретного субъекта. Такая программа должна включать, наряду с перечнем подлежащих использованию природоохранных инструментов, анализ потенциальных экологических возможностей и рисков в целях информирования о вероятных направлениях совершенствования хозяйственной деятельности (например, возможность применения наилучших доступных технологий), существующих и неиспользуемых мерах охраны окружающей среды и рисках их неиспользования, экономических инструментах охраны окружающей среды и финансовых потерях от их неиспользования, возможностях и обязанностях взаимодействия с общественностью и репутационных издержках их игнорирования» [30, с. 99].

По мнению М. Г. Орловой, экологический комплаенс как часть общей комплаенс-системы должен включать в себя следующие этапы: «1) создание профильного подразделения, ответственного

за различные функции комплаенса, в том числе экологическую; в состав подразделения, как правило, включаются узкие специалисты (экологи, HR-менеджер, маркетолог), а также профильные специалисты (в том числе юристы и пресс-секретари, специализирующиеся в сфере экологического права) для разработки внутренних положений и (или) методических указаний по экологическому комплаенсу; 2) анализ бизнес-процессов организации, определение экологических рисков, связанных с поставленными целями и результатами бизнес-процессов в соответствии с требованиями природоохранного законодательства, которые должны соблюдаться; 3) определение средств контроля, необходимых для управления, минимизации и устранения выявленных экологических рисков; 4) разработку внутренних политик и инструкций по выполнению указанных требований, стандартов комплаенс-процедур, системы мотивации и ответственности сотрудников за выполнение (невыполнение) комплаенс-процедур; 5) назначение ответственных за выполнение комплаенс-процедур в конкретных сферах, организацию обучения по профильным направлениям комплаенса, определение способов информирования высшего руководства о результатах реализации комплаенс-программы и изменениях в ответственном поведении организации» [31, с. 1603].

А. И. Михайлова отмечает, что «в основу данной программы должны быть включены основные инструменты правового механизма, к которым следует относить инструменты: комплексное природоохранное разрешение, экологический паспорт предприятия, производственные наблюдения, локальный мониторинг, экологическое лицензирование, экологический аудит, экологическую сертификацию, экологическое страхование и др.» [32, с. 189]. Важное значение будет иметь стимулирование организаций, осуществляющих программы экологической модернизации производства и экологической реабилитации соответствующих территорий, а также вовлечение государственно-частного партнерства при государственном финансировании (софинансировании) мероприятий по оздоровлению экологически неблагополучных территорий, минимизации экологического ущерба, связанного с хозяйственной деятельностью.



Е. А. Петрова, исследуя влияние природного капитала на устойчивое экономическое развитие стран СНГ, заключает, что «поддерживая «зеленую» экономику, спрос породил появление новых финансовых инструментов регулирования рынка. Сюда входят «зеленые» облигации — это долговые ценные бумаги, которые выпускаются в целях проведения финансирования проектов устойчивого климатического развития; «зеленые» кредиты — это кредитование, которое основывается на поддержании проектов в области защиты окружающей среды и создании энергоэффективной экономики; параметрическое (индексное) страхование — это такой вид страхования, когда страховое возмещение будет выплачено только в том случае, если рисковое событие достигнет всех пунктов, определенных в договоре страхования; «зеленый» краудфандинг — это одна из форм инвестирования, которая заключается в сборе денежных средств от неизвестного круга третьих лиц для финансирования «зеленых» проектов» [33, с. 239]. Система экологического комплаенса в современных условиях может включать в том числе вышеуказанные инструменты.

Среди факторов, сдерживающих развитие экологического комплаенса, можно отметить добровольность его применения, отсутствие законодательного стимулирования, значительные финансовые затраты на формирование комплаенс-системы, экологическое образование, мышление и культуру.

Некоторые исследователи отмечают, что «на сегодняшний день институционализация концепта «экологический комплаенс» путем закрепления последнего на уровне Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» представляется преждевременной, поскольку в законодательстве содержится детальное правовое регулирование других правовых форм природоохранной деятельности, более соответствующих сущности экологического комплаенса» [34, с. 718]. Вместе с тем в подп. 2 п. 47 Концепции правовой политики Республики Беларусь (в сферах законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов) предусмотрена необходимость в том числе урегулировать вопросы продвижения экологических инноваций; в подп. 4 п. 47 — совершенствовать законодательную базу, преду-

смастривающую механизмы охраны климата, в том числе путем сокращения выбросов парниковых газов, внедрения системы поддержки новых технологий [35]. Нам видится, что указанное можно осуществить посредством дальнейшей разработки вопросов экологического комплаенса и его законодательного закрепления.

**Заключение.** Экологический комплаенс (комплаенс в сфере экологии) — это универсальная, признанная и утвержденная система противодействия угрозам и управления экологическими рисками, которая обеспечивает соответствие деятельности организации требованиям законодательства, корпоративным нормам, правилам, рекомендациям и стандартам, регламентирующим ее деятельность (корпоративной стратегии). При разработке комплаенс-регламента организации целесообразно включить безусловно необходимые области контроля, которые действительны для организаций всех организационно-правовых форм, и дополнить их применимыми (в зависимости от отрасли хозяйственной деятельности) отраслевыми блоками.

Экологический комплаенс может рассматриваться в нескольких значениях, поскольку имеет комплексную природу. На национальном и наднациональном уровнях он охватывает систему нормативного и организационного обеспечения направлений экологизации деятельности субъектов хозяйствования. Формирование и институционализация системы экологического комплаенса в конечном итоге направлены на достижение стратегических интересов экономической безопасности и устойчивого экономического роста. Комплаенс направлен не только на минимизацию самих эколого-правовых рисков, но и на снижение репутационных и иных издержек, связанных с наступлением таких рисков. Экологический комплаенс рассматривается новым направлением реализации инициатив в области устойчивого развития.

Экологический комплаенс в системе корпоративного управления должен содержать: 1) требования к порядку проведения оценки соблюдения законодательства об охране окружающей среды при выполнении работ (оказании услуг) в ходе осуществления хозяйственной деятельности; 2) меры, направленные на снижение рисков нарушения законодательства об охране окружающей среды при выполнении работ (оказании услуг), производстве

продукции; 3) меры, направленные на осуществление контроля за соблюдением законодательства об охране окружающей среды при выполнении работ (оказании услуг), производстве продукции; 4) информацию о лице, ответственном за функционирование указанной системы в целом и на определенных этапах деятельности; 5) порядок ознакомления работников с указанной системой; 6) возможность модификации экологической комплаенс-системы, ее гибкость, сочетаемость с другими системами менеджмента, и адаптивности в ответ на возникающие факторы. В основу данной программы предлагается включать основные инструменты правового механизма, к которым следует относить следующие инструменты: комплексное природоохранное разрешение, экологический паспорт предприятия, производственные наблюдения, локальный мониторинг, экологическое лицензирование, экологический аудит, экологическая сертификация, экологическое страхование.

В новой редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. «Об охране окружающей среды» предусмотрено стимулирование применения наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий и практик, перехода к «зеленой» экономике и др. в качестве основных направлений государственной экологической политики (ст. 7, 40, 47). В нем закреплён ряд инновационных категорий, среди которых «зеленая» экономика, экологический риск, экосистемные услуги и др. Вместе с тем определение понятия «экологический комплаенс» в белорусском законодательстве не предусмотрено. Нам видится, что данный вопрос также требует нормативного разрешения, поскольку предполагает дальнейшее формирование экономико-правовых оснований обеспечения экологической безопасности на национальном и интеграционном (наднациональном) уровнях. Внедрение данного инструмента может быть предусмотрено в числе мер, обеспечивающих развитие «зеленой» экономики в Республике Беларусь (ст. 47 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»).

Среди факторов, сдерживающих развитие экологического комплаенса, можно отметить добровольность его применения, отсутствие законодательного стимулирования, значительные фи-

нансовые затраты на формирование комплаенс-системы, экологическое мышление и культура. Вместе с тем действующее экологическое законодательство государств — участников ЭАЭС предоставляет возможность дальнейшей разработки вопросов экологического комплаенса и его законодательного закрепления. Внедрение института комплаенса в экологическое законодательство и внесение соответствующих изменений должно быть сопряжено с созданием базовой модели комплаенс-системы, включающей в себя ряд основных элементов, в соответствии с которыми каждая организация сможет составлять индивидуальную систему комплаенса, исходя из собственного размера прибыли, оборота денежных средств и иных имеющихся ресурсов.

### ***Список использованных источников***

1. Дмитриева, Д. А. Экономический суверенитет Российской Федерации на современном этапе разрыва колониальных отношений с Западом / Д. А. Дмитриева // Актуальные вопросы правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : монография / под ред. Т. В. Ефимцевой, М. В. Кузьминой. — М. : ИНФРА-М, 2023. — 289 с.
2. О Государственной программе «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 февраля 2021 г., № 99 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
3. Сидорчук, И. П. Правовые основы обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь / И. П. Сидорчук, Е. Г. Крысь // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / редкол.: Д. В. Муха [и др.] ; Нац. академия наук Беларуси ; Институт экономики Национальной академии наук Беларуси. — Минск : Право и экономика, 2023. — Т. 2. — С. 337–345.
4. Устойчивое развитие и природно-техногенная безопасность Беларуси и Красноярского края России / В. Е. Левкевич [и др.] ; под науч. ред. П. Г. Никитенко, Ю. И. Шохина. — Минск : Право и экономика, 2013. — 171 с.
5. Дицевич, Я. Б. Направления научных исследований в целях гармонизации экологического и иного законодательства Союзного

государства Беларуси и России / Я. Б. Дицевич // Теоретико-правовые аспекты развития экологического, природоресурсного и аграрного законодательства Республики Беларусь в контексте участия Республики Беларусь в интеграционных процессах / О. А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И. П. Манкевич. [и др.]. — Минск : ИВЦ Минфина, 2019. — 375 с.

6. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. — 2022. — № 2 (76). — С. 14–23.

7. Василевич, Г. А. Устойчивое развитие белорусского государства — важнейшая гарантия суверенитета / Г. А. Василевич // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. — 2020. — Вып. 22. — С. 5–13.

8. Карпович, Н. А. Конституционно-правовое содержание и гарантии реализации права на благоприятную окружающую среду в изменениях и дополнениях Конституции Республики Беларусь / Н. А. Карпович // Право.by. — 2022. — № 5 (79). — С. 24–35.

9. Карпович, Н. А. Конституционные принципы и нормы, определяющие содержание экологической политики Республики Беларусь и соответствующие направления экологизации экономики и социальной сферы / Н. А. Карпович // Динамика правоустановления и право-реализации в регулировании публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Колорград, 2021. — Вып. 3. — С. 43–57.

10. Карпович, Н. А. Конституционные основы социально-экономического развития Республики Беларусь / Н. А. Карпович // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Колорград, 2021. — Вып. 16. — 832 с.

11. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности : сб. науч. ст. / О. А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И. П. Манкевич. — Минск : Бизнесофсет, 2016. — 242 с.

12. Актуальные проблемы развития законодательства в сфере экономики, природопользования и охраны окружающей среды : сб. науч. ст. / под ред. О. А. Бакиновской. — Минск : Колорград, 2018. — 280 с.

13. Бакиновская, О. А. Теоретические подходы к определению содержания, системы и сферы правового регулирования экономических механизмов охраны окружающей среды и природопользования в Республике Беларусь как средств обеспечения устойчивого развития государства и экологизации экономики / О. А. Бакиновская // Право-

вые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности : сб. науч. ст. / О. А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И. П. Манкевич. — Минск : Бизнесофсет, 2016. — 242 с.

14. Семашко, Е. В. Конституционные и международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития Республики Беларусь / Е. В. Семашко // Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности : сб. науч. ст. / О. А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И. П. Манкевич. — Минск : Бизнесофсет, 2016. — 242 с.

15. Актуальные проблемы развития законодательства в сфере экономики, природопользования и охраны окружающей среды : сб. науч. ст. / под ред. О. А. Бакиновской. — Минск : Колорград, 2018. — 280 с.

16. Теоретико-правовые аспекты развития экологического, природоресурсного и аграрного законодательства Республики Беларусь в контексте участия Республики Беларусь в интеграционных процессах / О. А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И. П. Манкевич [и др.]. — Минск : ИВЦ Минфина, 2019. — 375 с.

17. Макарова, Т. И. О применении инструментального метода в исследовании эффективности экологического права / Т. И. Макарова // Приоритетные направления развития экологического, земельного и аграрного права : материалы Респ. круглого стола, приуроч. к юбилею д-ра юрид. наук проф. Т. И. Макаровой / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — С. 7–10.

18. Шахрай, И. С. Правовое обеспечение внедрения наилучших доступных технологий: зарубежный и белорусский опыт / И. С. Шахрай // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / редкол.: Д. В. Муха [и др.] ; Нац. академия наук Беларуси ; Институт экономики Национальной академии наук Беларуси. — Минск : Право и экономика, 2023. — Т. 2. — С. 369–375.

19. Об изменении Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 294-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

20. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Федер. закон Российской Федерации от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Консультант Плюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

21. Экологический кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 2 янв. 2021 г., № 400-VI // Информ.-прав. система нормативно-правовых актов Респ. Казахстан. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400>. — Дата доступа: 27.02.2024.

22. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. № 53 : в ред. Закона от 11 июня 2003 г. № 101 // Экологическое законодательство Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://www.cawater-info.net/library/rus/land/14.txt>. — Дата доступа: 28.02.2024.

23. Основы законодательства Республики Армения об охране природы [Электронный ресурс] // База данных «ФАОЛЕКС». — Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/arm47095R.pdf>. — Дата доступа: 28.02.2024.

24. Об экологическом контроле [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения от 10 мая 2005 г. № ЗР-82 : в ред. от 26 октября 2022 г. № ЗР-375) // Законодательство стран СНГ. — Режим доступа: [https://base.spinform.ru/show\\_doc.fwx?rgn=135784](https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=135784). — Дата доступа: 28.02.2024.

25. Модельный экологический кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств (Общая часть) : принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 27-8 от 16 ноября 2006 года) // Интернет-сайт Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ. Модельные кодексы и законы. — Режим доступа: [https://iacis.ru/baza\\_dokumentov/modelnie\\_zakonodatelnie\\_akti\\_i\\_rekomendacii\\_mpa\\_sng/modelnie\\_kodeksi\\_i\\_zakoni](https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni). — Дата доступа: 29.02.2024.

26. Минько, Н. С. Экологический комплаенс организации / Н. С. Минько, Л. Ф. Минько // Природопользование, охрана окружающей среды, экономика, энергетика: инновационные подходы в области правового регулирования : монография / под ред. Т. В. Ефимцевой, Т. Г. Зориной, Р. Н. Салиевой. — М. : ИНФРА-М, 2024. — С. 149–156.

27. Экологический комплаенс: как системные инструменты снижают эколого-правовые риски предприятий // Экостандарт. — Режим доступа: <https://journal.ecostandard.ru/eco/kontekst/ekologicheskiiy-komplaens-kak-sistemnye-instrumenty-snizhayut-ekologo-pravovye-riski-predpriyatiy>. — Дата доступа: 28.02.2024.

28. Прасолов, В. И. Экологический комплаенс в деятельности современных компаний / В. И. Прасолов, В. О. Зубков // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — Т. 3, № 12. — С. 42–49.

29. Якимова, В. А. Учетно-аналитическая модель комплаенс-контроля / В. А. Якимова // Управленческий учет. — 2022. — № 7-1. — С. 145–154.

30. Егорова, М. А. К вопросу о некоторых правовых проблемах внедрения экологических технологий промышленного производства и экологических стандартов в России и в странах ЕС и их значении для

предпринимательской деятельности / М. А. Егорова // Юрист. — 2022. — № 5. — С. 8–18.

31. Кванина, В. В. Экологический комплаенс в системе правовой охраны окружающей среды / В. В. Кванина, Т. И. Макарова // Право. — 2020. — № 1. — С. 95–101.

32. Орлова, Л. Н. Экологический риск-менеджмент в практике экономической деятельности хозяйственных структур / Л. Н. Орлова // Отходы и ресурсы. — 2020. — Т. 7, № 2. — С. 5–24.

33. Михайлова, А. И. Правовые основы внедрения программы экологического комплаенса в условиях развития цифровой экономики (на примере нефтеперерабатывающего предприятия ОАО «Нафтан») / А. И. Михайлова // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета. — Уфа, 2022. — С. 186–190.

34. Петрова, Е. А. Влияние природного капитала на устойчивое экономическое развитие стран СНГ / Е. А. Петрова // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / редкол.: Д. В. Муха [и др.] ; Нац. академия наук Беларуси ; Институт экономики НАН Беларуси. — Минск : Право и экономика, 2023. — Т. 2. — С. 337–345.

35. Грицевич, Н. С. Экологический комплаенс как инновационная форма природоохранной деятельности / Н. С. Грицевич // 79-я науч. конф. студентов и аспирантов Бел. гос. ун-та : материалы конф. : в 3 ч. ; редкол.: В. Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2023. — С. 715–718.

36. Концепция правовой политики Республики Беларусь : по состоянию на 2 октября 2023 г. — Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. — 32 с.

15.05.2024



**N. S. Minko**

Leading researcher of the Department of Research  
in the Field of Civil, Environmental and Social law  
Institute of Legal Research of the National Center for Legislation  
and Legal Studies of the Republic of Belarus,  
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

**ENVIRONMENTAL COMPLIANCE AS AN INNOVATIVE FORM  
OF GREENING THE ECONOMY OF THE EAEU MEMBER STATES:  
LEGAL ASPECT**

*Abstract.* The article reveals topical issues of legal support of environmental compliance in the context of ecologization of economy in the Eurasian space. The necessity of fixing this institute among the measures ensuring the development of “green” economy in the Republic of Belarus (Article 47 of the Law of the Republic of Belarus “On Environmental Protection”) is noted. Special attention is paid to its content in the system of corporate governance.

*Key words:* environmental compliance, greening of the economy, EAEU, environmental risk management, environmental management.

## РАЗДЕЛ IV Трибуна молодого ученого

УДК 347.15/18

**А. А. Бразевич**

студент третьего курса юридического факультета  
Белорусского государственного университета

**Н. А. Мешкова**

преподаватель кафедры хозяйственного права юридического  
факультета Белорусского государственного университета

### ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ В СПОРТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ<sup>1</sup>

*Аннотация.* Деятельность профессиональных спортсменов и тренеров, спортсменов и тренеров — полупрофессионалов, судей по спорту сегодня в Республике Беларусь осуществляется преимущественно на основании трудового договора, что, однако, не соответствует сущности отношений, субъектами которых выступают обозначенные физические лица. Единственной альтернативой традиционной занятости, основой которой является заключение трудового договора, выступает заключение гражданско-правового договора, использование которого, однако (при наличии в правовой конструкции правоотношения публичного интереса, обусловленного природой социально-политической коммуникации), является неэффективным и нецелесообразным. Ввиду приведенных обстоятельств авторы данной статьи предприняли попытку рассмотреть деятельность названных категорий физических лиц как самозанятость с публично-правовым элементом, что не только позволяет сформировать целостное представление

---

<sup>1</sup> Статья выполнена представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

о природе публично-правовой самозанятости, но и определить ее место в системе отношений, складывающихся в сфере спорта и олимпийского движения.

*Ключевые слова:* профессиональные спортсмены и тренеры, спортсмены и тренеры — полупрофессионалы, судьи по спорту, социально-политическая коммуникация, самозанятость.

**Введение.** Отношения занятости — это не просто общественные отношения, преимущественно основанные на трудовом договоре, ведь существует предпринимательская, образовательная, социальная занятость и другие типы занятости, правовой основой которых является отнюдь не трудовой договор. Самозанятость — это тип занятости, обладающий наиболее сложной природой, нежели это принято считать в доктрине трудового права (которая слабо коррелирует с хозяйственно-правовой наукой).

Традиционно самозанятость рассматривается как частно-правовой институт, но представители научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета пришли к выводу, что самозанятость может не только содержать публично-правовой элемент, но и обладать публично-правовой природой. Именно деятельность профессиональных спортсменов и тренеров, спортсменов и тренеров — полупрофессионалов, судей по спорту является одним из наиболее ярких и одновременно понятных примеров публично-правовой самозанятости.

Наличие публично-правового элемента в деятельности профессиональных спортсменов и тренеров, спортсменов и тренеров — полупрофессионалов, судей по спорту обусловлено именно сферой, в которой осуществляется соответствующая деятельность (сфера спорта и олимпийского движения), что обусловлено тем, что такая деятельность — это публично-коммуникативная деятельность, ибо затрагивает обезличенный интерес, обусловленный потребностью общества [1].

Самозанятость исследуется достаточно значительным числом ученых и специалистов-практиков, однако среди белорусских авторов стоит отметить лишь статью Н. Л. Бондаренко, посвященную правовому статусу самозанятых лиц [2]. Российские ав-

торы рассматривают самозанятость преимущественно как институт гражданского или трудового права (М. И. Клеандаров [3], Л. Т. Кокоева [4], С. П. Монгуш [5], И. В. Воробьева [6], С. А. Готов, И. А. Алешкова [7], В. Б. Азарова [8]), что, в свою очередь, не позволяет сформировать сущностное представление о самозанятости, тем более о самозанятости с публично-правовым элементом.

Однако, несмотря на приведенные обстоятельства и в силу сложившейся практики в Республике Беларусь, профессиональные спортсмены, тренеры, спортсмены и тренеры — полупрофессионалы, судьи по спорту принимают участие в общественных отношениях различного рода как «независимая» единица. И они не являются единственным примером такого положения дел. Например, в силу п. 3 Положения о порядке отнесения трудоспособных граждан к не занятым в экономике, формирования и ведения базы данных трудоспособных граждан, не занятых в экономике, включая взаимодействие в этих целях государственных органов и организаций, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 марта 2018 г. № 239, *занятыми в экономике лицами признаются физические лица, осуществляющие творческую деятельность в качестве творческого работника, статус которого подтверждается творческим союзом, членом которого он является, или профессиональным сертификатом творческого работника, выдаваемым в соответствии с законодательством, фактически признанные самозанятыми лицами (хотя и без определения публично-правовой составляющей в правовой конструкции такой формы самозанятости)* либо находящиеся в трудовых отношениях с нанимателем, в силу которых названные нами категории физических лиц выполняют определенную функцию. Единственной альтернативой обозначенным вариантам занятости является гражданско-правовой договор, использование которого при наличии в правовой конструкции правоотношения публичного интереса, обусловленного природой социально-политической коммуникации, является неэффективным и нецелесообразным.

Однако, с нашей точки зрения, обозначенные варианты участия субъектов спортивных правоотношений в отношениях, складывающихся по поводу занятости в экономике, являются неэффективными.

В этой связи настоящая статья призвана не только описать феномен самозанятости в сфере спорта, но и сформировать доктринальную основу для институционализации публично-правовой самозанятости.

**Основная часть.** Объективным является тезис о том, что профессиональные спортсмены и тренеры, спортсмены и тренеры — полупрофессионалы, судьи по спорту обладают таким общесоциальным и правовым статусом [10], в силу которого свойственная им правосубъектность и правовое положение предполагают участие таких физических лиц в социально-политической коммуникации, соответственно, обозначенные категории физических лиц должны во всех случаях профессионального взаимодействия с прочими субъектами права признаваться самозанятыми лицами в сфере социально-политической коммуникации. По родовому критерию такого рода публично-правовую самозанятость следует подразделять на два типа:

1. Самозанятость в сфере социально-политической коммуникации, осуществляемая физическим лицом самостоятельно, когда такая методология осуществления хозяйственно-трудовой деятельности является допустимой или установленной нормами национального, наднационального и международного права.

2. Самозанятость в сфере социально-политической коммуникации, осуществляемая физическим лицом на основе особой разновидности внутригосударственного нормативного договора — договора найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации, подразделяемого на следующие виды:

– договора найма самозанятого лица в сфере культуры и в индустрии развлечений;

– договора найма самозанятого лица для проведения учебных занятий, образовательных, научных и организационных мероприятий или для участия в таких занятиях и (или) мероприятиях; при этом считаем целесообразным использование такого внутригосударственного нормативного договора во всех случаях привлечения педагогических работников к проведению учебных занятий и образовательных мероприятий на условиях почасовой оплаты;

– договора найма профессионального спортсмена/тренера, договора найма спортсмена/тренера-полупрофессионала и договора найма судьи по спорту.

Кроме того, считаем целесообразным имплементацию аналогичного по своей природе нормативного договора, стороной — исполнителем — в которой будет выступать субъект предпринимательской деятельности или субъект непредпринимательской хозяйственной деятельности, правовая конструкция деятельности которого содержит элемент социально-политической коммуникации. Примером такого субъекта является спортивный агент (ст. 47<sup>1</sup> Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте»), федерации (союзы, ассоциации) по виду (видам) спорта (ст. 21 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте»), специализированные учебно-спортивные учреждения (ст. 23 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте») или клубы по виду (видам) спорта (ст. 24 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте»).

Основополагающими критериями для признания хозяйственно-трудовой деятельности самозанятого лица самозанятостью в сфере социально-политической коммуникации являются:

1. Обладание физическим лицом общесоциальным и правовым статусом, особенности которого позволяют такому лицу оказывать прямое или косвенное воздействие на состояние системы общественных отношений и состояние общественного мнения.

2. Влияние результатов хозяйственно-трудовой деятельности самозанятого лица на состояние баланса публичного и частного интереса.

3. Наличие в правовой и организационной конструкции хозяйственно-трудовой деятельности физического лица признаков методологии социально-политической коммуникации, оказывающей положительное воздействие на состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь.

4. Необходимость установления индивидуального правового режима осуществления хозяйственно-трудовой деятельности самозанятого лица, содержащей элемент социально-политической коммуникации, призванного обеспечить защиту национальных интересов Республики Беларусь, а также защиту прав и законных интересов такого самозанятого лица в связи с его участием в правоотношениях, элементом правовой конструкции которых является социально-политическая коммуникация.

Ключевой особенностью предлагаемой нами правовой конструкции договора найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации является характер его юридической силы: в силу такого договора не только будут устанавливаться взаимные обязательства сторон, но и должен определяться *индивидуальный правовой режим* общественных отношений с участием самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации, а включенные в такой нормативный договор правовые нормы будут распространять свое действие на правоотношения с участием третьих лиц. Такая особенность данного внутригосударственного нормативного договора обусловлена тем, что физические лица — участники общественных отношений, содержащих элемент социально-политической коммуникации, как правило, выполняют функции и задачи, содержание которых имеет индивидуальные, а порою даже уникальные характеристики. При этом реализация таких функций и выполнение таких задач зачастую требует установления правового инструментария, который отсутствует в законодательстве в силу объективных причин — уникальность выполняемых физическим лицом юридически значимых и фактических действий. Решение такой проблемы является невозможным в рамках трудовых правоотношений (так как трудовой договор не способен обеспечить установление обозначенного правового инструментария в силу своей природы) и неэффективным в рамках гражданских правоотношений (ибо гражданско-правовой договор может детально определить порядок и условия исполнения сторонами различных взаимных обязательств, но не способен установить права и обязанности для субъектов, не являющихся сторонами такого договора, и тем более не предназначен для установления индивидуального правового режима правоотношения).

Имплементация договора найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации в национальную правовую систему позволит не только разрешить данную проблему, но и сформировать уникальный механизм и методологию обеспечения защиты национальных интересов Республики Беларусь, основанный на специфической методологии осуществления хозяйственно-трудовой деятельности — самозанятости в сфере социально-политической коммуникации.

Наиболее понятным и ярким примером потребности в предлагаемых нами правовых институтах (самозанятость в сфере социально-политической коммуникации и договор найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации) является содержание спортивных и олимпийских правоотношений, поскольку трудно отрицать тот факт, что классифицируемая нами как спортивная деятельность профессионального спортсмена и тренера, спортсмена и тренера — полупрофессионала, судьи по спорту содержит ярко выраженный элемент социально-политической коммуникации. При осуществлении данными физическими лицами спортивной деятельности, в том числе участия в спортивных, образовательных, научных и организационных мероприятиях, возникает целый комплекс проблем и задач, которые не решаются нормами трудового и гражданского права (в части установления и исполнения договорных обязательств), а также приводят к возникновению серьезных противоречий и неразрешимых ситуаций. Например:

1. Содержание прав и обязанностей профессионального спортсмена и тренера, спортсмена и тренера — полупрофессионала, судьи по спорту в рамках взаимоотношений таких физических лиц с прочими субъектами спортивных правоотношений зачастую не может быть определено положениями трудового или гражданско-правового договора и фактически порождает состояние противоречия таких договоров законодательству. Наиболее ярким примером такого противоречия является установление графика профессиональной подготовки профессионального спортсмена и его участия в спортивных мероприятиях, который фактически никак не может быть «вписан» в правовой режим рабочего времени и времени отдыха, урегулированный



трудовым законодательством. Заключение же гражданско-правового договора с таким спортсменом часто является невозможным (ведь законодатель предписывает необходимость заключения именно трудового договора), а если и является возможным, то такой гражданско-правовой договор не позволяет разрешить проблему из-за коллизий между трудовым, гражданским и хозяйственным законодательством (к массиву которого мы также относим нормы спортивного законодательства).

Например, во время спортивной подготовки спортсмены могут отправляться на учебно-тренировочные сборы. Основная особенность данного периода заключается в том, что они выполняют обязанности, предусмотренные трудовым либо гражданско-правовым договором, на протяжении 12–16 часов (с учетом различных тренировок, тренажерного зала, теоретических занятий и восстановительных процедур) вместо 4–6 часов, являющихся привычным трудовым временем спортсменов и лиц, занятых в спорте, вне учебно-тренировочных сборов. Однако как деятельность в рамках учебно-тренировочных сборов, так и вне их (часы в рамках осуществления перечисленных видов которой значительно отличаются) осуществляется в рамках одного и того же трудового либо гражданско-правового договора, предусматривающего фиксированную заработную плату, которую, как следствие, спортсмены получают вне зависимости от количества фактически отработанных часов. Такая особенность имеет место и во время спортивных соревнований, выездных спортивных соревнований и международных соревнований, в рамках которых в фактически отработанное время будет включено также время, затраченное на командирование, пребывание по месту проведения соревнований и т. д. При этом на практике договорами, помимо прописанной фиксированной заработной платы, может быть предусмотрена ставка, на основании которой должна высчитываться заработная плата, что вызывает противоречие между условиями договора.

2. Порядок, условия, график участия обязанностей профессионального спортсмена и тренера, спортсмена и тренера — полупрофессионала, судьи по спорту в спортивных правоотношениях зачастую противоречат целям, задачам и содержанию хозяйственной деятельности иных субъектов спортивных пра-

воотношений (например, спортивных клубов, федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта) не потому, что все перечисленные субъекты спортивных правоотношений неправомерно себя ведут, а потому, что ни один законодатель не способен учесть самые разнообразные события и обстоятельства, возникающие в текущем режиме, и включить в нормативные правовые акты соответствующие правовые нормы, регулирующие каждую конкретную ситуацию (следовательно, законодательство не может и не должно устанавливать индивидуальный правовой режим для каждого конкретного правоотношения). В то же время наличие в спортивном законодательстве такого правового института, как договор найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации, позволяло бы устранить такого рода противоречия посредством установления индивидуального правового режима для любой уникальной ситуации. Такой внутригосударственный нормативный договор эффективно регулировал бы как частноправовую, так и публично-правовую составляющую какого-либо спортивного правоотношения.

3. Функционирование спортивной сферы и олимпийского движения способно порождать ситуации, когда правовой режим участия профессионального спортсмена и тренера, спортсмена и тренера — полупрофессионала, судьи по спорту в спортивных правоотношениях способно породить противоречия между регулятором спортивных отношений и саморегулируемыми организациями в этой сфере, обусловленные исключительно доброй волей и добросовестным поведением таких субъектов публичного интереса. Причиной тому является неспособность трудового или гражданско-правового договора определить индивидуальный правовой режим для конкретных правоотношений, результатом чего является коллизия прав и обязанностей профессионального спортсмена и тренера, спортсмена и тренера — полупрофессионала, судьи по спорту по отношению к регулятору общественных отношений и саморегулируемым организациям, а часто и по отношению к прочим субъектами спортивных правоотношений. Однако наличие в правовой системе Республики Беларусь договора найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации позволило бы

эффективно разрешить подобную проблему, поскольку такое приглашение сторон может быть не только многосторонним, но и регулировать разнообразные элементы правоотношения.

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать не только инновационность, но и абсолютную уникальность предлагаемого нами методологического подхода к урегулированию таких правоотношений. Исследования, проведенные ранее отечественными и зарубежными специалистами по проблематике регулирования спортивных отношений, свидетельствуют о преобладании в зарубежной практике следующих методологий правового регулирования участия профессионального спортсмена и тренера, спортсмена и тренера — полупрофессионала, судьи по спорту в спортивных правоотношениях:

1. Отсутствие специального регулирования, не предполагающего установления для таких физических лиц правового положения самозанятого лица, участника трудовых правоотношений или стороны в гражданско-правовом договоре (например, в Италии не определено правовое положение спортивных судей и непрофессиональных спортсменов в спортивных правоотношениях, а в Латвии законодательство о труде не распространяет свое действие на отношения в сфере спорта, и только спортивное законодательство содержит упоминание о том, что государство в большей степени склоняется к тому, что отношения между спортсменом и его работодателем тяготеют к трудовым (соответственно, правовое положение работодателя в качестве нанимателя в рамках трудового договора латвийским законодательством не установлено) [9, с. 22]).

2. Признание отношений между работодателем (обладающим правовым положением нанимателя по трудовому договору), с одной стороны, и профессиональным спортсменом и тренером, спортсменом и тренером — полупрофессионалом, судьей по спорту — с другой, трудовыми правоотношениями (как в Ирландии и Королевстве Испания [9, с. 22]), причем даже существует методология коллективного регулирования таких трудовых правоотношений, основанных на коллективном трудовом договоре (как в Финляндии [9, с. 23]).

3. Отсутствие разделения отношений между работодателем, с одной стороны, и профессиональным спортсменом и тренером, спортсменом и тренером — полупрофессионалом, судьей по спорту — с другой, на трудовые и гражданско-правовые, как это имеет место в Польше [9, с. 23]. Используемая польскими властями методология регулирования названных общественных отношений имеет определенные сходства с предлагаемой нами моделью правового регулирования спортивных правоотношений с участием самозанятых лиц.

4. Установление методологии саморегулирования отношений между работодателем, с одной стороны, и профессиональным спортсменом и тренером, спортсменом и тренером — полупрофессионалом, судьей по спорту — с другой, предполагающее, к примеру, заключение коллективных договоров о таком взаимодействии (как в Швеции [9, с. 31]), которые (договоры), полагаем, обладают природой внутригосударственного нормативного договора и в наибольшей степени тяготеют к предлагаемой нами правовой конструкции самозанятости в сфере социально-политической коммуникации.

5. Гибридное применение при регулировании отношений между работодателем, с одной стороны, и профессиональным спортсменом и тренером, спортсменом и тренером — полупрофессионалом, судьей по спорту — с другой, норм трудового законодательства и норм законодательства об оказании услуг, сочетающих в себе признаки гражданско-правового и административно-правового регулирования (как в США [9, с. 37]). Причем такое сочетание позволяет констатировать наличие методологии применения внутригосударственных нормативных договоров для регулирования такого рода общественных отношений, что в случае с США также подкреплено специфическими особенностями прецедентного права.

Так, практика применения внутригосударственного нормативного договорного регулирования спортивных отношений не является уникальной и распространена в иностранных правовых системах. Полагаем, подобная методологическая основа обладает наибольшей степенью эффективности, поскольку позво-

ляет учитывать любые аспекты в текущем и перспективном состоянии общественных отношений и минимизирует возможность возникновения пробелов и коллизий при осуществлении регулирования.

**Заключение.** Таким образом, предлагаемая нами концепция института самозанятости в сфере социально-политической коммуникации в целом и публично-правовой самозанятости, осуществляемой физическим лицом на основе особой разновидности внутригосударственного нормативного договора — договора найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации, в частности, имеет уникальные характеристики, которые учитывают положительный опыт регулирующего воздействия, имеющегося в иностранных юрисдикциях, преломляя его на особенности национальной правовой системы Республики Беларусь.

Наиболее концептуально сложной нам видится имплементация в правовую систему Республики Беларусь договора найма самозанятого лица в сфере социально-политической коммуникации, поскольку в данном случае речь идет о значительном реформатировании правовой конструкции договорных отношений, сложившихся в практике. Однако появление в национальной правовой системе подобной правовой конструкции открывает широкие возможности для совершенствования механизма и методологии значительного числа общественных отношений самого разнообразного характера (не только описанных в настоящем исследовании).

Реализация подобной задачи видится наиболее целесообразной в виде закрепления соответствующих правовых норм в перспективе в Хозяйственном кодексе Республики Беларусь, а также в виде внесения изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь, позволяющих разграничить правовую природу гражданско-правового договора и внутригосударственного нормативного договора.

Кроме того, необходима имплементация предлагаемого нами механизма регулирования публично-правовой самозанятости в спортивные правоотношения. Для этого необходимо включение изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте».

## **Список использованных источников**

1. Конаневич, Ю. Г. Политико-коммуникативная сфера как отрасль национальной экономики и политико-коммуникативная деятельность как вид публичной хозяйственной деятельности / Ю. Г. Конаневич // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. — Режим доступа: АПГП 1(15)\_ЭВ\_-063-078.pdf (mitso.by). — Дата доступа: 15.01.2024.
2. Бондаренко, Н. Л. Правовой Статус самозанятых лиц / Н. Л. Бондаренко // Юстиция Беларуси. — 2021. — № 7. — С. 23–27.
3. Клеандаров, М. И. Экономика. Право. Общество. — 2019. — № 2 (18). — С. 7–18.
4. Кокоева, Л. Т. Самозанятость как новая гражданско-правовая категория / Л. Т. Кокоева // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 4 (196). — С. 101–103.
5. Монгуш, М. П. Самозанятость сельского населения Тывы / М. П. Монгуш // Региональная экономика: теория и практика. — 2017. — № 11 (446). — С. 2109–2122.
6. Воробьева, И. В. Социально-трудовое положение самозанятых работников / И. В. Воробьева // Уровень жизни регионов населения России. — 2023. — Т. 19, № 1. — С. 125–137.
7. Глотов, С. А. Самозанятость в Российском праве: новое и преемственность / С. А. Глотов, И. А. Алешкова // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 12 (216). — С. 62–65.
8. Азарова, В. Б. Совершенствование нормативного закрепления статуса самозанятого гражданина / В. Б. Азарова // Юридическая наука. — 2022. — № 8. — С. 15–18.
9. Шевченко, О. А. Международное и сравнительное трудовое право в сфере профессионального спорта : монография / О. А. Шевченко. — М. : Проспект, 2022. — 104 с.30.05.2024.

30.05.2024

**A. A. Brazevich**

Third year student of the Law Faculty  
of the Belarusian State University

**N. A. Meshkova**

Lecturer, Department of Economic Law, Faculty of Law,  
Belarusian State University

## **PUBLIC-LAW SELF-EMPLOYMENT IN SPORTS LEGAL RELATIONS**

*Abstract.* The activity of professional sportsmen and coaches, sportsmen and coaches — semi-professionals, sports judges today in the Republic of Belarus is carried out mainly on the basis of a labour contract, which, however, does not correspond to the essence of relations, the subjects of which are these individuals. The only alternative to the traditional employment, the basis of which is the conclusion of a labour contract, is the conclusion of a civil law contract, the use of which, however, in the presence of public interest in the legal structure of the legal relationship, conditioned by the nature of socio-political communication, is ineffective and inexpedient. In view of the above circumstances, the authors of this article have made an attempt to consider the activities of professional sportsmen and coaches, sportsmen and coaches — semi-professionals, sports judges as self-employment with a public-law element, which not only allows to form an understanding of the nature of self-employment, but also of the relations formed in the sphere of sport and the Olympic movement.

*Key words:* professional sportsmen and coaches, sportsmen and coaches — semi-professionals, sports referees, socio-political communication, self-employment.

УДК 346.1

**В. И. Брель**

студент третьего курса юридического факультета  
Белорусского государственного университета

**А. В. Гавриленко**

старший преподаватель кафедры хозяйственного права  
Белорусского государственного университета

## **СТРАНОВОЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНВЕСТИЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* В статье содержится описание правовой природы странового маркетинга и определяются условия, при которых осуществление инвестиций в сферу странового маркетинга регулируется не только нормами фискального права, но и нормами инвестиционного права. Констатируется необходимость институционализации в национальной системе права коллективного управления страновым брендом, правовая конструкция которого содержит элемент частных инвестиций.

*Ключевые слова:* маркетинг, страновой маркетинг, объекты публичной идентификации, бренд, коллективное управление брендом, фискальные правоотношения, инвестиционные правоотношения.

**Введение.** Исторически сложилось, что отдельные категории и социальные институты в силу различных причин часто закреплены в силу некоего «негласного соглашения» за определенной областью научного и практического знания. В результате в понимании широкой общественности тот или иной институт (категория) превращаются в чужеродные для смежных областей знания. И даже если попытки такого профильного восприятия предпринимаются, определение природы и содержания такого

---

<sup>1</sup> Статья выполнена представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).



института (категории) преимущественно происходит по тем негласным правилам, которые выработаны «областью научного знания — монополистом».

Ярким примером таких институтов являются маркетинг (частный и публичный) и бренд. Негласно считается, что упоминание названных терминов означает автоматическое преломление на все, что с ними связано, той доктринальной основы, которая выработана экономической наукой. При этом как маркетинг, так и бренд (и брендинг) — это институты, которые широко представлены в правовой науке и политологии (хотя для их обозначения зачастую используются категории схожего порядка, но именуемые иначе, например «средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг» в праве или «политический имиджмейкинг» в политологии). В силу этого представители разных областей науки, обсуждая одни и те же социальные явления, оперируют совершенно разной терминологией, привнося тем самым путаницу в систему научных знаний об общественных отношениях.

В свою очередь, становление института странового маркетинга привело к появлению следующего парадокса: несмотря на то, что «идеологическую основу» странового маркетинга так или иначе разрабатывали как представители экономической, так и политической науки, ни одна из названных областей научного знания так и не решилась взять на себя «ответственность» за данный социальный институт. И в этой ситуации совершенно неожиданным явилось то, что такую «ответственность» приняла на себя хозяйственно-правовая наука, представляемая и защищаемая силами научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета (далее — Научная школа ХП). Результаты творческой деятельности Научной школы ХП нашли свое отражение в целом ряде тематических публикаций [1–9] (и прежде всего в монографии «Страновой маркетинг» [10]). И эти результаты позволили не только заявить о правовой природе странового маркетинга, но и сформировать в рамках хозяйственно-правовой науки доктринальную основу странового маркетинга, пригодную для эффективного использования в смежных областях научного знания.

В силу новизны данного направления для хозяйственно-правовой науки было сочтено целесообразным привлечение молодых исследователей для анализа искомого явления.

Соответственно, в настоящей статье отражено в основном студенческое видение проблематики странового маркетинга, причем впервые с ярко выраженным акцентом на инвестиционно-правовую составляющую данного института, позволяющим продолжить традицию широкой междисциплинарности научных исследований в хозяйственно-правовой науке, заложенной Научной школой ХП [11], получившей высокую оценку в отечественном и зарубежном научном сообществах [12].

Безусловно, в настоящем исследовании использовалась позиция представителей различных областей научного знания, а также мнения разных авторов по проблематике странового маркетинга (таких как А. А. Савина [13], А. З. Новенькова [14], Ю. А. Медведева [15], Л. А. Денисевич [16] и др.). Однако в целом отраженная в статье позиция сформирована в контексте научной идеологии Научной школы ХП.

**Основная часть.** Основопологающей проблемой при формировании представления о природе и существенных характеристиках странового маркетинга является неопределенность позиции многих авторов по проблематике странового маркетинга. Значимая часть литературных источников научного и образовательного характера фактически не дает четкого и однозначного ответа относительно понятия странового маркетинга. Примечательно, что доктринальные источники, разработанные Научной школой ХП, наоборот, стремятся к выработке подобных определений, что опосредует целесообразность их анализа в рамках настоящего исследования.

Полагаем, что именно с детального изучения их содержания мы и начнем наше исследование.

Так, по мнению О. Б. Романова, страновой маркетинг — прежде всего *«комплексный политический институт, основанный на экономической методологии, целью которого является формирование политического и экономического имиджа страны и государства»* [8].

В свою очередь, Ю. О. Лысаковская под страновым маркетингом понимает *«политико-правовой институт, призванный обеспечивать формирование и рекламирование имиджа страны и государства с использованием экономической методологической основы»* [5].

С нашей точки зрения, принципиальным отличием позиции представителей Научной школы ХП является ярко выраженное приращение страновому маркетингу признаков института (политического и политико-правового), в то время как многие иные исследователи ограничивают природу странового маркетинга лишь пределами некоей совокупности юридически значимых и фактических действий, совершаемых для рекламирования страны (по нашему мнению, такая позиция характерна преимущественно для представителей политологии), либо вообще сводят природу странового маркетинга к обычному маркетингу, но только привязанному к определенной территории (по нашему мнению, такая позиция характерна для представителей экономической науки).

Так, Л. А. Денисевич придерживается мнения, что страновой маркетинг — это *«комплекс мероприятий по продвижению различных преимуществ страны, а именно экономических, инвестиционных, инфраструктурных, природных, человеческих, научных и так далее»* [16].

В свою очередь, А. З. Новенькова указывает, что *«территориальный маркетинг — это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория»* [14].

В то же время если проанализировать нормы, содержащиеся в п. 8 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», можно констатировать следующий вывод: то, что понимают разные авторы под страновым маркетингом, государство фактически воплотило в институт, обеспечивающий продвижение национальных интересов Республики Беларусь и функционирование государственного идеологического механизма. Причем также

можно сделать вывод о том, что страновой маркетинг в том или ином его внешнем виде является методологической основой политической коммуникации и, с нашей точки зрения, соответствует критериям идентификации политико-коммуникативной деятельности в качестве публичной хозяйственной деятельности, выработанным Ю. Г. Конаневичем [4].

Следовательно, можно обозначить следующие черты, свойственные страновому маркетингу:

- он является социальным институтом, причем соответствующим критериям его идентификации в качестве комплексного правового института [17];

- он является комплексным правовым институтом, содержащим политический и экономический элементы, правовая конструкция которого соответствует признакам публичной хозяйственной деятельности [18], а именно политико-коммуникативной деятельности [4], причем данный вид публичной хозяйственной деятельности может осуществляться как в форме предпринимательской, так и в форме непредпринимательской хозяйственной деятельности [19–21];

- это публичная хозяйственная деятельность, обладающая ярко выраженным целевым назначением — формированием образа страны и государства и продвижением национальных интересов Республики Беларусь;

- это публичная хозяйственная деятельность, предполагающая широкое использование методологии осуществления государственных и частных инвестиций, позволяющая государству и национальным производителям получать экономический, социальный и политический эффект [19].

Обоснование сделанных нами выводов содержится в определении природы маркетинга и странового маркетинга, выработанного представителями Научной школы ХП [10]. По мнению авторов, маркетинг есть свойство микроэкономики — коммерческой или некоммерческой организации, индивидуального предпринимателя или иного физического лица — субъекта хозяйственной деятельности (например, ремесленника как самозанятого лица), обладающих правовым положением хозяйству-

ющего субъекта — субъекта конкурентных отношений на товарных рынках» [10, с. 68, 69]. Следовательно, маркетинг широко распространен в экономической жизни, однако его распространенность не выходит за пределы правовой конструкции, то есть не выходит за пределы институциональной единицы как субъекта хозяйственной деятельности. В широком смысле, декларируемом экономической наукой, маркетинг является отражением личности человека или организации, идентифицируемой в обществе.

Понимание природы странового маркетинга находится в плоскости понимания природы слова «страна». Обратимся к толковому словарю С. И. Ожегова, в нем под словом «страна» понимается: «1. Территория, имеющая собственное государственное управление или управляемая другим государством. 2. Местность, территория» [22, с. 772]. Соответственно, с позиции лингвиста, страна — это территория, население которой отличается историко-культурной общностью и политической обособленностью. Население страны, а следовательно, страна представляется не конкретным индивидом или организацией, а общностью людей.

Следовательно, под страновым маркетингом необходимо понимать деятельность хозяйствующих субъектов конкурентных отношений на товарных рынках в совокупности (в масштабах всей страны в целом) как общности людей (макроэкономический аспект). Причем основополагающей особенностью странового маркетинга является его идентификация в качестве объекта государственной монополии. Именно по этой причине Научная школа ХП декларирует, что под страновым маркетингом следует понимать *«комплексный правовой институт, основанный на принципах государственной монополии, публично-частного партнерства и методологии мягкой силы и легальной экономической лоббистики, обеспечивающий эффективное участие национальной экономики в добросовестной экономической конкуренции на национальном и иностранных товарных рынках и привлекательность национальных факторных рынков,*

*а также эффективное участие государства в политической конкуренции и эффективное функционирование системы национальной безопасности» [10, с. 76].*

Публично-правовая природа странового маркетинга и обусловленная принадлежность странового маркетинга к числу объектов государственной монополии обосновывается О. Б. Романовым, который определяет сущность странового маркетинга в качестве публично-правового института и политико-коммуникативной деятельности, ссылаясь при этом на работы таких американских авторов, как С. Анхольт и Д. Хильдрет : *«государства — самые влиятельные бренды на мировом рынке, и не было в истории бренда столь могущественного и столь спорного, как бренд Соединенных Штатов Америки. Этот бренд ассоциируется с молодежной культурой (кока-кола, MTV, джинсы), активным стилем жизни (кроссовки Nike) и технологическими достижениями (Microsoft, Dell, IBM); Америка — синоним свободы слова (CNN, Time, Newsweek) и богатства (American Express, Merrill Lynch, Goldman Sachs). Из 100 самых популярных брендов мира более 60 принадлежат американским компаниям» [8].*

Из содержания обозначенного вывода можно определить задачи странового маркетинга, к числу которых относятся:

- формирование максимально привлекательной идеи, имиджа и философии страны и государства как места размещения факторных рынков, места производства микроэкономических товаров, места проживания и резидентства для целей осуществления хозяйственной деятельности, хранения и приумножения капитала;
- создание условий для спроса странового бренда и территориальных брендов на внутреннем и внешних рынках;
- создание условий для спроса резидентов и нерезидентов государства на идеи, лежащие в основе социальной, политической и экономической модели функционирования государства;
- формирование привлекательности микроэкономического товара и спроса на него посредством формирования привлекательности и спроса на страну как бренд, предполагающее повышение микроэкономических индикаторов хозяйственной деятельности национальных производителей товаров [8; 10, с. 57].

По мнению О. Б. Романова, необходимость институционализации странового маркетинга в национальной правовой системе Республики Беларусь обусловлена следующим факторами:

- страновой маркетинг является самостоятельным видом хозяйственной деятельности;
- страновой маркетинг является видом хозяйственной деятельности, которую следует идентифицировать в качестве публичной деятельности, осуществляемой одновременно в двух правовых режимах: в режиме административно-хозяйственной деятельности и в режиме фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства);
- страновой маркетинг выступает одновременно сферой и методологией политической и экономической коммуникации в рамках внутригосударственных общественных отношений и в рамках реализации внешней политики государства;
- страновой маркетинг выступает видом публичной хозяйственной деятельности, содержанием которого являются формирование странового бренда и осуществление коллективного управления национальными брендами в рамках реализации как внутренней, так и внешней политики [8].

Обозначенные факторы позволили представителям Научной школы ХП отнести страновой маркетинг к предмету фискального права [10], хотя отдельные его элементы присутствуют и в других отраслях права.

Страновой маркетинг — это все же деятельность. И любая деятельность должна строиться вокруг некоего объекта. Для странового маркетинга таким объектом является страновой бренд.

Ю. Г. Конаневич и Н. Л. Бондаренко предлагают идентифицировать страновой бренд в качестве объекта публичной идентификации — *объективно сложившегося в обществе восприятия личности человека, формальной или неформальной внутриюрисдикционной организации, субъекта международного права, административно-территориальной единицы государства или определенной местности страны, имеющей социальное, политическое или экономическое значение, способной быть использован-*

ным для получения экономического эффекта, а в случаях, установленных законодательством, — социального и (или) политического эффекта [23; 24].

При этом предлагается подразделять объекты публичной идентификации на бренды и объекты природного, историко-культурного, социального или социально-политического значения либо объекты социальной или политической коммуникации [23]. Бренды, в свою очередь, делятся на частноправовые и публично-правовые бренды. Страновой же бренд относится к публично-правовым [23].

Актуальность институционализации объектов публичной идентификации обусловлена тем, что, признав страновой бренд объектом публичной идентификации, государство и общество приобретают возможность для использования странового бренда для защиты и продвижения национальных интересов, получения в результате этого социального, экономического и политического эффекта.

Управление брендом и управление страновым брендом являются комплексными правовыми концепциями, которые защищают и регулируют использование и идентичность брендов. Управление брендом охватывает юридические вопросы, связанные с созданием, защитой и использованием брендов, включая такие категории, как товарные знаки, авторские права, патенты, коммерческую тайну и пр. Управление страновым брендом относится к правовым механизмам, используемым для формирования стандартов качества для национальных производителей и продвижения национальных интересов.

Данное обстоятельство позволяет обозначить наличие в правовой конструкции странового маркетинга инвестиционно-правового элемента, суть которого состоит не только в возможности, но и необходимости осуществления в сферу странового маркетинга двух видов инвестиций:

1. Частных инвестиций.
2. Государственных инвестиций.

Поскольку представители Научной школы ХП идентифицируют государственные инвестиции в качестве фискально-правового института [6; 7], полагаем справедливым утверждать, что



порядок осуществления государственных инвестиций регулируется не нормами инвестиционного права, а нормами фискального права [2; 6; 7]. При этом частные инвестиции в сферу странового маркетинга — это также объект фискально-правового воздействия в рамках такого правового института, как публично-частное партнерство [25], поскольку право на осуществление частных инвестиций частным инвесторам должно делегироваться в соответствии с правилами о государственной монополии [18].

В то же время осуществление частных инвестиций может регулироваться также и нормами инвестиционного права. Для понимания подобной возможности следует ознакомиться с институтом коллективного управления страновым брендом, особенности которого изложены в публикациях Научной школы ХП [24].

Коллективное управление страновым брендом рассматривается:

- как объект государственной монополии (а именно государственной монополии на функции государства и виды хозяйственной деятельности);
- вид общественных отношений фискально-правового характера;
- методология и механизм осуществления публичной хозяйственной деятельности — фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства);
- вид агентских правоотношений, основанный на широком использовании методологии и механизма публично-частного партнерства [24].

При этом одним из объектов управления в рамках коллективного управления страновым брендом признаются частноправовые бренды. Это означает для субъекта, реализующего управление страновым брендом, необходимость осуществлять также управление доверенными ему государством частноправовыми брендами. Значит, для развития частноправовых брендов субъекту, выполняющему функцию управления страновым брендом, необходимо будет осуществлять инвестиции не в соответствии с фискальным законодательством, а в соответствии

с нормами Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях».

Следовательно, осуществление такого рода частных инвестиций и входит в предмет инвестиционного права.

**Заключение.** Подводя итоги настоящего исследования, необходимо обозначить следующие выводы:

1. Страновой маркетинг является комплексным правовым институтом как в силу его признания таковым на уровне правовой доктрины, так и в силу целого ряда специальных норм, закрепленных в национальном законодательстве.

2. По своей природе страновой маркетинг является фискально-правовым институтом, в связи с чем можно констатировать, что осуществление инвестиций в сферу странового маркетинга регулируется нормами фискального права.

3. Часть общественных отношений, складывающихся по поводу осуществления инвестиций в сферу странового маркетинга, регулируется нормами инвестиционного права. Это общественные отношения, складывающиеся по поводу развития частноправовых брендов, выступающих в качестве объекта управления в рамках коллективного управления страновым брендом.

### ***Список использованных источников***

1. Бондаренко, Н. Л. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования / Н. Л. Бондаренко, А. В. Шидловский // Право.by. — 2022. — № 5 (79). — С. 136–142.

2. Бондаренко, Н. Л. Фискалистика как отрасль правовой науки, основанная на принципе междисциплинарности / Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкая, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 ноября 2022 г. — Минск : Бел. гос. у-т, 2022. — С. 180–185.

3. Бондаренко, Н. Управление брендом как правовой институт и методология управления хозяйственной деятельностью / Н. Бондаренко, Ю. Конаневич // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2023. — № 3 (100). — С. 8–15.

4. Конаневич, Ю. Г. Политико-коммуникативная деятельность как вид публичной хозяйственной деятельности, обеспечивающий реализацию внутренней и внешней политики государства и защиту национальных интересов / Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. — 2020. — № 1 (15). — С. 62–77.

5. Лысаковская, Ю. О. Агентский характер правоотношений в страновом маркетинге и их особенности, обусловленные наличием элемента исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности / Ю. О. Лысаковская // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч., Минск, 20 окт. 2022 г. / Гос. комитет по науке и технологиям Республики Беларусь, Национальный центр интеллектуальной собственности. — Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2022. — Ч. 2. — С. 25–30.

6. Бондаренко Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Право.by. — 2022. — № 1. — С. 46–51.

7. Бондаренко Н. Л. Фискальное право и перспективы его институционализации в системе права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Российский правовой журнал. — 2021. — № 4 (9). — С. 34–49.

8. Романов, О. Б. О проблеме институционализации странового маркетинга в хозяйственном праве, политической и экономической науке / О. Б. Романов // Актуальные проблемы гражданского права. — 2021. — № 2 (18). — С. 160–172.

9. Пономарев, И. М. Коллективное управление страновым брендом как основополагающий институт странового маркетинга и новое направление хозяйственной деятельности в области коллективного управления исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности / И. М. Пономарев // Актуальные проблемы гражданского права. — 2021. — № 2 (18). — С. 147–160.

10. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. — Минск : Ковчег, 2022. — 652 с.

11. Бондаренко, Н. Л. Природа и конструкция хозяйственно-правовой науки / Н. Л. Бондаренко, В. С. Каменков // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 24 окт. 2023 г. / БГУ ; [редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкая]. — Минск : БГУ, 2023. — С. 27–35.

12. Демичев, Д. М. Страновой маркетинг как основополагающий элемент государственного идеологического механизма / Д. М. Демичев, О. А. Кузнецова // Ex Jure. — 2023. — № 2. — С. 17–29.

13. Савина, А. А. Брендинг по полочкам / А. А. Савина // Маркетинговые коммуникации. — 2008. — № 4. — С. 202–212.
14. Новенькова А. З. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Маркетинг территорий» [Электронный ресурс] // Казанский (Приволжский) федеральный университет. — Режим доступа: <https://kpfu.ru/portal/docs> F. — Дата доступа: 06.05.2024.
15. Медведева, Ю. А. Управление организацией в трансформационной экономике: теория и практика : монография / Ю. А. Медведева. — Витебск : ВГТУ, 2008. — 163 с.
16. Денисевич, Л. А. Использование имиджа страны в маркетинговой деятельности организаций Республики Беларусь / Л. А. Денисевич // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сб. науч. тр. / Бел. гос. экон. ун-т ; Дортмундская высшая школа ; Университет Ганновера ; Институт экономики НАН Беларуси ; Гос. ун-т управления ; Балтийская междунар. академия. — Минск : Мэджик ; ОДО «Рэйплац», 2010. — С. 105–108.
17. Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата хозяйственно-правовой науки / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. — 2023. — № 1 (21). — С. 9–26.
18. Конаневич, Ю. Г. Публичная хозяйственная деятельность как вид хозяйственной деятельности / Ю. Г. Конаневич // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2023. — № 2 (72). — С. 75–83.
19. Конаневич, Ю. Г. Трансформация доктринального понимания предпринимательской деятельности как ответ на современные экономические и социальные вызовы / Ю. Г. Конаневич. // Право.by. — 2023. — № 3. — С. 23–32.
20. Конаневич, Ю. Г. Хозяйственная деятельность в системе общественных отношений / Ю. Г. Конаневич // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2021. — № 1 (71). — С. 68–72.
21. Конаневич, Ю. Г. Модель и механизм осуществления хозяйственной деятельности как категории, определяющей методологию ее правового регулирования и существенные характеристики товарных рынков / Ю. Г. Конаневич // Проблемы управления. — 2022. — № 1 (83). — С. 131–136.
22. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
23. Бондаренко, Н. Л. Объекты публичной идентификации как новый тип объектов интеллектуальной собственности / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2023. — № 2. — С. 6–15.

24. Конаневич, Ю. Г. Управление брендом как правовой институт и методология управления хозяйственной деятельностью / Ю. Г. Конаневич, Н. Л. Бондаренко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2023. — № 3. — С. 6–15.

25. Бондаренко, Н. Л. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н. Л. Бондаренко [и др.] // Право.by. — 2022. — № 6. — С. 31–45.

31.05.2024

**V. I. Brel**

Third year law student  
Belarusian State University

**A. V. Gavrilenko**

Senior Lecturer at the Department of Economic Law  
Belarusian State University

## **COUNTRY MARKETING AS AN INVESTMENT AND LEGAL INSTITUTION**

*Abstract.* The article contains a description of the legal nature of country marketing and defines the conditions under which investments in the field of country marketing are regulated not only by the rules of fiscal law, but also by the rules of investment law. The need to institutionalize in the national system the right of collective management of a country brand, the legal structure of which contains an element of private investment, is stated.

*Key words:* marketing, country marketing, objects of public identification, brand, collective brand management, fiscal legal relations, investment legal relations.

**В. В. Григорьева**

магистрант Белорусского государственного университета

## **ЛЕГАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ**

*Аннотация.* Настоящая статья посвящена вопросу осмысления существования в Республике Беларусь законодательно закрепленных ограничений для различных сфер хозяйственной деятельности, определяющих обязательства и запреты, установленные государством в ответ на необходимость разрешения актуальных экономических, социальных и политических задач. Данные ограничения в правовой науке известны под названием «легальные барьеры».

Кроме того, в статье проводится анализ указанной проблематики в контексте выявления и классификации отдельных правовых ограничений для осуществления инвестиций в предпринимательстве, обосновывается значимость проведенной классификации как эффективного инструмента при развитии процессов осуществления инвестиций и стимулирования предпринимательства. Также демонстрируется фрагментарность управления легальными барьерами в сфере инвестирования и обосновывается необходимость создания системы управления легальными барьерами в экономике Республики Беларусь.

*Ключевые слова:* легальные барьеры, классификация легальных барьеров, инвестиции, предпринимательство.

**Введение.** В научной среде существуют различные подходы к изучению категории легальных барьеров. При этом нельзя не отметить сложившуюся в рамках экономического и социологического подходов негативную оценку при рассмотрении вопроса, связанного с установлением государством ограничений в отдельных сферах экономической деятельности. Так, экономисты оперируют понятием «административные барьеры», содержание которого имеет явно отрицательные черты. При этом такие барьеры представляются для функционирующей экономики скорее проблемой, обусловленной в том числе фактами превышения должностными лицами своих полномо-

чий, препятствующей полноценному осуществлению прав граждан и представителей бизнеса в контексте искусственно установленных для них государством препятствий при ведении деятельности [1, с. 5, 6; 2, с. 1, 2]. В свою очередь, социологи, так же как и экономисты, поднимают тему административных барьеров в своих исследованиях, однако делают это уже в контексте выявления социологических аспектов, которые препятствуют развитию и поддержке предпринимательства [3, с. 128].

По нашему мнению, указанные подходы все же не в полной мере отражают сложившиеся общественные отношения, а также природу и назначение таких ограничений. В этой связи более оправданным видится подход к рассмотрению настоящей проблематики представителями школы хозяйственного права Белорусского государственного университета, в рамках которого исследуется существование *легальных барьеров для осуществления хозяйственной деятельности* как закрепленных в нормах права ограничений для осуществления публичной и (или) частной хозяйственной деятельности, которые определяют содержание обязательств и запретов в целях сохранения баланса публичного и частного интересов, при котором в обязательном порядке отстаиваются интересы национальной безопасности. При этом, развивая идею существования легальных барьеров, ученые отмечают назревшую необходимость в формировании доктрины легальных барьеров в рамках правовой науки [4, с. 59, 62].

Вместе с тем, несмотря на то, что вопросу установления легальных ограничений в различных сферах экономической деятельности уже посвящены отдельные научные исследования, представляется, что в доктрине все еще уделяется недостаточное внимание проблематике изучения *легальных барьеров* как правового института. Кроме того, ввиду того, что инвестиции являются важной частью современной экономики Республики Беларусь, одним из факторов ее эффективности, полагаем, что особый интерес в контексте развития научных знаний представляет вопрос установления указанных легальных барьеров для осуществления инвестиций в предпринимательстве.

**Основная часть.** Не вызывает сомнений тот факт, что одной из ключевых задач государства является создание баланса

между стимулированием притока инвестиций и обеспечением эффективного контроля над процессами инвестирования. Для этого оно разрабатывает и внедряет различные инструменты и механизмы регулирования, которые могут иметь как стимулирующий характер на инвестиции (например, предоставление различных налоговых льгот и субсидий), так и ограничительный, запретительный характер (например, необходимость получения разрешительной документации, запрет на инвестирование в отдельные объекты и (или) виды деятельности).

Кроме того, привлекая инвестиции и способствуя экономическому развитию, государство также призвано обеспечивать прозрачность и прогнозируемость инвестиционной среды. В этом контексте особенно важным видится установление для участников рынка обоснованных правил осуществления деятельности и обеспечение их возможностями для инвестирования.

В этой связи, а также в целях систематизации научных знаний анализ отечественного законодательства на предмет наличия установленных правовых ограничений в отношении процессов осуществления инвестиций в предпринимательство позволил нам выявить различные легальные ограничения в сфере инвестирования и провести их классификацию.

1. *По времени действия* указанные легальные барьеры делятся на постоянные и временные. Временные легальные барьеры предусматривают ряд ограничений, которые действуют временно и вводятся для регулирования соответствующих общественных отношений при возникновении определенных ситуаций. Так, на основании ст. 1 Закона Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 239-З «О вопросах передачи под временное внешнее управление» введены ограничения в части возможности дальнейшего самостоятельного осуществления управления некоторыми юридическими лицами и установления для них временного внешнего управления [5]. Постоянные легальные барьеры предусматривают ряд ограничений, которые действуют постоянно и являются препятствием для осуществления инвестиций. К постоянным легальным барьерам можно отнести все иные ограничения, из содержания которых не усматривается, что они были введены в перспективе на ограниченный период времени.



2. *В зависимости от круга лиц* легальные барьеры следует разделять на барьеры общего и специального действия. Легальные барьеры общего действия предусматривают ограничения, которые распространяются на всех инвесторов и (или) способы инвестиций. Согласно ст. 15 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее — Закон Республики Беларусь об инвестициях) инвесторы имеют право создавать коммерческие организации с любым объемом инвестиций и любой организационно-правовой формой, предусмотренной законодательством [6]. Легальные барьеры специального действия предусматривают ограничения, которые применяются только к определенным категориям инвесторов и (или) способам инвестиций. В соответствии с ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 15 Закона Республики Беларусь об инвестициях легальные барьеры имеют место в случае использования отдельных объектов гражданских прав в виде инвестиций при концессии и государственно-частном партнерстве [6].

3. *С учетом механизма происхождения* легальные барьеры осуществления инвестиций можно разделить на инициативные и встречные. Инициативные легальные барьеры предусматривают меры, предпринимаемые государством для ограничения осуществления инвестиций с целью защиты национальных интересов, и другие. На основании ч. 1 ст. 6 Закона Республики Беларусь об инвестициях законодателем предусмотрен запрет для инвестиций в имущество доминирующих на рынке юридических лиц без согласования антимонопольного органа, который, в свою очередь, согласует заключение подобных сделок и фактически контролирует экономическую концентрацию [6]. Встречные легальные барьеры предусматривают ограничения, принимаемые государством в качестве ответной меры на применение внешних легальных барьеров. В соответствии с п. 1 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2023 г. № 280-З «О применении специальных ограничительных мер» (далее — Закон Республики Беларусь о применении специальных мер) определяется перечень лиц, в отношении которых государство допустило принятие ограничительных мер, направленных на исключение (минимизацию) негативных последствий недруже-

ственных действий иностранных государств в отношении Республики Беларусь, ее граждан и (или) организаций [7].

4. *В зависимости от содержания* легальные барьеры осуществления инвестиций могут быть запрещающего и обязывающего характера. Легальные барьеры запрещающего характера предусматривают запреты на осуществление определенных видов инвестиций, инвестиций в определенную отрасль и другие. Так, ст. 6 Закона Республики Беларусь об инвестициях не допускается осуществление инвестиций в виды деятельности, запрещенные законодательными актами, ограничения при осуществлении инвестиций могут устанавливаться на основании законодательных актов в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [6]. Легальные барьеры обязывающего характера предусматривают ограничения в ходе осуществления инвестиции по обязательному соблюдению определенных правил и условий. На основании п. 2 ст. 32 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» антимонопольный орган осуществляет согласование и последующий контроль за экономической концентрацией [8].

5. *По субъекту инвестиций* легальные барьеры могут устанавливаться исключительно в отношении иностранных инвесторов. Так, легальные барьеры возникают для осуществления инвестиций для иностранных инвесторов при регистрации на территории Республики Беларусь банка с иностранными инвестициями, дочернего банка и представительств иностранных банков и подразумевает получение разрешения на такие действия Национального банка Республики Беларусь (постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 7 декабря 2012 г. № 640 «О порядке государственной регистрации и ликвидации банков, небанковских кредитно-финансовых организаций и лицензировании банковской деятельности» [9]).

6. *По источнику инвестиций* легальные барьеры могут устанавливаться для инвестиций, имеющих иностранное происхождение (установление определенной квоты по размеру участия иностранного капитала (иностранных инвестиций) в банковской системе Республики Беларусь на основании постановле-

ния Правления Национального банка Республики Беларусь от 1 сентября 2008 г. № 129 «О размере (квоте) участия иностранного капитала в банковской системе Республики Беларусь» [10]).

7. *По способу влияния* следует выделять прямые легальные барьеры, а также косвенные легальные барьеры. Прямые легальные барьеры представляют собой законодательные или регулирующие ограничения, которые прямо запрещают или ограничивают определенные виды инвестиций, деятельности на рынке и другие. Так, государством установлены отдельные легальные барьеры в отношении формы заключаемого договора (в зависимости от вида конкретных объектов осуществления инвестиций), а также заранее определены объекты, в которые можно инвестировать таким образом (абз. 6 ст. 1; ст. 3 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» [11]). Косвенные легальные барьеры представляют собой ограничения, установленные государством, которые могут осложнить осуществление инвестиций без прямого запрета. Так, Закон Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 240-З «Об изъятии имущества», согласно которому объекты права собственности могут быть принудительно изъяты в общественных интересах в пользу Республики Беларусь, распространяется на объекты права собственности, принадлежащие иностранным государствам или лицам, совершающим недружественные действия в отношении Беларуси, а также на их аффилированные лица [12].

8. *Легальные барьеры в разрезе отраслей и сфер деятельности.* Легальные барьеры осуществления инвестиций могут затрагивать конкретную отрасль или направления деятельности, в частности сферу отправления правосудия. В соответствии с п. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь о применении специальных мер ряд дел по спорам в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности подсудны исключительно судам Республики Беларусь, за исключением случаев, предусмотренных международными договорами или

соглашениями [7]. Кроме того, в сфере налогообложения установлены отдельные особенности исчисления налогов для иностранных организаций (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 марта 2024 г. № 164 «О вопросах налогообложения» [13]).

Таким образом, проведя классификацию данных ограничений, мы можем выделить несколько ключевых направлений для дальнейших исследований. Первое: более детально изучить круг субъектов, которые подпадают под установленные легальные ограничения, чтобы выявить основные тренды и закономерности. Второе: проанализировать причины, по которым были введены эти ограничения, чтобы понять мотивацию и цели законодателя. Третье: оценить воздействие этих барьеров на процессы инвестирования в разные периоды времени, чтобы определить их эффективность и целесообразность. Далее, на основе полученных данных можно провести анализ последствий, вызванных установлением легальных ограничений, и сделать выводы об их влиянии на различные отрасли и субъектов инвестиционных отношений. Кроме того, важно принимать во внимание особенности различных видов деятельности при разработке новых легальных мер, чтобы обеспечить их более целенаправленное действие и минимизировать возможные отрицательные последствия.

Вместе с тем с учетом проведенной классификации усматривается, что установление государством ряда легальных барьеров в сфере осуществления инвестиций было вызвано в первую очередь потребностью защитить национальные интересы, в частности в контексте предотвращения возможных угроз для национальной безопасности, обеспечения равноправия и конкурентной среды для всех участников рынка, а также необходимостью со стороны государства в осуществлении контроля за влиянием иностранных инвестиций на экономику страны и в ограничении влияния иностранных инвесторов на ее ключевые отрасли. Данные обстоятельства, на наш взгляд, полностью опровергают односторонний взгляд на легальные барьеры как на ис-

кусственно установленные государством ограничения для осуществления хозяйственной деятельности, которые носят исключительно негативный характер.

Однако мы можем отметить, что в настоящее время управление легальными барьерами в сфере осуществления инвестиций носит фрагментарный характер, при этом системный подход государства к управлению легальными барьерами в экономике Республики Беларусь не усматривается.

Таким образом, полученные нами результаты направлены на достижение единообразия в понимании и управлении легальными барьерами в сфере осуществления инвестиций в предпринимательстве, а также их последующее применение при внедрении инициатив, направленных на развитие процессов инвестирования, создание законодателем благоприятного инвестиционного климата и стимулирование предпринимательства.

**Заключение.** Проведенное исследование позволило установить следующее.

Во-первых, в научной среде существуют различные подходы к изучению категории легальных барьеров. В экономической и социологической науке легальные барьеры рассматриваются как искусственно установленные государством ограничения для осуществления хозяйственной деятельности, которые носят отрицательный характер. Вместе с тем правовая наука рассматривает такие ограничения в контексте необходимости сохранения баланса частных и (или) публичных интересов при осуществлении хозяйственной деятельности в целях обеспечения национальной безопасности.

Во-вторых, в сфере осуществления инвестиций указанные ограничения можно разделить по видам в зависимости от времени их действия, круга лиц, на которых они распространяются, механизма происхождения, содержания, субъектов осуществления инвестиций, источника происхождения инвестиций, способа влияния таких барьеров, а также их отраслевой направленности.

При этом проведенная нами классификация представляет собой действенный инструмент для формирования научных знаний в сфере осуществления инвестиций. Так, по результатам

проведенной классификации законодатель имеет возможность: 1) выявить круг субъектов, подверженных установленным легальным ограничениям; 2) оценить основания, по которым возникли данные ограничения; 3) дать оценку степени воздействия легальных барьеров в разные периоды времени как на субъектов, так и на процессы осуществления инвестиций; 4) обобщить и проанализировать наступившие в связи установлением определенных легальных барьеров последствия; 5) принять научно обоснованные решения при установлении отдельных условий для осуществления инвестиций; 6) установить легальные меры более целенаправленно с учетом понимания отдельных особенностей различных видов деятельности.

Полагаем, что данные знания должны лечь в основу развития процессов по управлению легальными барьерами и сделают их более прозрачными и эффективными, что окажет влияние на возможности для создания благоприятного инвестиционного климата и стимулирования развития предпринимательства в Республике Беларусь.

В-третьих, управление отдельными легальными барьерами в сфере осуществления инвестиций осуществляется фрагментарно. С учетом проведенного нами исследования считаем возможным согласиться с учеными, которые предлагают приступить к структурированию и систематизации процессов управления легальными барьерами путем разработки единой правовой доктрины.

Кроме того, становится явной необходимость создания научно обоснованной системы управления легальными барьерами в экономике Республики Беларусь, реализация которой позволит обеспечить устойчивое развитие страны и повысить ее конкурентоспособность.

### ***Список использованных источников***

1. Анисимов, А. В. Экономическое содержание и виды административных барьеров / А. В. Анисимов // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2016. — № 3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-soderzhanie-i-vidy-administrativnyh-barierov>. — Дата доступа: 13.05.2024.

2. Воеводскова, Е. Е. Процесс возникновения административных барьеров / Е. Е. Воеводскова // Economics. — 2015. — № 2 (3). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-vozniknoveniya-administrativnyh-barierov-1>. — Дата доступа: 13.05.2024.

3. Кавецкий, С. Т. Социологический барометр предпринимательства в приграничных районах Брестской области / С. Т. Кавецкий, Е. В. Скакун // Социология. — 2016. — № 2. — С. 124–131.

4. Бондаренко, Н. Л. Легальные барьеры для осуществления хозяйственной деятельности в механизме обеспечения национальной экономической безопасности / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : ГрГУ, 2023. — Вып. 8. — 471 с.

5. О вопросах передачи под временное внешнее управление [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. № 239-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. Об инвестициях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. О применении специальных ограничительных мер [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. № 280-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

8. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 дек. 2013 г. № 94-З : в ред. от 18.12.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

9. О порядке государственной регистрации и ликвидации банков, небанковских кредитно-финансовых организаций и лицензировании банковской деятельности [Электронный ресурс] : постановление Правления Национального банка Респ. Беларусь, 7 дек. 2012 г., № 640 : в ред. от 29.12.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

10. О размере (квоте) участия иностранного капитала в банковской системе Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Правления Национального банка Респ. Беларусь, 1 сент. 2008 г., № 129 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

11. О концессиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г., № 63-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

12. Об изъятии имущества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. № 240-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

13. О вопросах налогообложения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 7 марта 2024 г., № 164 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

15.05.2024

**V. V. Grigorieva**

Master's student of the Belarusian State University

## **LEGAL BARRIERS TO IMPLEMENTING INVESTMENTS IN ENTREPRENEURSHIP**

*Abstract.* This article is dedicated to the issue of understanding the existence of legislatively established restrictions in the Republic of Belarus for economic activities, defining the obligations and prohibitions imposed by the state in response to the need to address current economic, social, and political issues. These restrictions in legal science are known as "legal barriers."

Furthermore, the article analyzes the mentioned issues in the context of identifying and classifying individual legal restrictions for investment in entrepreneurship, substantiates the significance of the conducted classification as an effective tool in the development of investment processes and the stimulation of entrepreneurship. It also demonstrates the fragmented nature of managing legal barriers in the sphere of investment and substantiates the necessity of creating a system for managing legal barriers in the economy of the Republic of Belarus.

*Key words:* legal barriers, classification of legal barriers, investments, entrepreneurship.



**А. А. Кузьминский**

студент третьего курса юридического факультета  
Белорусского государственного университета

**Ю. Г. Конаневич**

старший преподаватель кафедры хозяйственного права  
Белорусского государственного университета

## **КРИМИНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* В статье представлено нестандартное видение криминального предпринимательства в качестве хозяйственно-правового института, обосновывается предметное совпадение сферы интересов хозяйственно-правовой науки с особенностями социальной и правовой конструкции криминального предпринимательства. Авторами охарактеризовано значение доктринальной основы криминального предпринимательства, формируемой в рамках хозяйственно-правовой науки, как для борьбы с различными проявлениями криминального промысла, так и для целей регулирования хозяйственной деятельности (как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне).

*Ключевые слова:* криминальное предпринимательство, хозяйственная деятельность, ненаблюдаемая экономика, теневая экономика, предпринимательская инициатива, хозяйственно-правовая самозащита, организованная преступность, субъект криминального предпринимательства.

**Введение.** В системе общественных отношений существует целый ряд явлений и институтов, не только обладающих нестандартной природой, но и воспринимаемых в общественном

---

<sup>1</sup> Статья выполнена представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

сознании очень неоднозначно. Примером такого явления может служить криминальное предпринимательство.

Уникальной особенностью криминального предпринимательства является тройственность свойственной ему социальной и правовой природы:

- во-первых, оно безусловно является нежелательным и противоправным по своей сути явлением и правовым институтом (*отрицательный аспект социальной природы*);

- во-вторых, при безусловном общепринятом понимании противоправности данного явления и института создаваемый для него в общественном сознании и в общественной мифологии образ стимулирует постоянный приток участников операций и процессов, составляющих социальную и правовую конструкцию криминального предпринимательства, и экономический эффект от использования образа криминального предпринимателя в рамках культурной деятельности и функционирования индустрии развлечений (*как бы положительный аспект социальной природы*);

- в-третьих, если абстрагироваться от оценки значения и значимости криминального предпринимательства для социальных процессов, приходится признавать, что с экономической точки зрения последнее представляет собой пусть нежелательную и противную общественному порядку сущность, но все же имеет ярко выраженные черты методологии производства материальных и нематериальных благ, причем благ, учитываемых любым государством мира в объеме формирующегося ежегодно ВВП [1] (*функциональный аспект социальной природы*).

Обозначенное триединство находится в основе еще одного социально-экономического и социально-политического явления и института — теневой экономики. Безусловно, конструктивно теневая экономика и криминальное предпринимательство соотносятся между собою как общее и частное, так как наряду с ярко выраженным противоправным элементом в правовой конструкции теневой экономики присутствует целый ряд иных ненаблюдаемых в силу объективных причин экономических процессов (что признано в том числе законодательно [1]).

Однако криминальное предпринимательство — это тот стержень, в силу которого теневая экономика приобретает черты системы и системности функционирования элементов, составляющих такой сегмент общественных отношений (причем часто аффилированный с полностью легальной составляющей системы общественных отношений).

Обозначенное выше позволяет констатировать следующие факты, находящиеся в основе идеи и содержания настоящего исследования:

1. Криминальное предпринимательство — это прежде всего хозяйственно-правовой институт (поскольку само государство признает криминальное предпринимательство неотъемлемым элементом макроэкономики [1]), а уже после — уголовно-правовой (поскольку именно понимание экономической природы криминального предпринимательства дает государству возможность противостоять последнему).

2. Криминальное предпринимательство — это прежде всего сфера и методология осуществления хозяйственной деятельности, а уже после — наказуемое противоправное поведение целой социально-демографической группы людей, являющихся неотъемлемой частью общества и присущей ему социальной сферы.

В правовой и экономической науке криминальное предпринимательство рассматривается преимущественно в контексте недопустимости, общественной опасности и наказуемости такого социально-значимого поведения (в том числе Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер [2], В. Н. Фадеев и Л. В. Тэсс [3], А. С. Хацкевич, Е. А. Шищенко [4], Х. Бинсун [5], Е. В. Топильская [6], И. И. Басецкий, Н. А. Легенченко [7] и др.), хотя определенное число авторских исследований концентрирует внимание на методологической составляющей криминального предпринимательства (например, В. В. Волков [8], Т. Уэйнрайт [9], Е. Л. Фесина [10], В. О. Исправников [11] и др.).

Целью настоящего исследования является характеристика криминального предпринимательства как методологии осуществления хозяйственной деятельности, не только формирующей основу для понимания истинной сущности данного соци-

ального феномена, но и дающей возможность эффективно противодействовать этому негативному социальному явлению.

**Основная часть.** В социально-экономической конструкции теневой экономики В. В. Шлычков выделяет три «сектора» общественных отношений (по критерию их соотношения с официальной («белой») экономикой):

- «беловоротничковая» экономика (которую автор называет «второй» экономикой наряду с официальной);
- неформальная (серая) экономика;
- подпольная (черная) экономика [12].

Сущность «второй» теневой экономики заключается в скрытой экономической деятельности, запрещенной законом, которая тесно связана с официальной экономикой и работниками белой экономики. Однако, в отличие от официальной экономики, «вторая» экономика не производит новых товаров и услуг, а вместо этого осуществляет скрытое перераспределение уже созданного национального дохода [12].

На другом полюсе находится серая теневая экономика, которая является разрешенной законом экономической деятельностью, но не зарегистрированной в официальной статистике. В отличие от «второй» экономики, серая экономика функционирует более автономно и часто осуществляет сознательное уклонение от официального учета, либо она просто не регистрируется [12].

Черная теневая экономика, в свою очередь, представляет собой запрещенную законом экономическую деятельность, связанную с производством и продажей запрещенной продукции. Черная экономика является еще более автономной, чем серая, и включает в себя все виды деятельности, которые полностью исключены из нормальной экономической жизни, так как они несовместимы и разрушают ее [12].

В классическом понимании, криминальное предпринимательство принято относить к черному сектору экономики, хотя пределы ее социальной и правовой конструкции выходят далеко за его пределы.

Криминальное предпринимательство представляет собой систему преступлений, совершаемых с целью получения прибыли в различных сферах деятельности, включая производство,

распределение, обмен товаров, выполнение работ и оказание услуг, а также воспроизводство криминальных экономических отношений. Классификация таких преступлений может основываться на их правовой оценке, сфере экономики, где они совершаются, и целевой направленности преступных действий.

Криминальное предпринимательство может иметь как внутриюрисдикционный, так и межюрисдикционный характер (содержит элемент криминальной «внешнеэкономической» деятельности). Причем в отдельных случаях можно даже констатировать наличие у него такого свойства, как международная деятельность (когда субъекты криминального предпринимательства фактически формируют массив «международного «черного/теневоего» права», позволяющего им разграничивать собственные противоправные «юрисдикции» в сфере криминального предпринимательства). Подобное положение дел в науке и практике получило наименование транснациональной преступности, в конструкцию которой ООН включает 17 основных групп:

- отмывание денег (легализация доходов, добытых неправомерным путем);
- терроризм;
- хищения произведений искусства и предметов культуры;
- нарушение законодательства об интеллектуальной собственности;
- незаконная торговля оружием;
- угон самолетов;
- морское пиратство;
- захват наземного транспорта;
- мошенничество со страховкой;
- компьютерная преступность;
- экологическая преступность;
- торговля людьми;
- торговля человеческими органами;
- незаконная торговля наркотиками;
- ложное банкротство;
- проникновение в сферу легальной хозяйственной деятельности;

– коррупция, подкуп общественных и партийных деятелей, выборных лиц [9].

Соответственно, ключевым критерием для идентификации криминального предпринимательства в качестве социального явления признается нарушение уголовного законодательства.

Сферу криминального предпринимательства принято разделять на три группы преступного поведения (по критерию содержания правовой оценки совершаемых преступлений).

Первая группа включает преступления, которые составляют нарушения уголовно-правовых норм при осуществлении законной предпринимательской деятельности (*при этом не всегда возникает эффект криминального предпринимательства*). Примерами такой деятельности могут быть незаконная предпринимательская деятельность (согласно ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)), нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями (ст. 223 УК). Сама по себе такая деятельность по сути является обычной хозяйственной деятельностью, но становится незаконной только при нарушении установленных норм и условий. Результатом такой деятельности являются товары и услуги, которые потребляет население и которые помогают выполнять его работы. Лица, нарушающие порядок осуществления предпринимательской деятельности, стремятся избежать обязательств перед государством, таких как уплата налогов. Интересно, что в результате этих преступлений нет «прямых потерпевших» (физических лиц и организаций), так как потребители получают необходимые товары и услуги (за исключением некачественных или небезопасных продуктов и услуг). И продавцы, и покупатели товаров и услуг, несмотря на уголовный запрет, считают свое поведение экономически обычным. С экономической точки зрения такое поведение может быть даже целесообразным, поскольку только так можно сохранить прибыль и продолжать предпринимательскую деятельность (пускай и в противоправном режиме). Эти факторы приводят к расширению связей населения с субъектами теневой экономики, а незаконный характер предпринимательской деятельности становится нормой экономического поведения. Такая ситуация со-

здает значительные трудности при борьбе с незаконным предпринимательством, когда контроль над таким предпринимательством устанавливают преступные организации.

Во вторую группу будут включены преступления, которые по своей сути представляют собой предпринимательскую деятельность, связанную с использованием объектов, которые выведены или имеют ограничения в гражданском обороте, или специфическую деятельность предпринимательского характера, существенно влияющую на интересы общества и государства. Особый режим оборота определенных объектов прав может быть обусловлен, во-первых, их общественной ценностью. Например, уголовная ответственность за изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 221 УК) установлена из-за их значительного влияния на состояние финансовой системы страны, когда они находятся на рынке валют. Во-вторых, многие предметы могут представлять повышенную опасность для людей, материальных ценностей и экологии из-за своих физических характеристик, например оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст. 295). В-третьих, такая опасность может быть связана с воздействием определенных объектов на жизнь и здоровье граждан (например, наркотические и психотропные вещества, за незаконный оборот которых предусмотрена ответственность по ст. 328 УК) или моральное здоровье общества (например, порнографические материалы или предметы, за незаконный оборот которых предусмотрена ответственность по ст. 343 УК).

Криминальные предприниматели такого рода получают значительный экономический эффект, что становится очень привлекательным фактором для формирования эффекта организованной преступности. Но преступления, связанные с подобного рода предприимчивостью, имеют меньшее влияние на легальную (белую) экономику по нескольким причинам. Во-первых, эта деятельность ориентирована не на всех людей, а только на определенную часть населения, предлагающую специфические товары и услуги. Во-вторых, общественное мнение не признает эти виды и направления хозяйственной деятельности нормальными для легальной экономики, так как они требуют

особого обращения. В-третьих, расширение этого вида предпринимательства затруднено из-за строгого государственного контроля, что делает его рискованным занятием. Эти факторы придают этому виду преступности в сфере экономики свойство скрытности и организованности, что повышает общественную опасность.

Третью группу составляют виды криминального предпринимательства, которые всегда являются незаконными. К этим преступлениям можно отнести хозяйственную деятельность, находящуюся в основе методологии институциональной проституции, торговли людьми, торговли органами или похищения людей. Характерно, что уголовное законодательство признает эти действия преступными без каких-либо оговорок, без указания на какие-либо условия. Например, в УК предусмотрена уголовная ответственность за вынуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, за похищение людей, за вовлечение в проституцию, за организацию притонов для проституции. Эти преступления, подобно общественно опасным деяниям, относимым ко второй группе, дают больший экономический эффект и имеют высокую степень организованности, но в своей сущности они более скрыты, чем другие направления криминального предпринимательства. Это связано с тем, что такое криминальное предпринимательство изначально незаконное и осуществляется в условиях строгой конспирации. Однако это усложняет предотвращение отдельных преступлений, но в некоторой степени облегчает реализацию общей стратегии противодействия организованной преступности, связанной с этим видом предпринимательства, так как они не могут быть легализованы даже частично и находятся вне сферы законного бизнеса, действуя в строгой скрытности. Хотя, с другой стороны, это обстоятельство делает более сложным пресечение данного вида преступности. И причиной такому положению дел является отнюдь не специфика составов преступления. В основе данного феномена находится именно методология осуществления хозяйственной деятельности в преступном (криминальном) режиме.

Объяснение обозначенного эффекта кроется в парадоксе, составляющем социальную конструкцию криминального предпринимательства:



– во-первых, методологически любые проявления криминального предпринимательства содержат в себе элементы прочих правонарушений (а не только преступлений), что вынуждает субъекта криминального предпринимательства использовать различные методы неправомерного поведения;

– во-вторых, получаемые субъектами криминального предпринимательства блага по объективным причинам стремятся в легальную (белую) экономику, поскольку именно в ней они могут быть обменены на прочие материальные и нематериальные блага легального характера;

– в-третьих, формируемый субъектом криминального предпринимательства массив активов так или иначе поступает в легальную (белую) экономику, принуждая таких субъектов к двоякости поведения: наряду с методологией криминального предпринимательства, субъекты криминального предпринимательства вынужденно используют методологию легального предпринимательства (как первичного, так и вторичного).

Содержание данного парадокса как раз и создает значительные трудности в противодействии криминальному предпринимательству, поскольку субъект криминального предпринимательства внешне выглядит как благопристойный субъект общественных отношений, хотя при этом имеются все основания предполагать наличие у такого субъекта «темной стороны».

В этой связи можно выделить следующие признаки криминального предпринимательства:

1. Криминальное предпринимательство — это не только социальный феномен, институциональное явление в системе общественных отношений и уголовно-правовой институт. Это также полноценный родовой правовой режим, определяющий социальную направленность предпринимательской инициативы, устанавливаемый для хозяйственной деятельности не только нормами уголовного права, но также и нормами хозяйственного права (поскольку криминальное предпринимательство оказывает существенное влияние на конструкцию национальной экономики, а хозяйственное право, наряду с уголовным правом, устанавливает целую совокупность легальных барьеров на пути субъектов криминальной предпринимательской инициативы).

2. Суть криминального предпринимательства кроется не в запрете на его осуществление, установленном нормами уголовного права, а в природе и социальной направленности находящейся в его основе предпринимательской инициативы, которая предполагает ее реализацию именно в нелегальном режиме по причине того, что субъект криминального предпринимательства умышленно не желает придерживаться правового поля, а пытается заменить его собственным «нелегальным правом» в виде условного кодекса криминального поведения.

3. Субъекты криминального предпринимательства предпочитают придерживаться методологии гибридизации правил поведения, что выражается в их стремлении:

- реализовывать предпринимательскую инициативу на основе «нелегального права» и принципов безнаказанного противоправного поведения, ключевым элементом конструкции которых является недобросовестное отношение к окружающим;

- легализовывать производимые таким образом материальные и нематериальные блага посредством легальных социальных институтов (включая открытое и скрытое использование для этих целей субъектов легальной предпринимательской инициативы);

- создавать видимость сосуществования с другими членами общества исключительно в пределах правового поля, что также обуславливает их стремление открытым или скрытым образом контролировать хозяйственную деятельность субъектов легального предпринимательства.

4. Криминальное предпринимательство — это прежде всего методология реализации первичной предпринимательской инициативы. Однако содержанием криминального предпринимательства не может быть предпринимательская деятельность, поскольку свойством последней является исключительная легальность. Признание предпринимательской деятельности незаконной в административно-правовом или уголовно-правовом режиме не образует автоматически состав криминального предпринимательства, так как незаконной предпринимательскую деятельность делает несоблюдение ее субъектом легальных барьеров. Однако использовать незаконную

предпринимательскую деятельность в качестве инструмента криминального предпринимательства субъекты последнего могут. Но в этом случае образуется сложная совокупность различных составов правонарушений.

**Заключение.** Феномен криминального предпринимательства всегда является объектом пристального внимания со стороны самых разнообразных субъектов, начиная от литераторов и кинематографистов и заканчивая специалистами по борьбе с организованной преступностью.

Интересным является тот факт, что такое внимание обладает необычной особенностью — оно имеет ярко выраженную «поляризацию»:

- на одном полюсе такого интереса к криминальному предпринимательству находится публицистика и стремление человека к превращению криминального предпринимательства в элемент культуры;

- на другом полюсе находятся те, кто постоянно противостоит негативным проявлениям криминального предпринимательства в обществе.

При этом необходимо признать, что «гражданские» науки преимущественно мало внимания уделяют криминальному предпринимательству по целому ряду причин объективного и субъективного характера (которые должны стать предметом отдельного исследования). В то же время существует область научного знания, которая просто не может игнорировать фактор криминального предпринимательства.

Такой наукой является хозяйственно-правовая наука, для которой криминальное предпринимательство является точно таким же предметом исследования, как и легальная хозяйственная деятельность.

Необходимо признать, что именно хозяйственно-правовая наука способна:

1. Идентифицировать и охарактеризовать методологическую основу функционирования криминального предпринимательства, суть которого состоит в осуществлении хозяйственной деятельности особого толка в нелегальном режиме.

Понимание природы и сущностных характеристик такой методологии является залогом эффективной борьбы с проявлениями криминального предпринимательства.

2. Разработать методологическую основу:

– для профилактики криминального предпринимательства как такового;

– противодействия проникновению методологии криминального предпринимательства в легальную хозяйственную деятельность, в связи с чем особую актуальность приобретает разработанная научной школой хозяйственного права Белорусского государственного университета концепция хозяйственно-правовой самозащиты субъектов хозяйственной деятельности от противоправного воздействия со стороны субъектов криминального предпринимательства;

– устранения предпосылок для формирования методологии криминального предпринимательства, возникающих в системе хозяйствования по причинам разнообразного характера (начиная с корыстного мотива гражданина и заканчивая недостатками в макроэкономическом регулировании общественных отношений).

3. Существенно расширить объем профессионального знания о сфере криминального предпринимательства в сравнении с традиционно специализирующимися на криминальном предпринимательстве науками (уголовное право, уголовный процесс, криминология, криминалистика).

Доктринальная основа криминального предпринимательства, выработанная хозяйственно-правовой наукой, может быть успешно применена и в рамках несилового противодействия преступным промыслам. С нашей точки зрения, учет особенностей методологической основы функционирования криминального предпринимательства должен быть заложен в нормы и принципы макроэкономического регулирования, содержащиеся в Законе Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и государственном планировании», а также в нормы и принципы законодательства о корпоративном и ведомственном управлении в организации.

## **Список использованных источников**

1. Об утверждении Методики по расчету объемов ненаблюдаемой экономики [Электронный ресурс] : постановление Нац. статистического комитета Респ. Беларусь, 26 апреля 2019 г., № 17 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=T21904252p>. — Дата доступа: 20.04.2024.
2. Прозументов, Л. М. Криминальное предпринимательство как признак организованной преступности / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 1 (330) — С. 135–137.
3. Фадеев, В. Н. Профессионально-организованная преступность / В. Н. Фадеев, Л. В. Тэсс // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 6. — С. 166–172.
4. Хацкевич, А. С. Актуальные проблемы незаконного предпринимательства / А. С. Хацкевич, Е. А. Шищенко // Юрист — Правоведь. — 2018. — № 2 (85). — С. 132–136.
5. Бинсун, Х. Организованная преступность: исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае / Х. Бинсун. — Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2005. — 313 с.
6. Топильская, Е. В. Организованная преступность / Е. В. Топильская. — СПб. : Юрид. центр пресс, 1999. — 233 с.
7. Басецкий, И. И. Организованная преступность : монография / И. И. Басецкий, Н. А. Легенченко. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2002. — 551 с.
8. Волков, В. В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ : монография / В. В. Волков. — М. : Высшая школа экономики, 2005. — 350 с.
9. Уэйнрайт, Т. Narconomics : Преступный синдикат как успешная бизнес-модель / Т. Уэйнрайт. — СПб. : Пальмира, 2018. — 271 с.
10. Фесина, Е. Л. Моделирование поведения крупной хозяйственной системы в условиях ведения ненаблюдаемой экономической деятельности / Е. Л. Фесина // Вестник экономики, права и социологии. — 2011. — № 4. — С. 139–142.
11. Исправников, В. О. Теневая экономика / В. О. Исправников // Российский экономический журнал. — 1996. — № 8. — С. 14–25.
12. Шлычков, В. В. Экономические механизмы управления ресурсным потенциалом / В. В. Шлычков // Вестник экономики, права и социологии. — 2007. — № 2. — С. 55–64.

13. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]: [принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи от 15 ноября 2000 года] // ООН. — Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/orgcrime.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml). — Дата доступа: 20.04.2024.

05.06.2024

**A. A. Kuzminsky**

Third year law student Belarusian State University

**Yu. G. Konanevich**

Senior Lecturer at the Department of Economic Law  
Belarusian State University

### **CRIMINAL ENTREPRENEURSHIP AS AN ECONOMIC AND LEGAL INSTITUTION**

*Abstract.* The article presents a non-standard vision of criminal entrepreneurship as an economic and legal institution, substantiates the substantive coincidence of the sphere of interests of economic and legal science with the features of the social and legal structure of criminal entrepreneurship. The authors characterize the importance of the doctrinal basis of criminal entrepreneurship, formed within the framework of economic and legal science, both for combating various manifestations of criminal activity, and for the purposes of regulating economic activity (both at the macroeconomic and microeconomic levels).

*Key words:* criminal entrepreneurship, economic activity, unobserved economy, shadow economy, entrepreneurial initiative, economic and legal self-defense, organized crime, subject of criminal entrepreneurship.

**С. Т. Малишевский**

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин  
Международного университета «МИТСО»

## **ИНСТИТУТ БЕССПОРНОГО ВЗЫСКАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В СИСТЕМЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

*Аннотация.* На основе анализа правовых норм, регулирующих бесспорное взыскание денежных средств, с применением концепции предмета и метода юриспруденции автором определено место института бесспорного взыскания денежных средств в системе права Республики Беларусь и выявлен спектр проблем правового регулирования исследуемых правоотношений.

*Ключевые слова:* бесспорное взыскание, денежные средства, правовая система, метод правового регулирования.

**Введение.** В Республике Беларусь отсутствует специальное законодательство, регламентирующее такую сферу общественных отношений, как взыскание денежных средств в бесспорном порядке. В качестве общих законов применительно к процессу бесспорного взыскания денежных средств следует рассматривать Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК) и Банковский кодекс Республики Беларусь (далее — БК), которые не регулируют напрямую исследуемые правоотношения, а лишь устанавливают возможность иного распоряжения денежными средствами на расчетном счете, чем волеизъявление его владельца. Статья 774 ГК бланкетным способом устанавливает, что отношения по текущему (расчетному) банковскому счету регулируются законодательством. В ст. 207 БК более конкретизировано, но опять же без отсылки к конкретным правовым предписаниям, что при обращении взыскания на денежные средства плательщика, находящиеся на счетах в банке и небанковской кредитно-финансовой организации, списание этих

средств со счетов производится в бесспорном порядке платежными требованиями, оформленными на основании исполнительных надписей нотариусов или иных исполнительных документов, решения (распоряжения) уполномоченного государственного органа или уполномоченной организации (должностного лица) в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь.

Таким образом, институт бесспорного взыскания денежных средств растворен в законодательстве, состоящем из нормативных правовых актов, регламентирующих специальную деятельность нотариата, различных государственных органов, которые, помимо реализации своих компетенций в профильных сферах, обладают правом на бесспорное взыскание денежных средств.

Наличие массива несогласованных между собой нормативных правовых актов, регламентирующих бесспорное взыскание денежных средств каждым уполномоченным органом, неоднородность регулируемых общественных отношений, отсутствие юридического равенства их участников обусловили необходимость детального исследования сложного и вызывающего многочисленные споры института бесспорного взыскания денежных средств со счета и определения его места в правовой системе Республики Беларусь, места фактического и места должного. При этом, несмотря на существующие весьма значимые противоречия между различными уровнями правового регулирования и равнозначными специальными нормативными правовыми актами ведомственного регулирования отношений по текущему (расчетному) банковскому счету, многие существенные проблемы не только не решены, но все еще не поставлены.

Целью настоящего исследования является выявление спектра проблем правового регулирования бесспорного взыскания денежных средств и создание научных основ их разрешения.

Исследованием проблем и разрешением коллизий, так или иначе связанных с процессом бесспорного взыскания денежных средств, занимались Т. А. Белова [1, с. 10–12], К. И. Веселовская [2, с. 150–151], С. К. Баянов [3, с. 10], Л. Е. Можяева [4, с. 42–48], О. А. Прохорчик [5, с. 241–243] и др.



**Основная часть.** Очевидно, что банковский счет необходимо рассматривать как правоотношения с множественным субъектным составом по вопросам хранения и движения денег. Статьей 774 ГК установлено, что банк или небанковская кредитно-финансовая организация обязаны выполнять поручения владельца счета о перечислении и выдаче соответствующих денежных средств со счета. Это же право владельца счета распоряжаться денежными средствами, находящимися на его счете, лично либо через уполномоченных лиц закреплено в ст. 200 БК. В указанных выше статьях ГК и БК текстуально не закреплено еще чье-либо право, кроме владельца счета, распоряжаться находящимися на нем денежными средствами. В ГК альтернативная возможность распоряжения денежными средствами без воли владельца банковского счета упоминается лишь дважды. Так, ч. 2 ст. 370 ГК установлено, что кредитор не вправе требовать удовлетворения своего требования к основному должнику от лица, несущего субсидиарную ответственность, если это требование может быть удовлетворено путем зачета встречного требования к основному должнику либо бесспорного взыскания средств с основного должника. И только в единственном случае, а именно в ч. 3 ст. 601 ГК, прямо установлено, что взыскание с арендатора задолженности по арендной плате производится в бесспорном порядке на основании исполнительной надписи нотариуса и иных лиц, входящих в нотариат.

Как отмечалось выше, ст. 207 БК определены основания списания денежных средств со счета. В качестве таких оснований выступают исполнительные документы либо распоряжения уполномоченных органов.

Перечень исполнительных документов определен в ст. 10 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», однако не все они являются основанием для бесспорного списания денежных средств. Списание денежных средств в бесспорном порядке осуществляется на основании следующих исполнительных документов: исполнительных листов и судебных приказов, выданных судами; определений суда о судебном приказе; постановлений суда, органа, ведущего административный

процесс, в части взысканий денежных средств по делам об административных правонарушениях; постановлений судебного исполнителя; исполнительных документов иностранных судов в случаях, предусмотренных международными договорами Республики Беларусь; исполнительных надписей нотариусов и лиц, входящих в нотариат; удостоверения комиссий по трудовым спорам; решений налоговых органов о взыскании налогов, сборов (пошлин), а также иных обязательных платежей в республиканский и местные бюджеты; иных актов, если в силу законодательных актов они являются исполнительными документами и подлежат исполнению в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «Об исполнительном производстве».

Таким образом, нормы права, регулирующие списание денежных средств с банковского счета без распоряжения его владельца, содержатся в указах Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах нотариальной деятельности», «О совершении безналичных расчетов», упоминаемом выше Банковском кодексе Республики Беларусь, Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь, Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь, законах Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь», «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах», в постановлении Правления Национального банка Республики Беларусь «Об утверждении инструкции о банковском переводе» и иных специальных (но не по отношению к бесспорному взысканию) актах законодательства.

Учитывая изложенное, бесспорное взыскание денежных средств можно охарактеризовать как правоприменительную деятельность уполномоченных на это органов. Процесс бесспорного взыскания денежных средств заканчивается их списанием со счета обязанного субъекта в банке или небанковской кредитно-финансовой организации и перечислением их на счет взыскателя. Этот процесс обладает специфическими признаками, совокупность которых однозначно указывает, что его участники являются субъектами банковских правоотношений.

О. М. Олейник к таким признакам относит наличие специального субъекта — банка или кредитной организации; специального объекта — безналичных денежных средств; опосредованность через банковские правоотношения кредитно-денежной политики государства, что означает отсутствие свободы воли сторон в определении форм правоотношений и их правил [6, с. 38].

Четко очерченный предмет правового регулирования в виде банковских правоотношений позволяет отнести правоотношения, возникающие в процессе бесспорного взыскания денежных средств, к отрасли банковского права [7, с. 5]. Таким образом, институт бесспорного взыскания денежных средств является обособленной частью банковского права. В то же время, поскольку составляющие указанный институт правовые нормы изложены в нормативных правовых актах, регламентирующих специальную деятельность различных государственных органов, можно сделать вывод о том, что бесспорное взыскание денежных средств является и обособленной частью административного права, изложенного достаточно для безапелляционного отнесения института бесспорного взыскания денежных средств к межотраслевой группе взаимосвязанных норм. Уже на этом этапе рассуждений вырисовывается проблема, обусловленная не только отсутствием взаимной связи между конкретными правовыми нормами, регулирующими бесспорное взыскание денежных средств каждым из уполномоченных органов, но и отсутствием общих и однообразных для всех уполномоченных органов правил осуществления бесспорного взыскания. Такое правовое регулирование вряд ли следует считать удовлетворительным, так как оно выводит рассматриваемые правовые нормы за рамки устоявшегося понятия правовой системы [8, с. 211, 212].

К примеру, ч. 6 п. 1 ст. 18 Закона «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь» установлено, что для взыскания в бюджет фонда недоимок и пеней за счет денежных средств, электронных денег дебиторов плательщиков производится на основании постановлений о бесспорном взыскании согласно по-

данным плательщиками заявлениям с указанием в них наименований и учетных номеров дебиторов в органах Фонда, сроков исполнения обязательств перед плательщиками, сумм, причитающихся по не исполненным ими обязательствам на день подачи заявления в органы Фонда. Документов, подтверждающих само наличие такого долга, для принятия решения не требуется. Вместе с тем иные законодательные акты, регламентирующие деятельность уполномоченных на принятие решения о бесспорном взыскании денежных средств органов, не только содержат требования, обязывающие принимать такие решения исключительно на основании анализа предоставленных им первичных учетных документов, подтверждающих долг, но в отдельных случаях и на основании приложенного к таким документам заявления должника об уступке права требования (п. 4 ст. 146 Бюджетного кодекса Республики Беларусь; п. 1 ст. 64 Налогового кодекса Республики Беларусь).

Общей теоретико-методологической основой для осмысления и успешного решения проблем правовой регуляции (определения его объекта, предмета, метода и т. д.) является концепция предмета и метода юриспруденции в целом [9, с. 435]. С определением объекта (безналичные денежные средства) и предмета (бесспорное взыскание безналичных денежных средств) трудностей не возникло, искомые элементы системы очевидны.

По преобладающему мнению, каждая основная отрасль права использует свой метод правового регулирования. Следовательно, в межотраслевом правовом институте допускается возможность регулирования правоотношений различными методами, то есть совокупностью методов, используемых для регулирования составляющих межотраслевой институт основных отраслей права. Это порождает следующую проблему, связанную с правовым регулированием правоотношений методом либо методами, которыми эти правоотношения регулироваться не должны. Учитывая изложенное, по нашему мнению, не должно быть смешения использования методов правового регулирования применительно к одним и тем же правоотношениям, то есть используемые методы не должны подменять друг друга

либо использоваться одновременно (накладываться друг на друга). Своеобразный водораздел (методораздел) должен быть обязательно, в противном случае не будет в полной мере реализован признанный подход, изложенный в концепции предмета и метода.

Далее исследуем, насколько достаточно реализован этот подход при регулировании законодательством Республики Беларусь правоотношений, имеющих место в процессе бесспорного взыскания денежных средств.

Очевидно, что исследуемые правоотношения — это отношения совершенно разного типа. Американские специалисты в области банковского права разделяют отношения по банковскому счету на «...три вида правоотношений: между банком и клиентом, между клиентом и правительством и между правительством и банком. Эти отношения регулируются совокупностью норм конституции и общего права...» [10, с. 536]. Мы бы добавили к этим отношениям еще одну пару: отношения между клиентом и иными владельцами счетов в банках по поводу осуществления между ними безналичных расчетов. Следовательно, правоотношения, возникающие в процессе бесспорного взыскания денежных средств, складываются из горизонтальных и вертикальных правоотношений.

Горизонтальные правоотношения складываются между двумя типами субъектов: банком и владельцами счетов по поводу открытия счета и осуществления расчетов, а также владельцами банковских счетов по поводу осуществления между ними безналичных расчетов. К группе владельцев банковского счета относятся не только физические лица, индивидуальные предприниматели и юридические лица, но и государство в лице его исполнительных органов. Эти правоотношения должны регулироваться нормами гражданского права. Поскольку метод правового регулирования состоит в противопоставлении императивного и диспозитивного регулирования, а основные способы регулирования выражены в формах позитивного обязывания, дозволения и запрета, регулируемые горизонтальные отношения как предмет правового регулирования должны соответствовать универсальному принципу юридического равенства их

участников. Следовательно, участники этих отношений не должны иметь никакой принудительной власти по отношению друг к другу, а напротив, обладать одинаковыми юридическими возможностями, и, по общему правилу, на их действия должны распространяться одни и те же гражданско-правовые нормы, чего в действительности в институте бесспорного взыскания Республики Беларусь нет, о чем ниже. Вертикальные правоотношения между банком и государством, а также между владельцами счетов и государством в процессе осуществления последним исполнительно-распорядительной деятельности регулируются императивным методом, то есть субъекты права выступают в отношении друг друга на условиях соподчинения.

В законодательстве Республики Беларусь, регулирующем бесспорное взыскание денежных средств, подход, изложенный в концепции предмета и метода, применяется не в полной мере. Диспозитивный метод правового регулирования, присущий горизонтальным правоотношениям по вопросу движения безналичных денег (безналичных расчетов) между юридически равными субъектами (пусть в роли одного из них и выступает государство), зачастую подменяется императивным методом правового регулирования. Так, субъекты, наделенные правом на бесспорное взыскание денежных средств, субъективно устанавливают наличие перед ними задолженности у владельца счета, самостоятельно определяют ее размер, принимают решение о бесспорном взыскании и безапелляционно исполняют свое решение, связанное с лишением имущественных прав, тем самым возлагая на себя функции судебной власти, что, как представляется, противоречит ст. 44 Конституции Республики Беларусь, которая по своей сути является процессуальной нормой, устанавливающей, что принудительное отчуждение имущества допускается исключительно по мотивам общественной необходимости либо по судебному решению.

Так, например, в соответствии с упомянутой выше ч. 6 п. 1 ст. 18 Закона «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь» ответственность за последствия, возникшие в связи

с представлением недостоверных сведений, указанных в заявлениях о взыскании недоимки с дебиторов, несут плательщики. Фактически подавая такое заявление, плательщик уступает Фонду право требования, как и закреплено в нормативных актах, регламентирующих процедуру бесспорного взыскания органами Комитета государственного контроля и налоговыми органами. Правовому регулированию института перемены лиц в обязательстве посвящена глава 24 ГК. Нормы права, изложенные в ч. 6 п. 1 ст. 18 Закона «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь», не в полной мере соответствуют гражданскому законодательству Республики Беларусь в области, регулирующей перемену лиц в обязательстве, и создают сложности в правоприменительной деятельности, обусловленные несогласованностью указанных норм права. Указанная выше специальная правовая норма не предусматривает уведомление дебитора плательщика о состоявшемся переходе прав кредитора к Фонду, вместе с тем, согласно п. 3 ст. 353 ГК, если должник не был письменно уведомлен о состоявшемся переходе прав кредитора к другому лицу, новый кредитор несет риск вызванных этим неблагоприятных для него последствий. В этом случае исполнение обязательства первоначальному кредитору признается исполнением надлежащему кредитору. Не исключена ситуация, когда в течение одного банковского дня дебитор самостоятельно погасит задолженность перед плательщиком, а Фонд произведет бесспорное взыскание денежных средств с дебитора в счет недоимки обязательных взносов. Плательщик, в свою очередь, в течение этого же дня распорядится поступившими от дебитора денежными средствами и обнулит свой расчетный счет на длительное время, а возможно и станет экономически несостоятельным. Возникает вопрос: к кому апеллировать дебитору за возвратом принадлежащих ему денежных средств, дважды уплатившему долг, к Фонду или к плательщику в Фонд? Сложившаяся судебная практика показывает, что суды при разрешении таких споров (даже при отсутствии долга или его оспаривании) руководствуются нормами Закона «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения

Республики Беларусь» и предлагают истцу (дебитору) обращать свои требования о восстановлении нарушенных прав к контрагенту (плательщику), а не к Фонду. Статья 18 вышеназванного закона не предусматривает передачу плательщиком Фонду каких-либо документов, подтверждающих задолженность дебитора, а согласно п. 1 ст. 356 ГК, кредитор, уступивший требование другому лицу, обязан передать ему документы, удостоверяющие право требования, и сообщить сведения, имеющие значение для осуществления требования. В соответствии со ст. 357 ГК должник вправе выдвигать против требования нового кредитора возражения, которые он имел против первоначального кредитора к моменту получения уведомления о переходе прав по обязательству к новому кредитору. Очевидно, что нормами Закона «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь» не только не предусмотрено наличие права у должника (дебитора плательщика) выдвигать какие-либо требования к Фонду, он вообще лишен права быть уведомленным о переходе таких прав. Законом о ФСЗН специально не оговорено, перед кем несет ответственность плательщик за уступку в пользу ФСЗН несуществующего долга. По общему правилу, изложенному в ст. 361 ГК, первоначальный кредитор, уступивший требование, отвечает перед новым кредитором за недействительность переданного ему требования, что наделяет дебитора правом требования возврата из бюджета неосновательно (по вине плательщика) взысканных денежных средств. Однако, как уже отмечалось выше, исходя из судебной практики, в случае предоставления плательщиком недостоверной информации о якобы имевшей место дебиторской задолженности, на основании которой было осуществлено беспорное взыскание денежных средств с дебитора, последний не может рассчитывать на возвращение денежных средств из бюджета Фонда, а может только предъявлять претензии к плательщику, как правило, неплатежеспособному, что влечет не только несвоевременный возврат денежных средств, а зачастую и их потерю.

В данной ситуации Фонд действует в состоянии, присущем «моральному риску», исключительно в целях максимизации



собственной полезности в ущерб другим в ситуации, когда умышленно (благодаря специальному законодательству) не ощущает полностью последствий своих действий вследствие неопределенности и неполноты контактов и информации [11, с. 158] (нет обязанности проверять документы, подтверждающие дебиторскую задолженность), которые препятствуют возложению на Фонд всего ущерба, так как он застрахован от неблагоприятных последствий своих действий законодательством (нет ответственности и обязанности возвращать неосновательно взысканное).

Ограниченность объема статьи не позволяет автору в ее рамках детально проанализировать все противоречия и коллизии, присущие правовому регулированию бесспорного взыскания денежных средств в Республике Беларусь. Кроме того, заявленной выше целью настоящего исследования было определено выявить основополагающие из них. Остальное представляется лишь делом правильного применения имеющегося арсенала юридических технологий правового анализа.

**Заключение.** Поскольку нормы различных отраслей права не могут и не должны конкурировать между собой, как и методы правового регулирования не могут подменять друг друга либо использоваться одновременно, спектр основополагающих проблем правового регулирования бесспорного взыскания денежных средств в Республике Беларусь определен. Кроме того, проведенное исследование еще раз подчеркнуло, до какой степени могут (но не должны) различаться такие взаимосвязанные категории, как правовая система и система законодательства. Поскольку система права носит объективный характер, а система законодательства больше подвержена влиянию субъективного фактора и во многом зависит от воли законодателя, очевидно, где и кому необходимо приложить усилия по разрешению выявленных коллизий. В противном случае рано или поздно придется признать, что сам институт бесспорного взыскания денежных средств следует упразднить.

## **Список использованных источников**

1. Белова, Т. А. Правовая природа исполнительной надписи как средства защиты нарушенных прав / Т. А. Белова // Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : материалы междунар. круглого стола, Минск, 26 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2019. — С. 10–12.
2. Веселовская, К. И. О бесспорности требований взыскателя к должнику при совершении исполнительной надписи / К. И. Веселовская // Эффективность правового регулирования на современном этапе: теоретические, исторические и отраслевые аспекты : материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 3–4 нояб. 2017 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. А. Червякова (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 150–151.
3. Баянов, С. Требуется обоснование / С. Баянов // Юрист. — 2014. — № 27. — С. 10.
4. Можаяева, Л. Е. Бесспорный порядок взыскания налога, сбора (пошлины), пени / Л. Е. Можаяева // Изв. Гомел. гос. ун-та. — 2012. — № 3. — С. 42–48.
5. Прохорчик, О. А. Реализация конституционных принципов при бесспорном списании денежных средств / О. А. Прохорчик // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. С. Г. Дробязко, Минск, 11–12 окт. 2012 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2012. — С. 241–243.
6. Олейник, О. М. Основы банковского права : курс лекций / О. М. Олейник. — М. : Юристъ, 1997. — 423 с.
7. Полякова, Л. Г. Банковское право : курс лекций / Л. Г. Полякова. — Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2019. — 81 с.
8. Тихомиров, Ю. А. Публичное право : учебник / Ю. А. Тихомиров. — М. : БЕК, 1995. — 485 с.
9. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсесянц. — М. : Норма : Инфра-М, 1999. — XII, 539 с.
10. Банковское право США / А. М. Поллард [и др.] ; под общ. ред. Я. А. Куника ; пер. с англ. Г. А. Командина. — М. : Прогресс. Универс, 1992. — 768 с.
11. Одинцова, М. И. Институциональная экономика : учеб. пособие / М. И. Одинцова. — 3-е изд. — М. : Гос. ун-т — Высш. шк. экономики, 2009. — 396 с.

31.07.2023

**S. T. Malishevsky**

Postgraduate student of the Department of Civil Law Disciplines  
International University "MITSO"

**THE INSTITUTION OF THE INDISPUTABLE RECOVERY  
OF FUNDS IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC  
OF BELARUS AND PROBLEMS OF ITS LEGAL REGULATION**

*Abstract.* On the basis of the analysis of the legal norms regulating the indisputable recovery of funds, using the concept of the subject and the method of jurisprudence, the author has determined the place of the institution of the indisputable recovery of monetary funds in the legal system of the Republic of Belarus and identified the range of problems of legal regulation of the legal relations under consideration.

*Key words:* indisputable recovery, monetary funds, legal system, method of legal regulation.

**А. Л. Мокренчук**

студент четвертого курса юридического факультета  
Белорусского государственного университета

**Н. Л. Бондаренко**

заведующий кафедрой хозяйственного права  
Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* В статье проанализировано влияние процессов цифровизации на общественные отношения, складывающиеся на рынке страховых услуг, представляющем собой сегмент финансового рынка. Характеристикой избранного авторами методологического подхода является профессиональная оценка соотношения процессов технологического развития, особенностей правового регулирования таких отношений и фактического содержания общественных отношений, подвергающихся воздействию процессов цифровизации.

*Ключевые слова:* финансовый рынок, рынок страховых услуг, страховые услуги, цифровизация, технологический уклад, информационные ресурсы, информационные системы, страховое дело.

**Введение.** Особенностью большинства публикаций на тему цифровизации, которыми изобилует в последние годы юридическая литература, является то, что их авторы не уделяют должного внимания анализу правовой природы процессов цифровизации, правовой конструкции явлений и институтов, на которые такие процессы воздействуют. Особенностью настоящей статьи

---

<sup>1</sup> Статья выполнена представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

является то, что в ней будут проанализированы названные вопросы сквозь призму двух крайне сложных тематик — тематики цифровизации в системе общественных отношений и тематики финансового рынка (а именно, такого его сегмента, как рынок страховых услуг).

**Основная часть.** Проблематика определения природы и сущностных характеристик процессов цифровизации на финансовом рынке является крайне сложной по целому ряду причин. Основной причиной является как отсутствие целостного понимания сути внедрения цифровых технологий в механизм и методологическую основу функционирования рынка страховых услуг (как сегмента финансового рынка), так и понимания того, что собой этот рынок представляет.

На наш взгляд, это специфическая разновидность товарных рынков, основным и абсолютно преобладающим объектом сделок на котором являются финансовые услуги (выступающие товаром на таком товарном рынке). Такой вывод следует не только из доктринальных источников, но и закреплён в законодательстве (Налоговом кодексе Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», постановлении Национального статистического комитета Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 40 «Об утверждении формы государственной статистической отчетности 12-вэс (услуги) «Отчет об экспорте и импорте услуг» и указаний по ее заполнению», декларирующих что товарный рынок — это сфера обращения товара).

Такой сегмент финансового рынка, как рынок страховых услуг, обладает собственной разновидностью товара, роль которого выполняют страховые услуги. В правовой и организационной конструкции страховой услуги скрываются особенности процессов цифровизации общественных отношений данной разновидности, которые объясняются тем, что момент, когда приобретатель страховой услуги (страхователь) уплачивает страховую премию (страховой взнос), отдален от получения страховой услуги. Он приобретает лишь обещание страховой организации

обеспечить страховую защиту при наступлении заранее оговоренных страховых случаев, которые предусмотрены в договоре страхования [1].

Риск — центральное понятие в страховании. Существование риска и рискованных событий — это то безусловное условие, без которого страхование потеряло бы всякий смысл. Фактически весь смысл страхования сконцентрирован на идее управления страхуемыми рисками. Причем для страховщика такой риск всегда имеет экономический характер (который в страховом деле преимущественно понимают как сформулированную Дж. Кейнсом [2] экономическую конструкцию).

Обслуживание рисков есть основополагающая идея страхования как правового института. Такое обслуживание и управление рисками всегда являлось сложной проблемой и еще более усложнилось в силу процессов технологической трансформации общества.

Сегодня общество находится в состоянии трансформации всех сегментов системы общественных отношений под влиянием процесса, который, по аналогии с индустриализацией, именуется цифровизацией и под которым в наиболее общем виде понимается активное внедрение высоких технологий в механизмы и методологию общественных отношений.

Процесс цифровизации так или иначе затрагивает все сферы общественного производства, и финансовый сектор экономики, в том числе страхование, в серьезной степени подвержен данному процессу.

Очевидно, что как упомянутая индустриализация, так и цифровизация являются этапами единого процесса преобразования общественного хозяйства. В доктрине сразу нескольких наук данные процессы получили наименование технологических укладов [3], характеристики которых и определяют то, каким образом осуществляется производство того или иного товара (включая страховые услуги). Спецификой страхового дела является то, что в нем уникальным образом пересекаются технологии, свойственные пятому (информационно-коммуникационные технологии) и шестому (искусственный интеллект) технологическому укладу. Такое сочетание отдельные авторы как раз и характеризуют термином «цифровизация» [4].

Следовательно, можно констатировать, что цифровизация определенного сегмента общественных отношений — это *трансформация методологии совершения юридических значимых действий, предполагающая использование для этих целей различных цифровых технологий*. Тому свидетельством является и позиция законодателя: под цифровизацией в Республике Беларусь понимается процесс, осуществляемый с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) для решения задач по производству или управлению, накоплению и анализу больших массивов данных, то есть это *«новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления, процесс перехода на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но также накопление и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов и т. д.»* [5].

Соотношение цифровой технологии и ИКТ следует понимать как соотношение формы и содержания, где «цифровая» — форма, а «информационно-коммуникационная» — содержание технологии. Следовательно, под цифровой технологией в узком смысле следует понимать «цифровую ИКТ». Следовательно, в широком смысле цифровизация — это элемент информатизации, предполагающий переход на технологии, работающие с дискретными сигналами. В узком смысле цифровизация — это процесс внедрения и использование цифровых ИКТ в хозяйственной деятельности для решения задач по производству или управлению, накоплению и анализу больших массивов данных [4].

Ключевыми направлениями цифровизации в страховом деле являются:

- совершенствование системы регистрации и накопления в едином информационном центре сведений о заключаемых договорах страхования, страховых случаях и выплатах по ним;
- развитие дистанционных форм взаимодействия страховых организаций с потенциальными страхователями (застрахованными лицами, выгодоприобретателями), повышение качества их обслуживания [6].

Можно утверждать, что в Республике Беларусь в настоящее время идея цифровизации в страховании реализуется достаточно успешно. Единая система накопления страховой истории представлена Автоматизированной информационной системой «Государственный страховой регистр», которая предназначена для общегосударственного учета информации, касающейся различных аспектов деятельности страховых организаций [7].

В свою очередь, возможность использования дистанционных форм взаимодействия страховщиков с клиентами предопределяется правовой конструкцией договора страхования, установленной законодательством о страховании [8]. Причем договоры добровольного страхования могут заключаться без применения электронной цифровой подписи. В свою очередь, при осуществлении страховой деятельности страховая организация может проводить идентификацию обратившихся к ней страхователей в автоматизированных информационных системах, к которым подключена страховая организация [8].

Тем не менее большинство договоров страхования в Беларуси все еще заключаются на бумажном носителе. В то же время расширение дистанционного режима договорной работы в страховании вполне успешно осуществляется, хотя и с довольно скромными прогнозными показателями (как отмечается в отчете БАС, по итогам 2021 года доля договоров страхования, заключаемых в электронном виде, в общем количестве договоров превысила плановый показатель и составила 2,0 % при запланированном показателе в 1,5 % [9]). Несмотря на некоторую некорректность данного термина в отношении характеризующих общественных отношений, такого рода процессы в страховании получили наименование «интернетизация». Наиболее подверженными интернетизации являются такие сегменты страховых услуг, как автострахование и медицинское страхование. Перевод автострахования в онлайн во многом заслуга Белорусского бюро по транспортному страхованию. В частности, появилась возможность заключить договор внутреннего страхования в электронном виде без использования электронной цифровой подписи в подсистеме заключения договоров страхования в электронном виде автоматизированной информационной системы по обяза-



тельному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее — подсистема АИС «Бюро») после идентификации страхователя и транспортного средства [10; 11]. Также была реализована возможность заполнения извещения о дорожно-транспортном происшествии посредством заполнения в электронном виде в мобильных приложениях, интегрированных с АИС «Бюро» — электронный европротокол [12; 13].

Весьма успешна с точки зрения информатизации и цифровизации «безофисная» страховая организация ЗАСО «Имклива Иншуранс» — лидер в онлайн-страховании с долей рынка 41 % по результатам 2023 года. Страховая организация «Имклива Иншуранс» по праву может называться лидером рынка онлайн-страхования Беларуси. Бизнес-модель указанной организации направлена на формирование условий для «безофисного дистанционного онлайн-обслуживания полного цикла» [14].

В обобщенном виде процессы цифровизации в страховом деле осуществляются по четырем основным направлениям:

- интернет-продажа страховых услуг;
- удаленная коммуникация с клиентами, застрахованными лицами;
- удаленная коммуникация с объектами страхования;
- удаленная коммуникация с урегулированием страховых случаев через интернет.

Необходимо отметить, что Закон Республики Беларусь от 5 января 2024 г. № 344-З «О страховой деятельности», вступающий в силу с 1 января 2025 г., содержит нововведения, способные серьезно повлиять на состояние онлайн-страхования, поскольку в данном нормативном правовом акте прямо закрепляется возможность заключения договора страхования не только через официальный интернет-сайт страховщика, но также и через мобильные приложения [15].

Венцом онлайн-страхования (и соответственно, процессов цифровизации в страховом деле) в современном мире страхования являются страховые агрегаторы и маркетплейсы. В частности, в Беларуси функционирует страховой агрегатор «Vedaem» (находящийся в управлении ООО «Страховой брокер Атлант-М»), осуществляющий деятельность в качестве страхового брокера и позиционирующий себя как «сервис по подбору страховок».

Он сравнивает все предложения в Беларуси, позволяет оплатить страховку онлайн и получить полис курьером» [16].

Процесс оцифровывания текущей хозяйственной деятельности в страховой организации нашел свое отражение в повсеместном внедрении в систему управления автоматизированных информационных систем (АИС) различного назначения, в том числе автоматизированной системы документационного обеспечения управления (АС ДОУ).

Вопреки многочисленным публикациям о якобы невероятных технологиях «Fintech», цифровизация в страховом деле воплощается в содержательные характеристики информационных ресурсов и информационных систем, находящихся во владении страховщиков (природа которых определяется нормами Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»). Есть все основания утверждать, что в своей основе «Fintech» представляет собой корпоративные информационные системы. Примерами таких систем являются ERP (Enterprise Resource Planning), ERP-II (Enterprise Resource and Relationship Processing), СРМ (Corporate Performance Management). ERP-системы поддерживают стратегическое планирование и оперативное управление ресурсами [17].

Ключевым требованием, предъявляемым к автоматизированным информационным системам страховых организаций, является их взаимная интеграция с Автоматизированной информационной системой «Государственный страховой регистр» — автоматизированной информационной системой Министерства финансов Республики Беларусь, обеспечивающей формирование страховых историй, их хранение и предоставление страховых отчетов, функционирующей по правилам, установленным постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 16 декабря 2016 г. № 107 «О формировании страховых историй и предоставлении страховых отчетов».

Известной информационной системой, которая используется в хозяйственной деятельности всех страховых организаций, является интернет-сайт, который в законодательстве о страховании именуется «официальный сайт в глобальной ком-

пьютерной сети Интернет» [15]. В силу политики раскрытия информации наличие интернет-сайта для страховой организации является обязательным. Идентификация обратившихся к страховщику в дистанционном режиме клиентов осуществляется в автоматизированных информационных системах, к которым подключена страховая организация. Такой системой является межбанковская система идентификации (МСИ).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях», МСИ — *информационная система, используемая для сбора, обработки, хранения и предоставления данных о клиентах, их представителях, предназначенная для идентификации указанных лиц, в целях предоставления им пользователями системы идентификации услуг и выполнения государственными органами функций, определенных законодательством (за исключением осуществления административных процедур), в том числе дистанционно*. Идентификация же представляет собой комплекс мероприятий по установлению данных о клиентах, их представителях.

**Заключение.** Подводя итог, можно сделать вывод, что состояние страхового дела в Республике Беларусь на современном этапе развития финансового рынка характеризуется развитой и эффективной технологической основой, позволяющей использовать всю имеющуюся в распоряжении цивилизации совокупность цифровых технологий, обеспечивающих возможность производства страховых услуг в технологическом режиме, удовлетворяющем потребности страховщика, его клиентов и государства. Это заслуга отечественного законодателя, эффективно регулирующего функционирование рынка страховых услуг в Республике Беларусь.

Можно констатировать широкое внедрение цифровых технологий в страховое дело. При этом процессы цифровизации отнюдь не сопровождаются появлением у страховых организаций неких «сверхъестественных способностей», вытекающих из такой «модной» категории, как «Fintech». На самом деле «Fintech» есть результат кропотливой работы специалистов самого разнообразного профиля, позволяющий строить в рамках организационной структуры страховой организации такую совокупность информационных ресурсов и информационных систем, которая

обеспечивает возможность такой организации в непрерывном режиме взаимодействовать со всеми заинтересованными субъектами.

Изучение правовой природы, правовой и организационной конструкции совокупности информационных ресурсов и информационных систем позволяет сформировать целостное представление о специфике страхового дела и правовом режиме его осуществления. Для этого необходимо установить взаимосвязь целого комплекса правовых и технических институтов, выработав «формулу» имплементации процессов цифровизации в систему страховых правоотношений.

Решение этой непростой задачи возможно посредством разработки доктринальной основы хозяйственного права в целом и такой области научного знания, как юридическая квалиметрия. основополагающим направлением практического применения квалиметрического знания по вопросам цифровизации системы общественных отношений должен стать массив минимальных стандартов использования и распространения информации о технологическом развитии системы общественных отношений, подлежащих применению по четырем направлениям практической деятельности: 1) нормотворческий процесс; 2) функционирование системы государственного управления; 3) функционирование системы корпоративного и ведомственного управления в организации; 4) образовательный процесс по специальностям юридического, экономического и управленческого профиля.

Предлагаемый нами методологический подход позволит не только устранить элемент спекулятивности в понимании сущности цифровизации, но и значительно повысить эффективность нормотворческого процесса и процесса правоприменения.

### ***Список использованных источников***

1. Страхование : учеб. пособие / М. А. Зайцева [и др.] ; под ред. М. А. Зайцевой. — Минск : БГЭУ, 2020. — 415 с.
2. Доклад для общественных консультаций «Экосистемы: подходы к регулированию» [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: [https://cbr.ru/content/document/file/119960/consultation\\_paper\\_02042021.pdf](https://cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf). — Дата доступа: 24.04.2024.

3. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

4. Бондаренко, Н. Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // *Ex Jure*. — 2021. — № 1. — С. 56–67.

5. Цифровая трансформация. Термины и определения : СТБ 2583-2020. — Введ. 01.03.2021. — Минск : Госстандарт, 2020. — 16 с.

6. О Республиканской программе развития страховой деятельности на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета министров Республики Беларусь, 15 ноября 2016 г., № 922 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Автоматизированная информационная система «Государственный страховой регистр» [Электронный ресурс] // ИВЦ Минфина. — Режим доступа: [https://www.ivcmf.by/services/aic\\_gsr/](https://www.ivcmf.by/services/aic_gsr/). — Дата доступа: 24.04.2024.

8. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

9. Обзор итогов работы страхового рынка Республики Беларусь за 2021 год [Электронный ресурс] // Белорусская ассоциация страховщиков. — Режим доступа: <https://belasin.by/assets/files/analysis/strahovoj-rynok-rb-2021.pdf>. — Дата доступа: 24.04.2024.

10. Договор ОСГОВТС в электронном виде [Электронный ресурс] // Бел. бюро по транспортному страхованию. — Режим доступа: [https://www.btib.org/services/osgovts\\_agreement/](https://www.btib.org/services/osgovts_agreement/). — Дата доступа: 24.04.2024.

11. Правила проведения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств [Электронный ресурс] : приказ Бел. бюро по транспортному страхованию, 1 авг. 2019 г., № 31-од // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

12. Об установлении форм бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии и утверждении Инструкции о порядке его заполнения [Электронный ресурс] : приказ Бел. бюро по транспортному страхованию, 25 февр. 2010 г., № 6-од // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

13. Электронный европротокол [Электронный ресурс] // Бел. бюро по транспортному страхованию. — Режим доступа: <https://www.btib.org/services/euro-protocol/>. — Дата доступа: 24.04.2024.

14. Imkliva insurance [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://imkliva.by/company/>. — Дата доступа: 24.04.2024.

15. О страховой деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2024 г. № 344-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

16. Vedaem.by [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vedaem.by/about>. — Дата доступа: 24.04.2024.

17. Свищев, А. В. Информационные системы в страховании / А. В. Свищев, М. А. Одинцова // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 5-2 (56). — С. 262–265.

05.06.2024

**A. L. Mokrenchuk**

Fourth year student at the Faculty of Law  
Belarusian State University

**N. L. Bondarenko**

Head of the Department of Economic Law Belarusian State University,  
Doctor of Law, Professor

## **DIGITIZATION OF THE INSURANCE SERVICES MARKET**

*Abstract.* The article analyzes the impact of digitalization processes on social relations emerging in the insurance services market, which is a segment of the financial market. The characteristic of the methodological approach chosen by the authors is a professional assessment of the relationship between the processes of technological development, the features of the legal regulation of such relations and the actual content of social relations affected by digitalization processes.

*Key words:* financial market, insurance market, insurance services, digitalization, technological structure, information resources, information systems, insurance business.

**А. И. Пахоменко**

соискатель кафедры гражданского и хозяйственного права  
Института управленческих кадров Академии управления  
при Президенте Республики Беларусь

## **ИГОРНЫЙ БИЗНЕС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ**

*Аннотация.* В статье представлен комплексный обзор законодательной базы, устанавливающей обязательные требования и условия в отношении игорного бизнеса в Республике Беларусь, что обеспечивает общее представление об основных правилах его ведения. Рассмотрены основные требования, обязательные для выполнения субъектами игорного бизнеса при осуществлении данного вида предпринимательской деятельности. Сформирован перечень основных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок организации и проведения азартных игр.

*Ключевые слова:* азартные игры, игорное заведение, игорный бизнес, организатор азартных игр, игровое оборудование.

**Введение.** Игорный бизнес требует повышенного внимания со стороны государства. Опыт Республики Беларусь, других стран свидетельствует о том, что его бесполезно запрещать. Важно установить четкие правила работы игорного бизнеса [1].

Актуальность темы исследования заключается в том, что формирование эффективной нормативной правовой базы, регулирующей данный институт гражданских правоотношений, отвечающей вызовам современности, ее своевременная актуализация, исключение излишних требований являются необходимыми и важными с целью обеспечения соблюдения баланса интересов между государством, бизнесом и обществом.

Как показывает практика, игорный бизнес — перспективная, активно развивающаяся отрасль азартной индустрии, при этом постоянно меняющаяся в плане правовых норм, регулирования и других аспектов игорной деятельности [2].

Основная цель настоящей статьи — представить комплексный обзор действующих нормативных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь, и сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства.

Научная новизна состоит в том, что обобщены требования многочисленных нормативных правовых актов по теме исследования и выработаны некоторые предложения по актуализации правовых норм.

Результаты работы могут быть использованы в практической деятельности, а также учтены при актуализации законодательства в сфере игорного бизнеса.

Отдельным вопросам гражданско-правового регулирования игорного бизнеса Республики Беларусь посвящены работы А. С. Смотриковой «Проведение игр и пари в Республике Беларусь: правовое регулирование», М. И. Росенко и Е. В. Скребец «К вопросу о правовом регулировании игорного бизнеса в России и в Республике Беларусь», О. С. Куделко «Проблематика правоприменения в области проведения азартных игр в Республике Беларусь» и другие работы.

М. В. Триносова в статье «Проблемы гражданско-правового регулирования игр и пари в Республике Беларусь» отмечает, что изначально такие обязательства, как азартные игры и пари, из-за господствующего на протяжении долгого времени неодобрительного отношения к ним развивались исключительно в рамках публичного права (уголовного, административного). И только с принятием Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 им было уделено внимание в рамках гражданско-правового регулирования. В Гражданском кодексе Республики Беларусь правовые нормы, касающиеся проведения игр и пари, были выделены в самостоятельную главу, что предоставило возможность утверждать о появлении нового правового института в системе отдельных видов обязательств [3, с. 187].

**Основная часть.** Итак, правовую основу участия в названных общественных отношениях составляют нормы главы 57 Граж-



данского кодекса Республики Беларусь, образующие гражданско-правовой институт «игры и пари», а также нормы специальных нормативных правовых актов, согласно которым на территории Республики Беларусь допускается участие физических лиц в азартных играх, лотереях, электронных интерактивных играх, рекламных играх. Несмотря на то, что участие в перечисленных играх осуществляется в рамках гражданско-правовых отношений на основе заключенного гражданско-правового договора, процесс организации и проведения игр урегулирован нормами, закрепленными в указах Президента Республики Беларусь. Особую сложность в изучении соглашения об играх и пари в контексте гражданского правоотношения представляет его содержание, поскольку гражданский кодекс содержит лишь некоторое упоминание о наличии прав и обязанностей сторон, что не позволяет четко регламентировать содержание исследуемого правоотношения [4].

Сфера регулирования главы 57 Гражданского кодекса Республики Беларусь распространяет свое действие не только на азартные, но и на другие виды игр. Азартная игра — основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное участниками азартной игры между собой либо участником (участниками) азартной игры с организатором азартной игры. Деятельность в сфере игорного бизнеса определяется как деятельность, направленная на заключение основанных на риске соглашений о выигрыше с участниками азартных игр и (или) организацию заключения таких соглашений между несколькими участниками азартной игры, в том числе посредством использования глобальной компьютерной сети Интернет [5].

Основополагающим нормативным правовым актом, определяющим порядок организации и проведения азартных игр, является Положение об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9 «Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса» (далее — Положение 9), которое определяет основные подходы к правовому регулированию игорного бизнеса на территории Республики Беларусь и устанавливает общие требования.

Основные термины, используемые в данной сфере гражданских правоотношений, и их определения утверждены приложением к Положению 9.

В Республике Беларусь разрешены организация и (или) проведение следующих видов азартных игр: букмекерская игра; букмекерская онлайн-игра; игра бинго; игра в карты; игра в кости; игра на игровых автоматах; игра тотализатора; онлайн-игра в карты; онлайн-игра тотализатора; слот-игра; цилиндрическая игра (рулетка) [5].

Разрешено осуществление следующих видов деятельности в сфере игорного бизнеса: содержание букмекерской конторы; содержание виртуального игорного заведения; содержание зала игровых автоматов; содержание казино; содержание тотализатора [5].

Положение 9 устанавливает строгие требования к территориальному расположению игорных заведений: игорные заведения не могут располагаться на объектах, не завершённых строительством, во временных постройках, под навесами и в других подобных сооружениях, в капитальных строениях (зданиях, сооружениях), в которых расположены учреждения образования, государственные организации здравоохранения, религиозные организации, в зданиях жилых домов, помещениях государственных органов, банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, объектов почтовой связи и электросвязи, санаторно-курортных и оздоровительных организаций и организаций культуры, в физкультурно-спортивных сооружениях (кроме букмекерских контор и тотализаторов), при этом игорное заведение может размещаться только в капитальном строении (здании, сооружении), занимать это строение полностью либо его изолированные помещения (исключение составляют букмекерские конторы и тотализаторы, которые могут занимать часть помещения) общей площадью не менее 100 квадратных метров для залов игровых автоматов, не менее 250 квадратных метров для казино. Требование к минимальной площади залов игровых автоматов и казино, расположенных в помещениях гостиниц и гостиничных комплексов категории «три звезды» и выше, не предъявляются [5].

Не допускается использование игрового оборудования, не принадлежащего организатору азартных игр на праве собственности (хозяйственного ведения). Данное требование видится утратившим свою актуальность. Наличие требования принадлежности игрового оборудования на праве собственности (хозяйственного ведения) влечет невозможность использования для организации азартных игр игрового оборудования на правах аренды, безвозмездного пользования, лизинга. Так сложилось исторически при формировании законодательства в сфере игорного бизнеса в Республике Беларусь еще в тот период, когда не был обеспечен прозрачный контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса посредством подключения к специальной компьютерной кассовой системе, обеспечивающей возможность получения контролирующими (надзорными) органами в онлайн-режиме информации о денежных потоках в игорных заведениях, а также в целом за соблюдением законодательства при организации азартных игр, и требовалось для возможности применения за нарушение установленных требований к субъектам игорного бизнеса такой санкции, как конфискация игрового оборудования. Исходя из практики осуществления игорного бизнеса, данное требование видится утратившим свою актуальность, в настоящее время излишним, не способствующим цивилизованному развитию сферы и препятствующим наполняемости игорных заведений современным игровым оборудованием, а соответственно, влекущим отсутствие конкурентоспособности на международном рынке игорного бизнеса, ввиду чего видится целесообразным исключить данное требование при очередной корректировке законодательства в сфере игорного бизнеса.

Современный международный опыт отражает востребованность использования института аренды игрового оборудования при организации азартных игр. В частности, использование игровых автоматов, находящихся у организаторов азартных игр на праве аренды, допускается на территории Германии, Словакии, Румынии, Хорватии, Испании, Бельгии, Мексики, США, Доминиканской Республики, Анголы, Нигерии, Республики Уганда, Коста-Рики и других государств.

С 1 декабря 2013 г. в Республике Беларусь функционирует единая система контроля игорных заведений — специальная компьютерная кассовая система, обеспечивающая контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса (далее — СККС), без подключения к которой организация и проведение азартных игр не допускаются.

Порядок учета в СККС объектов учета, права и обязанности мониторингового центра (общества с ограниченной ответственностью «Мониторинговый центр по игорному бизнесу», обеспечивающего круглосуточное функционирование СККС и предоставление с применением СККС в режиме реального времени уполномоченным государственным органам полной и достоверной информации о работе игорных заведений) определены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2011 г. № 1762 «Об утверждении Положения о порядке функционирования специальной компьютерной кассовой системы, обеспечивающей контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса, и мониторингового центра в сфере игорного бизнеса по ее обслуживанию» [6].

В соответствии с Положением 9 действует механизм ограничения физических лиц в посещении игорных заведений и участии в азартных играх на территории Республики Беларусь, что обеспечивает защиту физических лиц от негативных проявлений игорного бизнеса. Минимальный срок ограничения составляет шесть месяцев, максимальный — три года.

Физическое лицо может как самостоятельно инициировать свое ограничение посредством подачи любому организатору азартной игры соответствующего заявления, так и определенный круг лиц может инициировать такое ограничение физического лица в судебном порядке в случае, если физическое лицо вследствие участия в азартных играх ставит себя и (или) свою семью в тяжелое материальное положение.

Возможность отмены наложенных ограничений до истечения установленного срока законодательство Республики Беларусь не предусматривает, вместе с тем видится правильным предоставление права досрочного отказа от самостоятельно наложенного ограничения и отмены судебного при изменении

жизненных обстоятельств, ввиду которых были приняты такие решения, поскольку ограничение в посещении игорных заведений и участия в азартных, по сути, является ограничением дееспособности, а соответственно, с целью обеспечения защиты прав физических лиц должна быть предусмотрена и процедура пересмотра такого решения.

Обеспечивается механизм ограничения физических лиц от участия в азартных играх посредством ведения централизованного единого перечня физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участия в азартных играх (далее — перечень), доступ к которому предоставляется всем субъектам игорного бизнеса. Каждый посетитель, прибывающий в игорное заведение, обязан предъявить документ, удостоверяющий его личность, а организатор азартных игр — обеспечить проверку по перечню на предмет наличия ограничений и в случае нахождения сведений о лице в перечне — отказать в посещении игорного заведения. В виртуальных игорных заведений запрет обеспечивается посредством идентификации физических лиц. Организатор азартных игр при осуществлении деятельности по содержанию виртуального игорного заведения обязан обеспечить при регистрации игрового счета и (или) при приеме ставки проверку посредством СККС-сведений о физическом лице на предмет наличия сведений о нем в перечне [5].

Порядок организации и проведения азартных игр достаточно подробно детализирован в разрезе видов игорного бизнеса — постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 211 утверждены положения о порядке осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса по содержанию казино, зала игровых автоматов, тотализатора, букмекерской конторы, а постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 марта 2019 г. № 139 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 августа 2018 года № 305» утверждено Положение о порядке осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса по содержанию виртуального игорного заведения.

Азартные игры организуются и (или) проводятся согласно правилам организации и (или) проведения азартных игр. Правила организации и (или) проведения азартных игр (за исключением азартных игр, правила организации и (или) проведения которых определяются их программным обеспечением и (или) технической документацией) утверждаются организаторами азартных игр по согласованию с Министерством по налогам и сборам [5], вместе с тем опубликованным проектом Указа Президента Республики Беларусь по вопросам корректировки Положения 9 предлагается исключить обязанность согласования Правил в пользу уведомительного порядка — направления утвержденных правил посредством СККС.

При этом правила организации и проведения азартных игр должны быть разработаны субъектом игорного бизнеса в соответствии с требованиями, которые установлены Инструкцией о порядке оформления правил организации и (или) проведения азартных игр, утвержденной постановлением Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 31 января 2019 г. № 9 «О правилах организации и (или) проведения азартных игр».

С 2011 года в Республике Беларусь функционирует Государственный реестр моделей игровых автоматов, допущенных к использованию в Республике Беларусь (далее — Государственный реестр). Порядок ведения Государственного реестра установлен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 апреля 2011 г. № 424.

Требования к игровым автоматам и их программному обеспечению, при соответствии которым модели игровых автоматов включаются в Государственный реестр, а также порядок проведения экспертизы моделей игровых автоматов на соответствие таким требованиям определены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 февраля 2019 г. № 137 «Об экспертизе моделей игровых автоматов и включении их в реестр».

С целью защиты интересов участников азартных игр установлено, что фактически заложенный средний процент денежного выигрыша игрового автомата должен быть не ниже 90 процентов, что подлежит проверке в рамках испытаний [7].

Процедура включения моделей игровых автоматов в Государственный реестр достаточно длительная, сложная и дорогостоящая, при этом ограничен субъектный состав возможных заявителей — инициировать включение модели игрового автомата в Государственный реестр могут лишь производители либо их уполномоченные представители. Данное обстоятельство негативным образом отражается на наполняемости Государственного реестра, а соответственно, на разнообразии игрового оборудования, допущенного к использованию в Республике Беларусь, поскольку для большинства иностранных производителей прогнозируемый на основе количества субъектов игорного бизнеса объем продаж не интересен с учетом трудовых и финансовых затрат, необходимых для выхода на белорусский рынок, а сами субъекты игорного бизнеса права включать новые модели игровых автоматов в Государственный реестр не имеют. В связи с изложенным организаторы азартных игр не могут обеспечить в игорных заведениях разнообразие игровых автоматов и соответствие игорных заведений международному уровню. Предоставление права быть заявителями по вопросам, связанным с включением моделей игровых автоматов в Государственный реестр, организаторам азартных игр и импортерам игрового оборудования будет способствовать расширению рынка допущенных к использованию игровых автоматов.

Индустрия развлечений в целом и игорный бизнес в частности воспринимаются правом как реалии современного общества, требующие достаточно четкой правовой регламентации. Одним из важнейших механизмов такого регулирования во многих странах выступает институт лицензирования, который позволяет государству осуществлять контрольные функции в сфере игровой индустрии [8].

Организация и проведение азартных игр в Республике Беларусь также допускается исключительно на основании лицензии на соответствующий вид деятельности в сфере игорного бизнеса. Порядок получения соответствующей лицензии, лицензионные требования, предъявляемые для соискателей лицензии и действующих субъектов игорного бизнеса, определены главой 17 Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-3 «О лицензировании».

Стоит также отметить, что при осуществлении деятельности субъектам игорного бизнеса необходимо строго выполнять требования Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения».

В игорных заведениях должны быть утверждены правила внутреннего контроля, а также обеспечено регулярное обучение лиц, осуществляющих финансовые операции по вопросам реализации внутреннего контроля. Требования к правилам установлены Инструкцией о требованиях к правилам внутреннего контроля, осуществляемого организаторами азартных игр, утвержденной постановлением Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 16 сентября 2016 г. № 27.

Организаторы азартных игр обязаны обеспечить выполнение внутреннего контроля за финансовыми операциями с целью минимизации рисков вовлечения их работников в противоправную деятельность, связанную с легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения.

Таким образом, основными нормативными правовыми актами, образующими законодательство в сфере игорного бизнеса Республики Беларусь, которые должны знать и применять руководители и сотрудники игорных заведений для обеспечения законности его ведения, являются:

- Гражданский кодекс Республики Беларусь (глава 57 «Проведение игр и пари»);
- Указ Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9 «Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса»;
- Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании»;
- постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 211 «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 19 ноября 2010 г. № 599»;



- постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 марта 2019 г. № 139 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 августа 2018 г. № 305»;
- постановление Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 7 июня 2011 г. № 29 «Об утверждении Государственного реестра моделей игровых автоматов, допущенных к использованию в Республике Беларусь»;
- постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 февраля 2019 г. № 137 «Об экспертизе моделей игровых автоматов и включении их в реестр»;
- постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2011 г. № 1762 «Об утверждении Положения о порядке функционирования специальной компьютерной кассовой системы, обеспечивающей контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса, и мониторингового центра в сфере игорного бизнеса по ее обслуживанию»;
- постановление Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 27 декабря 2016 г. № 33 «О порядке внесения сведений в перечень физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участия в азартных играх, ведения и доведения его до сведения организаторов азартных игр, а также предоставления доступа к нему»;
- постановление Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 31 января 2019 г. № 9 «О правилах организации и (или) проведения азартных игр»;
- Инструкция о требованиях к правилам внутреннего контроля, осуществляемого организаторами азартных игр, утвержденная постановлением Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 16 сентября 2016 г. № 27.

**Заключение.** Законодательство в сфере игорного бизнеса на настоящем этапе своего развития является достаточно современным и детально регламентирующим порядок осуществления деятельности, вместе с тем, исходя из практики осуществления деятельности, анализа возникающих проблем и причин, препятствующих дальнейшему цивилизованному развитию

данной сферы, автор видит необходимыми, в частности, следующие коррективы законодательства в сфере игорного бизнеса:

1) исключить запрет использования игрового оборудования, не принадлежащего организатору азартной игры на праве собственности (хозяйственного ведения);

2) определить порядок и условия досрочной отмены установленного в отношении физического лица ограничения в посещении игорных заведений и участия в азартных играх с целью восстановления гражданского права на заключение сделок соответствующего вида;

3) упростить процедуру включения моделей игровых автоматов в Государственный реестр, посредством которой обеспечивается их допуск на внутренний рынок, в том числе расширив субъектный состав лиц, которые вправе инициировать включение модели игрового автомата в Государственный реестр, предоставив право быть заявителями организаторам азартных игр и импортерам игрового оборудования.

### ***Список использованных источников***

1. Юрьева, К. Е. Налогообложение игорного бизнеса в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / К. Е. Юрьева // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10 дек. 2019 г./ под ред. Н. В. Пантелеевой. — Могилев : Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2020. — С. 385–388.

2. Бурлякова, А. С. Анализ мирового опыта привлечения инвестиций в игорный бизнес / А. С. Бурлякова // Междунар. журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 7-2. — С. 257–260;

3. Триносова, М. В. Проблемы гражданско-правового регулирования игр и пари в Республике Беларусь / М. В. Триносова // Актуальные проблемы современного права и государства : материалы междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, Смоленск, 18 дек. 2015 г. — Смоленск: Саратовская гос. юрид. академия, 2015. — С. 187–190.

4. Смотрикова, А. С. Проведение игр и пари в Республике Беларусь: правовое регулирование / А. С. Смотрикова // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук : материалы

ХП Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов : в 3 ч., Минск, 21 апр. 2022 г. / редкол.: С. И. Романюк [и др.]. — Минск : БИП — Университет права и социально-информационных технологий. — Т. 1. — С. 123–124.

5. Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 янв. 2005 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

6. Об утверждении Положения о порядке функционирования специальной компьютерной кассовой системы, обеспечивающей контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса, и мониторингового центра в сфере игорного бизнеса по ее обслуживанию [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2011 г., № 1762 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

7. Об экспертизе моделей игровых автоматов и включении их в реестр [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 февр. 2019, № 137 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

8. Пехота, Т. М. Правовое регулирование лицензирования деятельности в сфере игорного бизнеса в Республике Беларусь / Т. М. Пехота // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2009. — № 1. — С. 102–113.

14.09.2023

**A. I. Pakhomenka**

Applicant of the Department of Civil and Commercial Law  
of the Institute of Management Personnel of the Academy  
of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

**GAMBLING BUSINESS OF THE REPUBLIC OF BELARUS:  
LEGAL REGULATION**

*Abstract.* The article provides a comprehensive overview of the legislative framework that establishes mandatory requirements and conditions for gambling in the Republic of Belarus, which provides a general idea of the basic rules of its conduct. The main requirements that are mandatory for gambling business entities to fulfill when carrying out this type of entrepreneurial activity are considered. A list of the main regulatory legal acts regulating the organization and conduct of gambling has been formed.

*Key words:* games of chance, gambling establishment, gambling, gambling operator, gaming equipment.